

Сага 8

*Мегалиты Ленинградской области
Неолитические памятники острова Ловчий
Рунические камни и каменные корабли
Душа, смерть и возрождение*

Журнал №8

*Журнал Сага
Free Asatruar Union
2014г.*

*Редколлегия: Надежда Попчий (Традис), Волкова Светлана
(Рогнеда), Волкова Наталия (Самоса),*

Екатерина М. Голубева.

Содержание:

Слово от редакции **4**

Сакральная география

В. Мизин «Легенды Балтийских островов» **5**

А. Курилович «Камни забытые и почитаемые. Исследования общины Тротборг» **7**

С. Волкова «Загадки острова Ловчий» **10**

А. Корсун «Скандинавские рунические камни: 2000 лет рун и пять веков рунологии» **15**

А. Корсун «Каменные корабли» **34**

Вести из Ольховки **35**

Традиция: сегодня и всегда

Из книги Our Troth. Глава XXVI. Душа, смерть и возрождение. Перевод Н. Топчий **37**

Esgal «О погребальном обряде в Северной Традиции» **51**

Н. Топчий «Погребение в Фюркате» **62**

Elizabeth Gilbert «О внутренней старухе». Перевод Rakugan **69**

Исследование мифа

Maths Bertell «Путешествие Тьялви». Перевод Н. Топчий **71**

Соседи в Мидгарде

Песнь льювлинга (*Ljúflingsljóð*). Перевод Н. Топчий под редакцией Т. Ермолаева **79**

Книга из мира эльфов. Перевод Т. Ермолаева **83**

Е. М. Голубева «Зачарованные каменные великаны» **85**

Весёлые тролли и не только. Иллюстрации Заварзиной Натальи **89**

Слово от редакции:

Вот и выходит новый, восьмой по счету, номер нашего некогда журнала, а теперь альманаха «Сага». Формат альманаха предполагает некоторую отстранённость от сиюминутного, но даёт возможность обратиться к значительным темам, рассмотрев их пусть не всеобъемлюще, но с разных сторон. И темой этого выпуска был мир камня. Мир «обитателей скал», троллей и Сокрытого народа, мир загадочных Мест Силы, где отдельные древние камни и целые рукотворные «каменные корабли» становятся местом поклонения для интуитивно чувствующих и, может быть, точкой связи миров — для ведающих. Мир камней и гор, тесно сплетенный в нашем сознании с Подземным Миром и чертогами Хель, а потому мир грозный, от опасностей которого защищает Молот, священное оружие Тора. Наш рассказ лишь пунктирно коснётся исландских сказок и песен про альвов-эльфов, осветит образ самых «камнеподобных» существ Сокрытого народа — троллей, поведаёт про многолетние исследования сакральных камней Ленинградской области, про представления о душе и загробном мире наших предшественников, предложит картину погребальных обычаев язычников исторических и современных, познакомит с научными изысканиями, посвященных Громовержцу и новой гранью понимания старости для язычника. Каждая из названных областей знания обширна сама по себе, и мы лишь намечаем вехи для будущих дорог наших читателей.

Удачи в пути вам!

Сакральная география

Легенды балтийских островов: Остров Конца Света, след Одина и подземные ходы под Балтикой

(дополненная глава из книги «Культовые камни и сакральные места»)

Вячеслав Мизин

Вступление

Несколько лет назад один из петербургских исследователей рассказал такую историю – есть, якобы, в Финском заливе некое особое место, отмеченное ещё в древности и как-то связанное с концом света. Особого интереса эта история у меня не вызвала, и долгое время оставалась в памяти забавной байкой. На Балтике действительно есть много знаменитых островов – шведский Готланд с загадочными лабиринтами, «звенящими камнями» и «каменными кораблями» – старинными могильниками, ныне немецкий Рюген с древнеславянским святилищем Аркона, эстонский Сааремаа с не менее легендарным метеоритным кратером. Есть свои издревле знаменитые острова и в Финском заливе, и первый среди них – Готланд, высочайший остров на Балтике, известный загадочными пещерами, древними культовыми камнями и кораблеркушениями. Но в этой небольшой заметке речь пойдёт не о них, а о мало кому известном небольшом островке, еще недавно называемом «могилой Одина». Площадь этого острова менее 5 квадратных километров. В исторических хрониках он появляется в XIII веке.

Землетрясение и подземные ходы

Одинсхольм, он же Осмусаар – небольшой островок, расположенный в современной Эстонии. По предположениям геологов Осмусаар возник всего 2–3 тыс. лет назад в результате подъёма известнякового глинта [4]. Эстонское название острова предположительно происходит от «Otsmaa saar» – «Остров края земли» [4]. Островок этот действительно мало чем примечателен, если бы не два факта: его старинное название и произошедшее возле него в 1976 году землетрясение [5]. Землетрясение силой 7 баллов отнюдь не рядовое явление на Балтике, и в те годы, т.н. «холодной войны», скандинавские страны даже заподозрили испытание Советским Союзом подводного ядерного заряда на Балтике. Геологические особенности этого места подчёркивает и еще одно образование – подводный метеоритный кратер Неугрунд [4]. Да, действительно, по геологии второго такого места, пожалуй, на Балтике не найти. Исключительность этого небольшого островка подчёркивают и связанные с ним легенды. Его шведское название – Одинсхольм, указывает на то, что он был колонизирован шведами еще в средневековье [3], а возможно и ранее - еще во времена викингов, или даже в Вендельскую эпоху (VI–VIII вв. н.э.).

Жившие до Второй Мировой Войны на острове эстонцы рассказывали, что якобы с Осмусаара на материк и к другим островам ведут тайные подземные ходы, прорытые под дном Балтийского моря неизвестно кем в неведомые времена [2]. Сейчас можно уверенно сказать, что эти легенды могут

отражать не столько реальные ходы, сколько представления людей о неких незримых взаимосвязях между элементами ландшафта. В целом легендами о подземных ходах между островами и материком на Балтике вряд ли кого удивишь, существует же легенда о подземном ходе западнее Петербурга, из Ломоносова в Кронштадт, хотя при любом раскладе, кроме мифологического, сооружение и существование этого хода начисто лишено смысла, а реальная связь существовала.

Конец света и могила Одина

До сих пор остается неясным, почему для шведов этот остров был связан с могилой языческого бога Одина, местные легенды рассказывают, что бог Один какое-то время жил на этом островке и здесь же умер и был похоронен. Могилой Одина называют большой курган или холм в центре острова (разрушенный советскими военными в годы СССР [4]). Согласно старым шведским легендам, в этом холме был сокрыт клад. Когда-то местные жители копали там и действительно находили человеческие кости.

Однако в этом сюжете есть еще один интересный аспект: в скандинавской мифологии бог Один не умер, а суждено ему погибнуть, лишь когда наступит Рагнарёк, предсказанный вёльвой «конец света» в виде последней битвы богов с чудовищами. Вероятно, именно из этого скандинавского мифологического сюжета родилась современная легенда о связи маленького балтийского острова с концом света. Можно предположить, что окрестности этого острова и в древности отличались тектонической активностью, что и могло послужить стимулом для колонизировавших Балтику шведов связать это место с концом света мифологической «могилой Одина». Впрочем, касательно якобы найденного местными крестьянами древнего могильника, образ «могилы Одина» мог быть связан и с ним, но в самой Швеции аналогов такого места неизвестно, и древние могилы чаще соотносят с мифологическими великанами. Однако здесь следует заметить, что фольклорный сюжет, связанный с «могилой Одина» в данном регионе Эстонии является если и не распространенным, то типичным, такое же предание известно и на расположенном в 30 км южнее Осмусаара острове Вормси. Любопытно и то, что в годы Второй Мировой Войны немцы, оккупировавшие Эстонию, 4 раза пытались найти легендарную могилу Одина на Вормси [6].

След Одина

Недалеко от могилы Одина раньше был большой валун с углублением, похожим на отпечаток следа человека – так называемый «след Одина» [1]. Другое название камня – «шаг Одина». Это камень-следовик. В этом следе постоянно была вода. Откуда пошло название «шаг Одина»? Неподалеку от камня был никогда не зарастающий травой участок земли, который называли «пятка Одина». На картах острова можно и сейчас увидеть топоним Odenstain. Легенды и предания о таких камнях широко известны в Северо-Западной России, Европе, Азии и Америке. Рядом с этим камнем был еще один валун – с царапинами или трещинами. Что под этим

подразумевает предание, сложно сказать, возможно, на камне было какое-то изображение или вырезанные желоба, традиция изготовления которых известна как в Швеции, так и в России. Хотя в реальности существования этих камней нет сомнений, так как подобные объекты широко известны на берегах Балтики, но сохранились ли они сейчас – точно неизвестно, во всяком случае, никто их пока не зафиксировал. Как нет сведений и о других камнях-следовиках со следами, принадлежащими скандинавскому богу Одину. Интересно еще и то, что для финно-угорских народов в целом культ следовиков не очень характерен, хотя следовики и встречаются в Финляндии, Эстонии и Ингерманландии, но основные прибалтийские регионы распространения следов

на камнях именно индоевропейские – бывшие славянские земли Северной Германии, Польша, Литва, Латвия и колонизированные славянами районы современного Северо-Запада России. Впрочем, следы на камнях встречаются и среди петроглифов бронзового века в Южной Швеции, и в данном случае эта взаимосвязь выглядит логичнее, на что намекает и имя языческого бога Одина, которое вряд ли могли принести на Осмусаар уже крещённые шведские колонисты XIII века.

Вместо заключения

Каким образом небольшой и малопримечательный островок Осмусаар, расположенный у самого устья Финского залива, стал сочетать в себе столь распространённые мифологические сюжеты, остается загадкой. Однако вряд ли на Балтике отыщется еще один маленький остров, обладающий переплетениями столь разнообразных мифологических сюжетов, объединяющих подземные ходы под дном моря и камень-следовик, район тектонической активности с древним преданием о могиле бога Одина и современной байкой о конце света.

Источники:

- Bilag F: Odensholm, Estland og legenden om Odin. [Электронный ресурс] режим доступа – <http://verasir.dk/show.php?file=chap35-10.html#toc209> – 10.11.2011
- Осмусаар. [Электронный ресурс] режим доступа – <http://tonkosti.ru/%D0%9E%D1%81%D0%BC%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B0%D0%B0%D1%80> – 10.11.2011
- Tiina Peil. Settlement history and cultural landscapes on Osmussaar. [Электронный ресурс] режим доступа – <http://www.odensholm.se/Dokument/OSMART.htm> – 13.11.2011
- Мальцев Ю.П. Русские памятники острова Осмусаар // Первопубликация: журнал «Балтика» № 3, 2008. [Электронный ресурс] режим доступа – http://battal.ee/osmussaar/library/malzev_osmussaar.pdf – 13.11.2013
- Никонов А. Приключения бревна обыкновенного или Балтика в ярости // журнал «Знание – Сила», №7, 2005. С. 33–36
- Персональное сообщение от V.E.Hasselblad, июнь 2014г. (записал В.Мизин)

Камни забытые и почитаемые: исследования общины Тротборг.

Курилович Андрей (Торри Году)

РОО «Общество исследователей традиционной культуры Севера ТРОТБОРГ»

Пять лет – достаточный срок, чтобы подвести итоги, проанализировать результат сделанной работы и наметить планы на будущее. Кроме того, это повод поделиться накопленной информацией и рассказать об интересной, волнующей и, порой, откровенно опасной стороне краеведения – изучении мегалитов. Ровно пять лет назад община «Тротборг» приняла решение оказывать Русскому Географическому обществу посильную помощь в исследовании сакрального ландшафта – культовых камней, священных рощ, каменных лабиринтов, источников и почитаемых островов на озёрах. Километры пути по бездорожью, уходящий в неизвестность маршрут, долгая изматывающая охота на объект, надёжно укрытый в лесной чаще или болоте, и, как награда, непередаваемое чувство прикосновения к древности и тайне. Мы успели побывать там, где эта древность до сих пор не потеряла своей силы – у некоторых объектов встречались следы архаичных ритуалов, тонким ручьём просочившихся до нас через сотни лет. Традиция Европы жива в этих местах, как родники бьющих чистой силой, природа которой интересовала людей ещё в неолите.

Культы, связанные с камнями, рощами, озёрами, островами и пр. – древнейшие отголоски верований ещё каменного века, которые в дохристианскую эпоху Северной Европы получили новый виток развития. Из всего многообразия найденных нами объектов, удалось выявить несколько основных функций сакрального ландшафта в культуре дохристианской Европы.

Некоторые приняли на себя роль посредников между миром, известным обывателю, и тем сверхъестественным, что таилось за оградой владений бонда. Неслучайно редкие подношения турсам оставляли на специальном камне в местах схода селей. Схож с ним найденным в 2011 году культовый камень в деревне Ставотино, где углубление (очевидно, всё-таки рукотворное) для подношений ориентировано в сторону заповедного леса, который никогда не рубили. В обоих случаях прослеживается совершенно чёткая роль камня – места, пограничного для людей и тех, кто «за оградой» (в Утгарде), точки, где положено оставлять дар, не вступая в контакт с получателем. Отдалённо схож со ставотинским камень-жертвенник в Сосново (2008 год), на одном из островов на озере в черте посёлка. Граница между мирами в данном случае не воображаемая, а естественная – водное пространство. Вместе с островом, камень образует настоящий сакральный ансамбль, который до сих пор сохранил свою атмосферу.

Камень с углублением в д. Ставотино

Продолжая тему «пограничных» камней, стоит рассказать о т.н. «покойницких» или «прощальных» камнях, которые мы обнаружили (2011) в Среднем Полужье (Лужский район ЛО, окрестности Осьмино-Толмачёво). Во время похорон, прежде чем нести покойного на кладбище (жальник), тело укладывалось на плоский камень, где завершались последние приготовления. Найденный нами такой камень в д. Луговское отвечает всем критериям – он плоский, слегка вытянутый, находится у дороги, вне черты деревни.

Иногда валун специально обрабатывался для сакральных нужд – к этому типу объектов относятся все рукотворные чашечники и камни со следами, человеческими или звериными. Иногда чашек на камне бывает несколько, и они соединены стоками – таков заново описанный (2009) нами камень в д. Вехмайнен (ныне Кривко). Очевидно, что чашки и стоки на камне наполнялись жертвенной жидкостью. Помимо этих углублений, на камне высечен знак в форме трапеции, указывающий в сторону озера.

Камень с чашками и стоками в Кривко

На некоторых валунах можно найти остатки сгоревшего угля – такие камни встречаются в мегалитическом комплексе в д. Ольховка, который сейчас находится под угрозой исчезновения.

Некоторые культовые места прямо назывались «домом» волшебных сил – так, совершенно конкретные скалы и камни в Исландии признавались домами «Сокрытого народа» (альвов, льювлингов). Точно так же, за тысячи километров, Конь-Камень на о. Коневец в Ладоге был почитаем именно как жилище духа местности, которому каждый год жертвовали коня. Увы, на Коневце нам так и не удалось побывать, т.к. сейчас там находится монастырь, который превратил остров в практически независимое теократическое государство.

Но существует и значительная часть мегалитов, роль которых трудно определить, т.к. не сохранилось упоминаний об их культе, быличек, преданий и пр. Некоторые, как, например, камни с желобами в Полужье, до сих пор являются предметом дискуссий. Каменные кучи – ещё один странный культурный артефакт. В интересующем нас контексте они встречаются почти повсеместно, особенно

Каменные кучи Пюхьярви

показательно их наличие на о. Гогланд, где эти сооружения соседствуют с сейдами и прочими каменными конструкциями, назначение которых не вполне ясно. С уверенностью сказать можно одно – это не просто утилитарные сооружения, учитывая сакральную природу североостровного острова.

Нам посчастливилось изучить (2011 г.) огромный комплекс – больше 100 объектов – на озере Пюхьярви (ныне Гусиное оз.). В некоторых кучах были найдены останки, предварительно кремнированные – возможно, Пюхьярви представляет собой большой могильник, вероятно, саамский. Но большая часть куч, раскопанных финскими и российскими археологами, оказалась пустой. Кроме того, неясна функция камней кварца, которыми были помечены три-четыре кучи. Судя по плану «могильника», составленного нами, Пюхьярви имеет ряд ярко выраженных центров, откуда кучи расходятся, подобно лучам. Безусловно, что Пюхьярви заслуживает дальнейшего внимательного изучения.

В 2010 году нами было подтверждено наличие двух куч в районе оз. Ястребиное, недалеко от железнодорожной станции Кузнечное. Возможно, эти кучи имеют отношение к одному из самых загадочных мегалитов Ленинградской области, до сих пор так и не найденному – по описаниям, это каменная конструкция, которая, возможно, как и гогландские сейды, образует с кучами один огромный сакральный ансамбль без видимых границ.

Каменная куча, окрестности оз. Ястребиное

«Кромлех» в Сиверском

Обращаясь к свойствам сакрального ландшафта, хочется рассказать о часто встречающемся несоответствии – объекта и заявленной о нём в источниках информации. Очевидцы, в силу разных причин, склонны исказить описание размера, формы и характера отметин, а также приписывать камню необычные свойства. Последнее было зафиксировано нами в посёлке Сиверский, где местная шпана (!) наделяет явно рукотворный кромлех (круг камней) мистической способностью примирить враждующих. У местных считается дурным тоном оставлять мусор в кромлехе и разводить внутри него огонь. Вот так необычный ландшафт обретает культ, пусть даже среди людей, откровенно апатичных к религии. Интересно, что кромлех сложен из достаточно массивных валунов, некоторые из которых, возможно, уже лежали в этом месте и были дополнены новыми, образовав круг.

О несоответствии хочется рассказать ещё одну историю - так, в д. Сабо нами был найден примечательный валун с

«Следовию» в Сабо

природным углублением, который соответствует «следовику», лежавшему некогда у деревенской часовни. В 30-е годы прошлого века часовня была взорвана, а камень сброшен в овраг, но культ продолжал существовать и после этого. На фото хорошо заметно, что углубление на «следок» оно совсем не похоже, а представляет собой, скорее, сток – и это совсем не умаляет значимости находки, рождая новые вопросы.

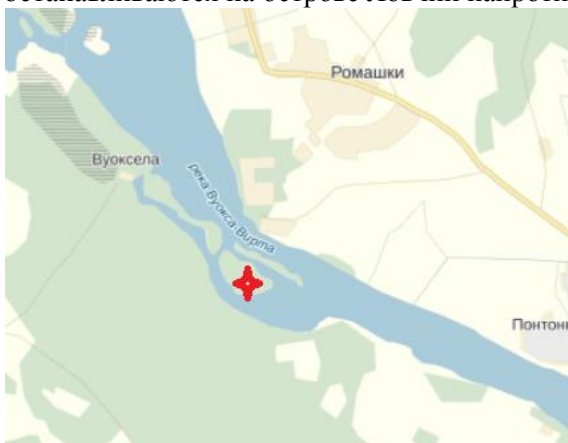
Продолжая тему камней со следами и рукотворными знаками, можно рассказать о найденном нами в 2009 году т.н. «Большом камне» около деревни Добряницы. Валун, помимо отметин в виде равностороннего креста и подковы (защитные символы для охраны дорог) интересен ролью «защитника», которую до сих пор приписывают ему местные жители. До самого последнего времени, в случае, если кто-то из них терялся в лесу, на камне местный священник служил обедню – после чего человек обязательно возвращался в деревню. Из рассказов старожилов, записанных нами, дословно следует – «мы у этого камня спасались». Очевидно, что это ещё одна интересная особенность мегалитов – они органично сочетаются с любым культом, сохраняя свою действенность. Видимо, свой потенциал камни сохранили до сих пор, нужно лишь уметь достучаться до него.

Завершая обзор нашей деятельности, хотелось бы обратиться ко всем, кто, так или иначе, интересуется краеведением и архаичными культурами – мегалитическое наследие известно только в узком кругу исследователей, и это печально. Сакральный ландшафт – один из сохранившихся до наших дней истоков человеческой культуры вообще, но, к сожалению, сегодня он крайне уязвим. Застройка загородных участков, расширение границ посёлков, нездоровое привлечение внимания (трагедия Бесова камня) ставит под угрозу сохранность этого наследия. Необходимо организовывать тематические выставки, выезды, добиваться внесения сакрального ландшафта в реестры охраняемых памятников – и тогда мы сможем передать потомкам то, что до сих пор дышит древностью и силой.

Загадка острова Ловчий.

Волкова Светлана

Путешествуя по Вуоксе от поселка Лосево в Балахановское озеро, туристы-лодочники часто останавливаются на острове Ловчий напротив посёлка Ромашки. Меня всегда удивляло огромное

количество камней на острове, в то время как на соседнем острове, а также по берегам такого изобилия не наблюдается. В июне 2013 года под эгидой Дома Варген была предпринята экспедиция с целью более подробного изучения каменных скоплений острова, в которой участвовали учащиеся и педагоги школы №328 Невского района Санкт-Петербурга, члены кружка «Юный турист».

На юго-западе от острова находится безлюдный лесистый правый берег Вуоксы, на северо-западе остров Долгий, поросший сосной и закрывающий его от посёлка на левом берегу Вуоксы. С северо-запада к острову подходит также безлюдный полуостров, в протоке между ними расположены остатки переправы, соединявшей их когда-то. Остров вытянут с северо-запада на юго-восток. Наибольшее скопление камней расположено на северо-восточном и восточном берегу острова.

В месте наиболее удобного причала, в протоке между островами Ловчий и Долгий, нас встречает очень интересное сооружение, напоминающее сейд. Под большим камнем лежат более мелкий камень. Сооружение находится на северо-востоке острова, расположено в пятистах метрах от берега и имеет приблизительные размеры – 2 метра в длину и 1 метр 20 сантиметров в высоту. Чуть глубже от берега и севернее от этого камня есть ещё одно похожее сооружение, состоящее из крупного камня размером 2 метра в длину и 75 см в высоту, который одним своим краем опирается на более мелкий валун.

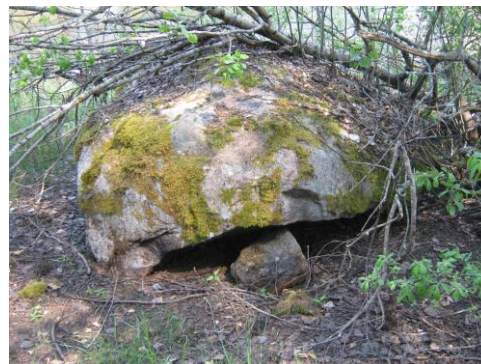
По всему берегу разбросаны каменные кучи из валунов разнообразных размеров, имеющие различные формы. Такие группы камней хорошо известны на островах Финского залива и на Карельском перешейке.

Предположительно, это места древних захоронений. Какие-то группы камней собраны в круги, где-то более мелкие группируются вокруг одного или двух крупных.

На севере острова имеются также камни, обильно поросшие мхом, с небольшими углублениями различной формы. Но, возможно, это современные эрозионные процессы. Таких камней было обнаружено два, оба на северо-западе острова.

Если двигаться от первого камня-«сейда» в юго-восточном направлении, то среди отдельных скоплений валунов у самой воды лежит камень с нишеобразным углублением внизу, где располагается более мелкий камень. Но, возможно, это тоже эрозионное образование.

В наиболее высокой части северо-восточного берега, где обычно располагается туристическая стоянка, находится группа достаточно крупных камней. Самый большой камень имеет размеры: 2 метра 30 сантиметров в длину и 1, 5 метра в высоту. Камень имеет ряд желобков. Рядом с ним находится абсолютно плоский валун 1,5 метра в длину и 64 сантиметра в высоту. Подобные камни использовались в древности в погребальных обрядах. На них лежало тело перед погребением. Может быть мы имеем дело как раз с подобным каменным памятником. Вблизи этих двух камней расположена группа из трёх камней. Центральный и самый крупный (приблизительно 2 метра на 80 сантиметров) расколот надвое, чем очень похож на камень-громовик. Это ещё один вид довольно распространённых, почитаемых каменных памятников древности. Такие камни связывали с богами-громовиками.

На западном берегу камней не так много. На западной стоянке выделяется довольно крупный камень (приблизительно 2 метра на метр), сверху имеющий плоское удлинённое углубление.

седельный камень.

Но наиболее интересными камнями на острове являются камни-кресла или троны. Этим камням на острове как минимум два (есть ещё третий, отдаленно напоминающий сидение). Один из них, небольшой, около 67 см в высоту, расположен на севере острова. Другой, более крупный (1 м 20 см), на восточном берегу острова. Оба камня обращены в сторону северо-запада, как раз в этом направлении в июне-июле в этих местах заходит Солнце. Что позволяет сделать вывод, что эти камни связаны с культом мёртвых. Любопытно, что возле крупного «трона» находится небольшой камень (70 см на 32 см), напоминающий

Наличие многочисленных каменных куч и плоского камня, удалённость и в какой-то степени дикость острова заставляет предположить, что здесь могло быть в древности место для захоронений и совершения соответствующих обрядов.

Также не могу не упомянуть об очень интересной группе камней, расположенной на западном берегу противоположного острова Долгий, в протоке между двумя островами. Обычно, проплывая по протоке, туристы видят вертикально стоящий камень, торчащий из воды, который, судя по всему, указывал на мель в этом месте. Летом 2013 года уровень воды был настолько низок, что оказалась видна вся конструкция. Оказывается, камень подпирался несколькими другими достаточно крупными камнями. Это явно рукотворное сооружение, и вряд ли оно создано рыбаками в наше время.

В завершение хотелось бы добавить о загадочной атмосфере острова. С первого раза было ощущение некоего присутствия на острове чего-то необычного. Казалось, камни хотели поведать нам что-то важное, рассказать какие-то истории, свидетелями которых они были. Хотелось бы верить, что остров не станет чьей-то частной территорией, как, например, соседний полуостров, и древние камни будут по-прежнему доступны для посещения туристами и краеведами. Надеюсь также, что юные туристы, участвовавшие в экспедиции, будут внимательно и бережно относиться к окружающей их природе, изучать и беречь наше историческое наследие. Как говорится, познавая прошлое, мы лучше понимаем наше настоящее и начинаем "видеть" будущее.

Приложение. Типы культовых каменных неолитических памятников.

Культовые камни – валуны (либо группы камней) связанные с тем или иным древним верованием.

Камни-чашечники - камни с выбитыми небольшими углублениями в камнях, широко распространены в Европе. Часто сопутствуют другим мегалитическим памятникам. В Эстонии с этими камнями связано предание, что существовавшие ранее великаны кидались этими камнями и оставили на них отпечатки своих пальцев.

Гром-камни – расколотые валуны, культ их был широко распространён в северном полушарии. Считалось, что камни эти расколоты ударом молнии, поэтому посвящались небесным богам.

Поминальные камни крупные камни с плоской вершиной, связаны с древними могильниками. Их также называют прощальными или покойническими. Согласно преданиям на них перед захоронением клали покойников, а в другие дни оставляли подношения духам.

Седельные камни – камни с выемкой, напоминающей седло.

Камни-следовики – камни со «следами» святых и чертей, животных и птиц, одни из наиболее широко представленных в Ленинградской области.

Камни с желобами – валуны с вырубленными желобами, обычно расположены в глухих лесах, изучены мало. Как правило размещались вблизи дорог.

Каменные сложения - вкладки на камнях, каменные кучи и пр., широко распространены на островах Белого и Балтийского морей. Предположительно, это древние могильники и культовые площадки.

Сейды – древнесаамские культовые камни, по легендам, наделённые магическими силами: внутри сейда обитает дух, помогающий шаману, камни-сейды способны перелетать с места на место в случае необходимости. Существуют природные сейды (вероятно, в результате работы ледника валун перемещается из одной местности в другую, укладывается на «постамент») и рукотворные – явно выложенные людьми.

Камни-троны – валуны, сложенные в виде кресла или трона. По мнению отдельных исследователей, они находились в неких священных местах, а садящийся на них человек получал сакральные знания. Возможно они предназначались для получения знаний из потустороннего мира.

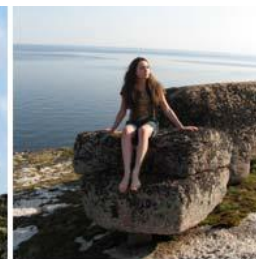
Трон. Хибины
Фото: С.В. Голубев

Трон. Кузова
Фото: Сергей Голубев

Трон. Кузова
Фото: Вадим Кузнецов

Трон. Беломорье
Фото: В. Комаровских

Наиболее известен трон на архипелаге Кузова Белого моря. Это огромный, высеченный из гранита каменный трон, который является главной загадкой Кузовов и весит 15 тонн. Сейчас этот «трон» опрокинут. Есть мнение что, так поступили с ним в средние века монахи Соловецкого монастыря. Возможно даже, в здешних местах в свое время побывали представители гитлеровской Германии. Дело в том, что в ходе одной из экспедиций на острова Кузова исследователи натолкнулись на природный грот, внутри которого обнаружили остатки немецкого военного обмундирования. Между тем известно, что побережье Белого моря никогда не было оккупировано.

Известно, что Гитлер был оккультистом. Специально обученные отряды СС рыскали по всему миру в поисках артефактов, которые могли бы дать фюреру власть над миром. Кузова же издревле считались таинственным местом, к тому же здесь, по некоторым данным, находится один из сохранившихся жертвенников Одина, верховного бога германских племен, к которому возрождавший язычество Гитлер был неравнодушен. Известно также, что фюрер бывал в оккупированной Норвегии, откуда до Кузовов совсем близко. Советские ВМФ неоднократно пеленговали личную подводную лодку Гитлера в водах Баренцева моря – то есть до Белого моря и вовсе было рукой подать.

Другой каменный трон предположительно находился на горе Воттоваара, именуемой в народе «Горой смерти». Особенно привлекает знаменитая каменная лестница, расположенная на вершине горы и

ведущая в никуда. За несколько десятилетий исследований Воттоваары ни один ученый так и не смог предложить логичной версии создания каменных ступеней, пока в начале 2014 года известный этнограф Алексей ПОПОВ не выдвинул удивительную, подкрепленную древними монастырскими записями, версию создания этой лестницы в никуда. Он рассказал, что ему посчастливилось получить интересную информацию от одного человека, который имеет доступ к библиотекам карельских монастырей. Работая с древними манускриптами, этот человек обнаружил описание лестницы на Воттовааре, а также объекта, некогда находившегося на ее вершине, а также поведал историю одного священнослужителя, позднее причисленного к лику святых. Только благодаря этому монаху до наших дней дошли сведения об истинном предназначении легендарной каменной лестницы. Речь идет о Симоне Воломском, основателе Крестовоздвиженского монастыря. В молодости будущий святой, появившийся на свет неподалеку от Волоколамска в 1585 году, много путешествовал. Житие этого святого хорошо известно и не подвергается сомнению. Однако нигде не говорится о путешествии Симона незадолго до принятия пострига в сопровождении отряда новгородских дружинников на Воттоваару. По утверждению собеседника А. Попова, случилось это в начале XVII века, когда отряд прибыл на гору, помимо большого количества сейдов, дружинники обнаружили на горе и ту самую лестницу. А на небольшой площадке, куда вели тринадцать каменных ступеней, Симон вместе с новгородскими дружинниками увидел огромный каменный трон, выдолбленный из цельного куска огромного камня! Посчитав трон языческим святилищем, Симон с дружинниками повалили его на бок и скинули с вершины горы. А на обратном пути большинство участников экспедиции погибли от неизвестной болезни. Далее опрокинутый трон, упав с горы, не разбился, а так и остался лежать у ее основания. Но в середине XX в. археологи его не обнаружили. В то же время хорошо известно, что во время Великой Отечественной войны за эти места шли ожесточенные бои. Всего в нескольких десятках метров от Воттоваары находится Сопка смерти, названная так из-за того, что вся она была перепажана взрывами. А вот на саму Воттоваару не упало ни одного снаряда. Мало того, гора неоднократно переходила из рук в руки, и каждый раз немцы не стреляли, а пытались взять ее врукопашную! Интересно отметить и то, что брали Воттоваару элитные дивизии СС. И это при том, что в этой части Карелии не было ни стратегических объектов, ни полезных ископаемых, лишь памятники языческой старины! Очевидно, именно они и были нужны немцам, жадным до сакральных, обладающих необычными свойствами, святынь. Полгода воевали немцы за Воттоваару, а взяв, возможно вывезли множество саамских святынь, включая древний трон.

Есть сведения о наличии ещё одного камня-трона. Краеведы утверждают, в лесу, на окраине Рошино, стоит самое настоящее святилище древних язычников. Два валуна в виде кресла и третий – жертвенный камень. Всё вместе - загадочный комплекс, назначение которого ещё предстоит выяснить. Автор находки - краевед Станислав Друзяк. Сам Станислав считает, что это - легендарный "Трон Одина", алтарь древних язычников, получивший широкое распространение на Севере. Комплекс стоит посреди леса на вершине высокой круглой сопки. Сам трон - это два больших валуна, поставленных под прямым углом друг к другу. "Спинку" видно хорошо, а вот "сидение" ушло глубоко в землю. Чтобы найти валун, Станиславу пришлось разгрести мох и елочные иголки. И тогда выяснилось: трон ориентирован строго на восток. В древнем представлении восток - это жизнь, запад - смерть. Именно поэтому позади самого трона, строго на западе от него, находится второй камень - приземистый и плоский. Станислав уверен, что это жертвенник. «Стал присматриваться внимательнее, приложил компас. Окончательно уверился в том, что это сакральные камни, когда счистил мох и обнаружил на жертвеннике загадочные руны - они высечены прямо в гранитной поверхности. А на спинке трона нашлись следы солярного символа - полустертый круг. Кроме того, трон испещрен линиями, которые вряд ли имеют природное происхождение», - уверен краевед. К сожалению, трон сильно пострадал во время войны: прямо в древние камни прилетели два снаряда, о чем свидетельствуют глубокие щербинки в граните и осколки, разбросанные вокруг в изрядном количестве. Здесь же, прямо около трона, мы отыскали две стреляные советские гильзы - судя по всему, стрелок использовал трон в качестве укрытия. находку Станислава нужно пристально изучить специалистам, возможно, перед нами действительно удивительный памятник древних эпох. Тем более, что совсем рядом - речка Рошинка, она же Райволанйоки. В незапамятные времена, когда воды было больше, викинги ходили здесь на своих

дракарах, ручьями и волоками перебираясь в Ладугу. А значит, легендарное скандинавское божество – Один – не такой уж неожиданный гость в этих местах.

По материалам:

Попов А. Тайна Белого моря. Тайна каменных ступеней Воттоваары

http://paranormal-news.ru/news/tajna_kamennykh_stupenej_vottovaary/2014-03-30-8775

Мизин В. Культурные камни Ленинградской области. Культ сейдов.

<http://www.tainoe.ru/anomalia/zoni/Karelya/ano-zoni-Ru-Kareliya-Beloe-more.htm>

<http://vsedolmeny.ru/istoki-otkuda-poshli-seydy.html>

Алтарь Гипербореи или простой валун?

petersburg.rfn.ru и vk.com/kuuterselka

Рунические камни: две тысячи лет рун и пять веков рунологии.

Артём Корсун

Древнейшие памятники рунической письменности датируются рубежом нашей эры. Поскольку речь идёт о древнейших из известных памятников, время и место возникновения этой общегерманской системы письма до сих пор остаются дискуссионными. Нет согласия в этом вопросе и в «Эдде», записанном в Средние века корпусе германских языческих мифов: согласно «Речам Высокого», руны получил Один в качестве платы за то, что висел на мировом древе- ясене Иггдрасиль, тогда как «Песня о Риге» утверждает, что, что руны принадлежали богу Ригу, который научил им сына хёвдинга, предка первого викингского конунга. Таким образом, в различных регионах Скандинавии существовали различные альтернативные версии появления рун и связанных с ними обычаев. Руны были широко распространены среди различных германских племён. Среди памятников Эпохи Великого Переселения Народов и времени Варварских королевств есть немало вещей, украшенных руническими надписями. По всей видимости, именно распространение рун среди готов подвигло арианского епископа к

Рунический камень Glavendrup

переводу евангелий на готский язык. Впоследствии латинская графика вытеснила руны из употребления, хотя в народной культуре Швеции они сохранялись вплоть до XVIII-XIX веков.

В одной из своих книг изданных между 1510 и 1519 годами шведский первопечатник Пауль Грис написал своё имя рунами. Некоторые исследователи считают этот факт рождением рунологии. Другие же полагают, что рождением рунологии стало первое упоминание рун в научной литературе: в 1554 году Иоханнес Магнус приводит готский алфавит, как он назвал руны в «Gothorum Sveonumque Historia» («Истории готов и свевов»). В следующем, 1555 году его брат Олаф Магнус опубликовал рунический алфавит в «Historia de Gentibus Septentrionalibus» (Истории северных народов). В 1599 году шведский антиквар Иоханес Буреус издал первый сборник рунических камней «Runokenslones Ierespon». В 1643 году датский антиквар Оле Ворм опубликовал рисунки многих найденных им рунических камней в книге «Monumenta Danica», а также обнаруженный им на Готланде рунический календарь. Любопытно, что целый ряд рунических камней с тех пор был утрачен и изображения в «Monumenta Danica» стало единственным упоминанием о них доступным современным специалистам.

Большой интерес рунические камни вызвали во второй половине XIX века. В это время они сыграли большую роль в становлении национального самосознания скандинавских стран.

Многие камни, хорошо сохранившиеся до нашего времени известны лишь по фотографиям 1920-30-х годов и научным публикациям начала 1940-х. С тех пор крупномасштабные и систематические исследования рунических камней практически не проводились. Вполне возможно, что основной причиной такого отношения к викингскому наследию было то, что рунические камни использовались в пропаганде национал-социалистической Германии как символы торжества арийского духа. Такой сомнительной чести удостоился, например, камень Эрика Победителя (шведского короля X века), открытый в 1796 году на раннесредневековой линии укреплений Данневирке. Хотя с тех пор объём знаний о викингском времени увеличился, а археологические раскопки предоставили много материалов о быте и социальных институтах викингов того времени. Кроме того, раскопки открыли значительное число новых рунических и рисуночных камней, которые расширяют источниковедческую базу.

Образовавшуюся лакуну заполнили разного рода мистики и оккультисты, рассматривавшие рунические камни как «места силы». Во многом скандинавское неоязычество и мистицизм были скопированы с британских и американских образцов типа «New Age», что затрудняет выявление элементов скандинавского язычества в народном фольклоре: настоящие реликты языческого мирозерцания оказываются в тени псевдознаний, взятых из оккультной литературы современных авторов. То же можно сказать и о популяризации рун и язычества в скандинавском роке: яркие современные формы затемяют оригинальные местные образы, а современные песни вытесняют оригинальный фольклор.

Положение стало изменяться к лучшему лишь в начале 2000-х годов, когда в научных кругах возродился интерес к руническим камням. В это время в ряде Скандинавских университетов были сформированы исследовательские группы, занимавшиеся созданием специализированных баз данных, таковы, например, норвежская национальная база рунических камней, база Уппсальского университета и универсальная база рунических текстов. Также была создана электронная библиотека «Рунеберг», аккумулирующая научную рунологическую литературу, многие содержащиеся в ней книги давно стали библиографическими раритетами.

В 2003-2006 годах Михаэл Лерхе Нильсен, Рикке Стенхольт Олесен (университет Копенгагена), Лизбет Имер и Мари Стоклунд (Национальный музей) в рамках трёхлетнего гранта провели исследование более 100 рунических камней и сформировали базу данных о датских рунических камнях. К 2009 году были улажены все юридические и технические вопросы связанные с онлайн-публикацией базы данных и системы поиска в базе данных. В настоящее время в базе содержится более 900 надписей и она постоянно обновляется. В неё внесены не только надписи, найденные на рунических камнях Дании, но и Шлезвига и других скандинавских стран. Также система поиска снабжена удобным англоязычным интерфейсом, обеспечивающим поиск по определённым параметрам, в частности по части текста. Наряду с раритетными фотографиями 1920-40-х годов представлены современные фотографии.

Освещённость и многообразие точек обзора.

Как отмечает рунолог из Национального Датского музея Лизбет Имер, из-за текстуры рунических камней многое при взгляде на них зависит от степени освещённости и угла зрения наблюдателя. То же можно сказать и о методологии их исследований: она междисциплинарна и совмещает в себе и текстологические и филологические методы, данные археологических раскопок, тексты саг и свидетельства хронистов. Тогда как использование только одного подхода делает наш взгляд на рунические камни однобоким.

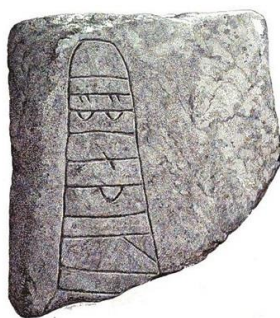
Чтение надписи начинается с определения направления, в котором резчик располагал свои

строки. Если камень или надпись сохранилась фрагментарно, это может быть довольно значительной проблемой. Текст рун заключён в равномерные строки. Известно три типа расположения строк: они могут идти параллельно друг другу (причём древнейшие надписи ориентированы справа налево), по контуру или подобно греческому бустрофедону. Помимо архаической Греции такой тип письма находит свои аналогии в древних надписях Западного Средиземноморья и Аравийского полуострова. Контурные надписи характерны для камней сочетающих в себе и надписи и рисунки, на таких надписях сам заполненный рунами контур зачастую оформлен в виде тела гигантского змея. То, что строки ранних надписей ориентированы справа налево, породило различные гипотезы относительно ближневосточного или египетского происхождения рунической письменности. Хотя эти гипотезы и не получили широкого распространения, подобная ориентация ранних рун свидетельствует против того, что руническая письменность была заимствована у греков или римлян.

Другой проблемой является язык, на котором выполнена надпись. Уже к VII в.н.э., т.е. к тому времени, когда традиция возведения рунических камней достигла Дании, проявляются диалектные особенности в разговорном языке скандинавских народов. Лизбет Имер считает, что довольно большое число надписей читаются неверно, в силу сложившейся традиции и преклонения перед авторитетами. Известно, что многие рунические камни были прочитаны многими специалистами совершенно по-разному именно в силу того, что они имели дело с некачественными изображениями и ошибочно принимали одни символы за другие. Кроме того сам характер камней на которых высекали руны способствовал к сокращениям и логическим пропускам, что также затрудняет чтение.

Камни рунические, рисуночные и фаллические.

Прорисовка надписи на камне
Stephens

Всего в мире известно 6578 рунических камней, из которых 3314 являются поминальными. Более половины памятников находятся в Швеции (3628), причём 1468 из них расположено в одном регионе страны – Уппланде. Намного меньше их в Норвегии (1649) и Дании (962). Также рунические камни известны на Британских островах, в Гренландии, Исландии и на Фарерах. Есть несколько рунических камней и в России, в частности, на Валааме. Российские рунические камни недостаточно исследованы, в силу антинорманистской интенции и в историографии и в общественном мнении, но они пользуются большой популярностью у местных мистиков и оккультистов, считающих такие камни особыми «местами силы».

Другой крайностью в которую впадают современные рунологи-любители являются попытки «прочитать» рунические камни при помощи современного русского языка: даже если предположить, что рунические камни, такие как знаменитый камень из Рёка, были поставлены славянами, они ни в коем случае не могли писать на языке приближенном к современному русскому. С другой стороны широта распространения рун среди германских племён, в том числе и у обитавших на нижнем и среднем Днепре готов (Черняховская культура), позволяет предполагать, что раннеславянская письменность, известная как «четы и резы» сформировалась на основе рун, которыми пользовались готы.

Наряду с реальными руническими камнями существует и ряд подделок. Как откровенные подделки учёные определили Хэйвнерский и Кенсингтонский камни: они обнаружены вне

археологического контекста, который хотя бы в малейшей степени свидетельствовал бы о скандинавском присутствии в регионе, и на значительном удалении от реально существовавших поселений. Викингоманией, захватившей США в 1960-х годах, вероятнее всего объясняется и находка двух рунических камней (Пото и Шони) в 1967 и 1969 годах школьниками из Оклахомы: они написаны на искусственной смеси рун старшего (II-VIII в.н.э.) и младшего (X-XII в.н.э.) футарков, а, следовательно, эти надписи не могли быть написаны людьми ни одной из этих эпох, а срисованы школьниками из популярной книги о рунах.

Традиция рунических камней появляется около 300 г.н.э. в южной Норвегии и южной Швеции (исторические области Уппланд и Мелардален). В течении раннего железного века эти области были плотно заселены. Этому способствовали природно-климатические условия: северные горы и воды Северного моря и озера Меларен смягчали холодные зимы, тогда как южные ветра приносили летнее тепло, способствовавшее богатым урожаям.

Надписи на рунических камнях IV-VI веков читаются справа налево. Переход на традиционное для Европы направление письма слева направо происходит постепенно, под влиянием контактов с южными и западными соседями. Ранние рунические надписи (до 800 года) практически не имеют орнамента. Они вырезаны знаками «старшего футарка» и часто содержали магические заклинания.

Одним из частых поводов для установки рунических камней служила смерть родственника. Надпись на Гренстенском камне гласит «**Токе поставил [этот] камень после [смерти] Ревле, сына Эсге, сына Бьёрна. Да поможет Бог его душе**». Но вовсе не обязательно такие камни возводились на могилах. Более того, многие камни, относительно которых археологи предполагали, что они служили надгробиями, найдены в контексте исключаяющей такую версию: вне кладбищ или погребений. В ряде случаев это может быть объяснено тем, что в позднейшее время камень был перемещён, а сама могила уничтожена, но скорее всего камни располагали не столько на непосредственной могиле человека, сколько в знаковых для самого покойного или для всей общины местностях.

Судя по надписи на Коллиндском камне рунические камни служили для поминовения и тех, чьи тела были похоронены вдалеке от родины: «**Тосте поставил этот камень после [смерти] Туэ, который погиб в восточном походе и его брата Асведса, кузнеца**». Таким образом поминальные камни служили своего рода кенотафами. В силу этого терминологически правильным будет называть такие камни не могильными или погребальными, а именно «поминальными».

Для поминальных камней характерна следующая формула:

1. X поставил этот камень / вырезал эти руны после [смерти] Y.
2. Обстоятельства смерти Y, совершённые им подвиги.
3. Религиозная формула, например, «Тор освятил эти руны» или «Да поможет ему Бог».

В скандинавском поминальном ритуале и, шире – в культе мёртвых – предполагалось, что души тех, кто упомянут на камне, могут вселяться в эти камни, получать жертвы, беседовать с живыми людьми и отвечать на их просьбы. Это объясняет почему церковь считала рунические камни дьявольскими памятниками и боролась с ними: на многих из сохранившихся камней видны следы преднамеренного уничтожения. Вместе с тем в народной вере поклонение этим камням сохранялось вплоть до позднего Средневековья. Неизвестно, возможно ли было поставить поминальный камень о любом человеке, но структура текста поминальных камней такова, что ставящий камень X всячески подчёркивает особые личностные качества Y, что позволяет предполагать, что на подобные камни могли претендовать только исключительные

личности, обладающие особой витальностью (жизненной силой) или «лёгкой удачей», которая после смерти должна была помогать живым людям, обращающимся к этому человеку или к этому камню за помощью. Правда не совсем понятно какие именно бонусы ожидал X поставивший камень для Y, к тому же сам процесс установки камня был для X затратен. Достаточно часто в рунических камнях перечисляется несколько человек установивших один камень, что позволяет предполагать, что внесение в список помощников приносило этим людям благословение и магическую помощь.

Параллельно с руническими камнями в Скандинавии в те же годы появляется традиция рисуночных или «картинных» камней. Некоторые исследователи склонны даже датировать время её возникновения даже более ранним временем – I-II в.н.э. Её прародина локализуется на Готланде и в Юго-Восточной Швеции. Отметим, что Готланд в раннем железном веке был сакральным местом, здесь обнаружены многочисленные некрополи, более 400 каирнов (культовых каменных насыпей), а в Каупарве под одним из таких каирнов была обнаружена каменная башня конической формы, служившая в Бронзовом веке для погребения. Готланд был независимым государством, сохранявшим самобытную культуру и мифологию, отличавшуюся от шведской и общескандинавской. Основным источником по мифологии и истории Готланда является «Гутасага», включённая в договор о присоединении острова к шведской короне.

Рисуночные камни как правило представляют собой плоские плиты грибообразной формы, различные исследователи называют её также фаллической или антропоморфной. Согласно первой версии она должна была символизировать надежду на возрождение умершего в новом теле, тогда как, по мнению тех исследователей, которые считают эту форму антропоморфной, такие камни служили воплощением души умершего. Подобные стеллы широко распространены в Западной Европе и Средиземноморье. Основным мотивом стелл II-VII веков являются лодки, переплывающие воды смерти. Часто такие лодки сочетаются со спиральными и волнообразными мотивами, распространёнными на Атлантическом побережье Европы в неолите-бронзе. С течением времени расширяется диапазон мотивов, появляются изображения водоплавающих птиц, диких животных, монстров. Некоторые изображения исследователи интерпретируют как заимствования или иллюстрации из саг.

Одним из характерных мотивов, находящим свои прямые аналогии в «Младшей Эдде» является мотив маски, которую надевал Локи для того, чтобы превратиться в великаншу. Хотя недавние исследования и предполагают, что такие камни могли отмечать границы племенных владений, места племенных собраний или служить в качестве межевых столбов, наиболее обоснованной гипотезой является поминальное предназначение рисуночных камней.

Около 800 г.н.э. происходит объединение рисуночной традиции с рунической: камни содержат и тексты и рисунки, часто орнаментального характера. К этому времени обе традиции распространяются по всей Южной Скандинавии. Редким примером чисто рисуночного камня этого времени служит камень из Хуннстада изображающий великаншу

Рунический камень Aarhus с изображением маски

Хюррокин верхом на волке, но при этом нет уверенности, что он не представляет собой часть большего рунического камня, части которого были позднее утеряны. Около 800 г.н.э. некоторые изменения претерпевает и стилистика изображений, так вместо гребных лодок с гробом стали изображать парусные суда (драккары) с экипажем. Ко влиянию рисуночной традиции следует отнести и появившееся после 800 г. стремление резчиков придавать руническим камням более плоскую форму, тогда как ранние камни были более объёмными.

Хотя поминальные камни известны и в раннем периоде, после 800 года они занимают ведущее место среди камней других типов. Помимо орнаментальных украшений, пришедших из рисуночных камней, надписи получают и стилистические украшения, в них, под воздействием скальдической поэзии появляются характерная метрика, художественные образы и приёмы. Камни этого времени становятся похожими на кельтские и пиктские каменные памятники. Это сходство проявляется прежде всего в орнаментальных мотивах, таких как кельтский «плетёный орнамент», подражающий плетению из узких полосок кожи или «ирландский узелок» - петля, образованная полоской, на которой расположен рунический текст. Несмотря на очевидное сходство с кельтскими и пиктскими камнями рунические камни обладают своеобразием и самостоятельностью.

В частности, недавнее исследование Полины Зиман, Филипа Джонатана и Роберта Ли выяснило, что повторяющиеся символы на пиктских камнях представляют иероглифы или идеограммы, в которых каждый знак соответствует определённому слову, а сами тексты представляют собой структуру очень похожую на генеалогические списки, в которых словарь обеднён и даёт узкое распределение, причём такая структура находит прямые аналогии в раннехристианских памятниках и Шотландии и Британских островов в целом. Хотя сам язык не был расшифрован, ряд иероглифов, такие как «собачья голова», «лошадь», «олень», «зеркало», «труба», «расчёска», «крест» и разные виды оружия могут быть опознаны довольно легко.

Это позволяет говорить, что несмотря на общность кельтской и скандинавской изобразительных традиций, восходящих к общему источнику мегалитического времени – храмы Мальты, орнаментированные дольмены Иберийского полуострова, Гавринис (Бретань), Нью-Грейндрж (Ирландия) – в каждом из регионов изобразительность длительное время развивалась самостоятельно, а аналогии и переключки между традициями связаны не с прямыми заимствованиями, а с аналогиями возникавшими в процессе самостоятельного развития.

Третьей традицией является установка на погребальных курганах камней грибовидной формы, вырезанных из белого камня и не содержащих на себе каких-либо надписей или рисунков. Хотя такие камни датированы по погребальному инвентарю только V-VI веками, вполне вероятно, что они возводились и ранее, но их не идентифицировали как относящиеся к погребению, а зачастую – просто не замечали во время раскопок. Достаточно сказать, что всего в Скандинавии обнаружено 40 таких камней, тогда как могильников I-VI веков – несколько тысяч. Такой камень находит аналогии в антропоморфных менгирах устанавливавшихся в Западном Средиземноморье и в Понто-Каспийских степях. Древнейшая практика установки антропоморфных каменных стелл в индоевропейском археологическом контексте относится ко времени ямной культуры и засвидетельствована в долине Южного Буга (IV-III тыс. до н.э.).

Рунические камни языческого времени.

Древнейший из рунических камней – Кюльвер – датируется весьма условно (около 400 г.н.э.) по инвентарю погребений кладбища на котором он был обнаружен, хотя нет достаточных оснований считать, что он не был вырезан раньше или позже, чем погребения. Надпись на нём представляет собой перечисление всех 24 рун футарка, завершаемое знаком «ёлочки» обычно принимаемой за форму руны «t». По одной из версий предполагается, что во время существования кладбища такая надпись должна была охранять живых людей от покойников,

Рунический камень Læborg

по другой – наоборот, помогать в общении между потомками и предками. Вполне возможно, что написанию рун предшествовал некий ритуал, который назывался, судя по Хеллестадскому камню, (DR-295) «укрепление камня рунами». Перечисление всех рун могло означать и то, что маг и / или резчик рун заручались помощью и поддержкой всех богов. Чаще перечисления всех рун встречается перечисление первой их половины.

Третья версия предполагает, что надпись была сделана по обыденному поводу, например, для обучения рунам детей и оказалась на кладбище случайно. Некоторую

аналогию с кюльверским камнем имеет надпись из Ёстермари, которая представляет собой последовательность рун «**abþefghiklmnoprstux**». Эта надпись могла служить наглядным пособием, для обучения последовательности латинского алфавита или же служить необходимости адаптации германской магической традиции под нужды романизованного населения.

Камень из Туне (Норвегия), датируемый концом IV в.н.э., служит иллюстрацией словам Лизбет Имер о необходимости тщательного изучения рунических камней. В течение XX века надпись на нём была прочитана тремя исследователями, в результате чего получилось четыре текста, смысл которых довольно существенно отличается друг от друга.

На рубеже XIX-XX веков Софус Бугге прочитал «Я, Вив, вырезал эти руны для своего напарника Водурида и поставил этот камень. Три дочери поделили наследство, [поскольку] они были ближайшими родственниками».

В 1930-м году Карл Марстрандер перевёл надпись так: «Я, Вив, сделал каменную гробницу для Водурида, подателя хлеба (= моего патрона). Мои дочери, также служившие Водуриду, пожелали, чтобы я поставил этот камень, поскольку не было у него близких родственников и наследников».

По мнению Оттара Грёнвика (1981 год) текст читается так: «Я, Виваз, поставил этот камень для моего господина Водуридаза. Для меня Водуридаз, три дочери, самый выдающийся из наследников, сделал этот камень».

В 1998 году Грёнвик пересмотрел своё прочтение и опубликовал новый вариант: «Я, Вив, после [смерти] Водурида, который кормил меня хлебом, вырезал руны на этом камне для него. Три дочери на похоронах получили на красивых мужей и будут у них красивые наследники». Каждый из вариантов чтения вызвал большую дискуссию. В основном она развернулась вокруг вопроса могли ли упомянутые в тексте три женщины наследовать имущество за Водуридом. В связи с этим предполагали даже, что удачливый мажордом Вив получил после смерти хозяина не только движимое имущество, но и трёх дочерей Водурида в качестве служанок.

Большие трудности для рунологов представляет и прочтение плохо сохранившейся надписи на Хоггарвикском камне (IV-V век). Одна из его строк содержит загадочное заклинание «**aasrpkf aagraa**», которое вполне вероятно может быть сокращением неизвестной магической

формулы. Фрагментарность текста позволяет установить только то, что камень установил слуга Скелба (или трясущийся слуга) и при помощи иглы сделал надпись с заклинанием. Также в непонятном контексте упомянут некий уважаемый гость и охота на росомаху. Присутствие в тексте заклинания позволяет предположить, что Скелба произнёс и высек на камне магическую формулу, в результате чего получил помощь богов или душ умерших, которые могли помочь ему в его делах и, в частности, в охоте на росомаху. Поскольку охота на росомаху не была в Скандинавии частью культовой практики, есть основания предполагать, что росомаху в данном контексте обозначает не конкретное животное, а прозвище человека. Эйнангский камень (IV век) был найден на некрополе Гардберг, использовавшемся для погребений с неолитического времени. Здесь были обнаружены как подкурганые захоронения, так и каирны (каменные насыпи). Надпись на Эйнангском камне интересна тем, что содержит древнейшее упоминание слова «руны». Текст читается так «**Я, [...] гость вырезал эти руны**». Иногда предполагают, что этот камень был надгробием, однако, скорее всего, речь идёт о человеке, посетившем старый некрополь с тем, чтобы души умерших помогли ему в решении какой-то проблемы, как мы увидим ниже, даже верховный бог Один обращался за помощью и советом к душам умерших.

Поставленный в честь Хьёрлуфа рунический камень из Тьянгвиде (VIII-IX века) интересен изображениями, отражающими языческое мировоззрение скандинавов. Нижняя часть композиции изображает викингов на корабле, что предполагает, что Хьёрлуф погиб в одном из походов, а камень служил своего рода кенотафом. В правой верхней части камня изображён всадник подъезжающий к женщине, стоящей с рогом в руках. Учитывая то, что всадник держит в левой руке кубок, вполне вероятно, что композиция изображает встречу мёртвого воина у ворот Вальгаллы. Охотничья сцена за женщиной с рогом скорее всего изображает Вальгаллу как место полное дичью. Согласно другой версии Хьёрлуф был убит на охоте. Третья версия считает изображение иллюстрацией к саге о Вэльсунгах: всадника Сигурда после победы над Фафниром встречает Гримхильда, которая протягивает ему колдовское зелье.

Свидетельством о продвижении викингов в Восточной Европе служит Пилгардский камень (IX век), поставленный в честь погибших при переправе через Айфур братьях Хегбьярне, Родвисле, Ойстайне и Эдмунде, шедших под командованием Вивила. Айфур, ставший местом их гибели, это известный Константину Багрянородному Ненасытецкий порог на Днепре. В своём трактате «Об управлении империей» византийский император приводит названия днепровских порогов «по-русски» (то есть на германском наречии, викингском или готском) и по-славянски. Пилгардская надпись о гибели на Айфуре (Aiforos из сочинения Константина) служит подтверждением распространённости русских названий порогов у викингов.

Камень из Рёка и традиция скальдов.

Особняком среди рунических камней стоит Рёкский камень (около 800 ? года), который считают древнейшим памятником шведской литературы. Его считали даже позднесредневековой подделкой из-за отличной степени сохранности, не свойственной другим руническим камням и из-за того, что в нём упоминаются готы, популярные в скандинавской историографии XVI-XVIII веков. С тех пор готское наследие в определённой мере дистанцировано от собственно викингского. К тому же удивительно, что часть текста на камне написано скальдической поэзией: хотя время её появления точно не датировано в

Рунический камень Ferslev

отсутствии памятников, исследователи считают, что время её расцвета пришлось на X-XIII века, то есть на тот период, когда скальды пользовались покровительством конунгов. Однако камень из Рёка свидетельствует о том, что основные принципы канона скальдической поэзии сложились уже к 800 году. Камень датирован этим временем не археологическими материалами, а по упоминанию в его тексте девяти поколений, прошедших со времён Тьодрика (остготского короля Теородиха Великого).

Вслед за каноничным для рунических камней вступлением **«О Вемуде говорят эти руны. Варин сложил их в честь павшего сына»** следует поэтический текст, содержащий загадки:

«Скажи, память, какой добычи было две, которую двенадцать раз на поле брани добывали, и обе брались вместе, от человека к человеку. Скажи еще, кто в девяти коленах лишился жизни у остготов и до сих пор все первый в битве. Тьодрик правил, смелый в бою, кормчий воинов в море готов. Ныне сидит он, держа свой щит, на готском коне, вождь мерингов. Скажи на двенадцатый раз, где Гуннов конь пасется на поле, меж двадцати павших конунгов».

Относительно смысла и содержания этих загадок было выдвинуто много гипотез. Как предполагают исследователи, этот камень должен быть стать магическим проклятием тому, кто убил Вемуда. По всей видимости, старик Варин был не в силах отомстить за гибель сына, то ли в силу своего возраста, то ли из-за многочисленности врагов. Отсылка к Тьодрику выполняет двоякую функцию, помимо отсылки к великому человеку прошлого, намекающей на то, что смертен даже великий человек, она служит обращением за помощью к нему. Известно, что конная статуя Теородиха была вывезена Карлом Великим из Италии в Аахен и служила там предметом языческого поклонения германцев, которые видели в статуе Теодориха обожествлённого человека, воплощение германского идеала великого воина.

Племя мерингов, о котором идёт речь в надписи на Рёкском камне, встречается в различных памятниках скандинавской мифологии, но не отождествлено ни с одним реально существовавшим племён. Попытка связать их с исторической династией Меровингов, правившей франками во времена складывания скальдической традицией не получила широкого распространения. Хотя историки и отмечают загадочные аналогии между ранними конунгами и ленивыми королями династии Меровингов: и те и другие были носителями идеи плодородия своего народа, она совершали так называемое «полюдье», то есть объезжали свои владения, благословляя их не только определёнными ритуалами плодородия, но даже самим

фактом своего присутствия. Подобные обычаи засвидетельствованы и у королей Ирландии и у древнерусских князей, а также находят значительные аналогии и у хеттов (Поздний Бронзовый век) и у народов Африки (XVI-XIX века). Судя по тому, что им приписывают неисчислимы богатства, сокрытые в земле, их можно отождествить с догерманским населением Южной Скандинавии и Северной Германии, чьи богатые погребения в мегалитических гробницах находили местные жители и в историческое время.

Отдельно следует сказать об употреблении числительных на Рёкском камне: 2, 12, 9, 1 и 20 служили священными числами в скандинавской магической традиции и их упоминание в определённой последовательности также обусловлено магическими причинами.

Примером характерного для скальдической поэзии приёма – кеннинга – может служить образ Гуннова коня (дословно – «Конь Гунны») в Рёкской надписи. Кеннинг представляет замену имени, слова или понятия двумя существительными, описывающими неназываемое через отношение к известному. В русском языке связь этих слов может передаваться родительным падежом (Конь Гунны) или прилагательным при существительном (Гуннов конь). Так «конь моря» заменяет корабль, «податель золота» – короля, «сын Одина» – Тора или Бальдра. Изначально этот приём служил для соревнования скальдов в остроте и оригинальности ума, но с введением христианства он усложняется, поскольку появляется необходимость шифрования языческих символов под христианской личиной. Появляются несколькоуровневые кеннинги, такие как «укротитель морского коня» (= викинг). Кеннинг «Гуннов конь» обозначает смерть и является многоуровневым, он понятен только посвящённым. Согласно сагам, валькирия Гунна ездила верхом на волке, поэтому конь, пасущийся на поле битвы, в которой пало двадцать конунгов, это образ суровой битвы, к концу которой собирались волки.

Другим примером кеннинга служит поэтический текст, вырезанный на камне из Грипсхольма, в память о погибшем в походе Ингвара Путешественника (1040 год) Харальде, сыне Толы: **«Они плыли за золотом, на востоке кормили орла. Погибли на юге, в Серкланде».** «Кормление орла» в этом тексте является кеннингом разбоя и убийства. Камень в Тюстберге, поставленный в память о двух других участниках этого похода (Холмстене и его сыне Родгере) интересен сопоставлением **«Долго были они на западе, но пали на востоке с Ингваром».**

На камне из Карлеви (Эланд, XI век) посвящённом Сиббе, датскому хёвдингу говорится: **«Скрыт тот под землей, кто – и многие знают об этом, —**

подвиги совершал, древо богини битв, под могильным курганом.

Никто справедливее Одина колесницы,

Властнее на просторах морских конунгов

не будет царить на суше в Дании».

Но в отличие от Рёкского камня, в данном случае перед нами скорее славословие придворного скальда, в изысканной форме оплакивающего гибель своего хозяина. Изысканность и чрезмерность эпитетов выдаёт его неискренность. Напротив, искренен поэтический плач жены и детей по Олаву (Ульву) из Сколмхары сохранившийся на руническом камне из Белста (Уппланд, около 1000 года):

«Ни одно надгробие не сравнится с тем, что воздвигли сыновья Ульва, отважные дети – своему отцу. Поставили они камни, врыли высокий столб, в знак памяти. Также и Гюрид любила супруга. Она в своем плаче чтит его память. Гуннар высек руны на камне».

Камни X-XI веков: христианство, язычество и двоеверие.

Примером двоеверия могут служить надписи на камнях Йеллинге: на одном из них написано «Конунг

Горм сделал эту надпись для своей жены Тюры повелительницы Датской марки», а на другом – «Конунг Харальд поставил этот камень, в честь его отца Горма и в честь Тюры, его матери, тот [самый] Харальд, который завоевал всю Данию и Норвегию и сделал датчан христианами». Упоминание в надписи поминовения родителей в связи с завоеванием земель позволяет предполагать, что Харальд I Синезубый (правил в 958-986 годах), хотя и был христианином, помолился камню своих родителей (или только камню своей матери ?), и тот камень помог ему завоевать всю Норвегию и Данию.

В связи с христианизацией Скандинавии, начиная с X века, поминальные камни становятся единственным типом рунических камней, по всей видимости, установка других камней была запрещена новой религией. Можно предполагать, что возведение Йеллингских камней Харальдом I стало прецедентом, разрешающим их установку. Христианизация Скандинавии отмечается появлением на камнях крестов и христианских формул, замещавших формулы языческие. Так выражение «Да хранит Бог (вариант - Христос) его душу» замещали формулу «Тор освятил эти руны» встречающуюся на камнях Сондер Киркебю, Вирринг и ряде других.

Надпись на камне из Скерна (Дания, около 1000 г.н.э.) помимо традиционной для поминального камня формулы содержит проклятие тем, кто попытается его уничтожить: **«Колдовство падёт на того, кто попытается разрушить этот камень»**. Аналогичное проклятие на головы тех, кто попытается уничтожить камень или стащить его с кургана призывает и Рагнхильда, установившая в Трюггевелде камень в память о своём муже Гуннульфe. Это свидетельствует о том, что к рубежу тысячелетий среди скандинавов было немало фанатиков, пытавшихся бороться с руническими камнями, как с проявлением языческих культов. Также надпись важна для рунологов ещё и тем, что свидетельствует о двоеверии данов X века, Рагнхильда, жившая уже в христианское время, перечисляет все совершённые ею части языческого погребального ритуала: приготовила погребальную ладью, насыпала курган, поставила рунический камень.

Аналогичное проклятие есть и на Главендрупском камне, датируемым первой половиной X века, то есть языческим временем. Изначально он был поставлен другой Рагнхильдой в одном из концов каменного корабля в честь своего мужа Алли Бледного, служившего священником при храме Тора. Что произошло дальше неизвестно, но через некоторое время сыновья Алли и их слуга Соти были вынуждены обновить надпись от своего имени и от имени Рагнхильды, причём к стандартной формуле было добавлено благословение «Тор благословил эти руны», а также проклятие тем, кто может попытаться уничтожить или убрать поминальный камень. Время в которое жила Рагнхильда, жена Алли Бледного было ещё языческим, но, судя по всем косвенным данным, в то время было беспокойно и требовалось особое проклятие, чтобы отпугнуть фанатиков и гробокопателей.

Ещё более глобальное проклятие нарушителям поминального камня содержится на камне поставленном в Скарпокере (Сёдерманланд, Швеция, XI век): под ним **«...земля разверзнется, И сверху – небо»**.

Вполне вероятно, что другим надёжным средством отпугнуть фанатиков служат характерные для этого времени и упоминания в надписях христианских святых. Такова, например, надпись на камне из Тилитсе, призывающая Иисуса и архангела Михаила хранить его душу. Однако сама надпись содержит вполне языческие мотивы. **«Эскил Сулкессон поставил этот камень для себя. – говорится в ней. – Всегда он будет стоять, пока будет существовать этот памятник, сделанный Эскилом. Христос и святой Михаил да хранят его душу»**. Эта надпись демонстрирует любопытный пример того, что человек, не надеясь на благодарность родственников после смерти, мог изготовить рунический камень сам для себя и надеялся таким образом обрести вечную жизнь в этом камне до тех пор пока будет стоять этот камень.

Можно предположить нечто подобное и в надписи сделанной священником Юаном из Корнамдала (Мэн, надпись MM-144), в которой он поминает Христа, Малахию, Патрика и даже Адама. А в другой

Рунический камень Aadam

надписи также происходящей с острова Мэн (ММ-101), Мелбригт, сын Атакана кузнеца, возводит крест «за грехи души своей», что вполне соотносится желанием Эскила Сулкессона создать поминальный камень для себя самого, но желание облачено в одобряемую церковью форму раскаяния в совершённых грехах.

Хаилгаирский камень найденный на Готланде в 1980 году демонстрирует своеобразный синтез христианских и языческих традиций. Изначально он представлял собой рисуночный камень с языческими погребальными изображениями. Около 1100 года его раскололи на три части и использовали для новых погребений. Поверх старых изображений вырезали кресты и рунические надписи. Одна из частей содержит текст, навеянный христианством: **«Пусть в душе [умершего] будет мир всё то время, пока стоит здесь камень [ему] посвящённый»**. Но пространное рассуждение о пребывании души в мире, как и в случае с камнем из Тилитсе становится вполне реальным и даже прагматичным, если считать, что речь идёт о надежде на то, что умерший будет жить в камне до тех пор, пока камень стоит в целостности.

Прорастание языческих традиций, по всей видимости демонстрирует и частично сохранившаяся надпись на одном из крестов с острова Мэн (ММ 141). В ней автор надписи, хотя и призывает Иисуса на помощь, но говорит, что умеет **«рассматривать руны и интерпретировать их правильно»**. Скорее всего речь идёт о человеке владеющим магией и искусством предсказания, но при этом формально соблюдающем христианские обычаи. С того же острова Мэн происходит и фрагментарная надпись ММ-145, датированная второй половиной XII века. Сохранился лишь текст **«Юан священник вырезал эти руны»** и перечисление верхней части рунического алфавита **«Fuporkhniastbml»**. Судя по этой надписи священник не только не оставил своего языческого ремесла, то и подобно магам IV-VI веков верил в то, что полное перечисление рун в алфавитном порядке служит надёжной защитой от злых демонов и фанатиков, желавших разрушить камень. В свете двоеверия, охватившего Скандинавию X-XII веков, похоже, что носители теофорных языческих имён Торфаст и Торгисл, поставившие камень Акер-1 (Грёдбю, Дания) обращаясь за помощью к **«богу и матери бога»** на самом деле призывают Одина и Фрейю, а не Иисуса и Марию.

Поздние рунические камни: дела семейные и династические.

Исследователи выделяют серию «длинных камней», которые могут достигать в высоту 3-х и более метров и в определённой мере являющихся продолжением традиции возведения менгиров. Примером таких «длинных камней» может служить богато орнаментированный Анундсхёгский камень, установленный Фолквидом для своего сына Хедена. Судя по тому, что в надписи Хеден назван братом Анунда, исследователи отождествляют этого Анунда со шведским королём Анундом Яковом (начало XI века), правда, согласно историческим хроникам отцом Анунда был Олаф Скётконунг, а Фолквид, по-видимому приходился ему братом или ещё более дальним родственником, но даже этого родства было достаточно для упоминания в тексте рунического камня.

Рассказывают руны и других особенностях семейных взаимоотношений, так Тюрве, поставившая камень № 4 в датском Алуме в память о своём двоюродном брате Турбьёрне указывает, что заботилась о нём больше, чем о собственном сыне. Любопытно и то, что в надписи Турбьёрн назван по отчеству «сыном Сибби», а она по имени мужа – «женой Вегаута».

Спорной является датировка рунического камня Свартсё. Изображение двух кошек идущих друг за другом, «ирландский узелок» и стилистика надписи указывает на то, что камень был установлен в первой половине XI века, но имя упомянутого в ней Адила крайне редко в памятниках VII-XIII веков, но известно, что это имя носил полубогородный шведский король, живший в VI веке и упомянутый в «Беовульф», в поэме «Перечень Инглингов». Это позволило некоторым исследователям отождествить Адила из надписи с полубогородным королём, что противоречит палеографии и стилистике рунического камня.

Удивительную и жуткую семейную сагу сохранил датированный XI веком камень из Хиллерсё (U-29). Надпись на нём была высечена скальдом и относится к числу самых длинных из известных на сегодня. Она интересна и тем, что является одним из древнейших свидетельств наследования женщиной имущества детей, что официально было кодифицировано только в 1296 году. **«Расскажите всем! – призывает камень – Гейрмунд взял в жёны девушку Гейрлауг и у них родился сын прежде чем**

Гейрмунд утонул. Затем их сын умер и Гейрлауг вышла за Гудрика [...] и у них родились дети, но выжила только дочь Инга. Её взял в жёны Рагнфаст, владелец имения Сноттста. Но вот и он умер и их сын. Инга унаследовала имение за сыном, но тоже умерла. Тогда Гейрлауг пришла, чтобы унаследовать имение, оставшееся от дочери. Скальд Турнбьёрн вырезал эти руны».

Встречаются на рунических камнях сентенции житейского свойства, объясняющие некоторые особенности наследования. Один из каменных крестов на острове Мэн был поставлен Маллимкуном в память о своей приёмной матери Малмури, дочери Дуфгала, жене Адисла. Поясняя её желание оставить наследство приёмному сыну, а не дальней родне, Маллимкун или резчик пишет так: **«Лучше приёмный сын, чем несчастный сын»**. По-видимому, такая практика наследования была допустимой, но встречалась не слишком часто и её надо было обосновать перед соседями и родственниками. Судя по месту находки, дальняя родня Малмури была дальней не только по родству, но и по месту проживания.

Некоторый парадокс состоит в том, что памятники на Фарерских островах датируются тем временем, когда эта традиция стала забываться. Камень Сандавагур (XIII век) рассказывает о том, что Торкил Онундарссон, прибывший из Рогаланда (Норвегия) стал первым жителем одного из островов. От надписи на более раннем фарерском камне (Киркюбё, IX или XI ? век) осталось десять рун в трёх строках, что делает её совершенно нечитаемой. Археологи датируют заселение викингами островов IX веком, но почти все рунические камни были уничтожены как языческие: в условиях небольших островов трудно спрятать поминальные памятники, которые, согласно традиции должны были быть хорошо заметны.

В большинстве регионов Скандинавии традиция установки рунических камней сохраняется только до середины XII века. В последующие века руны сохраняются в среде скандинавских крестьян, как альтернатива официальной латинице. Наиболее поздние памятники представлены резными руническими календарями (XVIII- XIX века). Поскольку такие календари были вечными, традиция их изготовления может восходить к раннему средневековью. Они отмечают синтез христианской и языческой традиций. Футарком пользовались в Дании до 1400 г.н.э., причём им записывали тексты не только на среднедатском языке, но и на латыни. Примером важности футарка в культуре может служить амулет найденный на Борнхольме. Амулет был сделан из серебряной арабской монеты на которой была нанесена надпись на латыни **«Иисус Христос, сын Бога живого. Отец, Сын и Святой Дух. Христос. Благочестивый по крови, Он сохраняет вечную жизнь»**.

Одним из позднейших рунических камней является надгробная плита с кладбища на острове Готланд, датируемая 1449 годом (№ G 100). **«Этот камень – гласит надпись – поставила госпожа Рудви, после смерти своего мужа Якова, который был поражён пушечным ядром во время осады Висборгского замка королём Эриком. Страдал он [Яков] от рождения Божьего четырнадцать веков и менее пятидесяти лет спустя. Мы молимся, чтобы Бог помиловал его душу и души всех христиан. Аминь»**. Текст этой надписи полностью следует христианской традиции, но отражает обычай ставший к тому времени анахронизмом. Вполне вероятно, что причиной, побудившей госпожу Рудви к возведению такого надгробия собственному мужу, стала его необычная смерть.

Ещё более поздним временем – концом XVI века – датируется фарерский камень Фамин, с текстом написанным латиницей и рунами. Его историческая ценность состоит в том, что он свидетельствует об использовании рунической письменности в это время.

Руническим камням придавали особое сакральное значение даже в Новое Время. Так, в кирхе Гундеруп хранятся два рунических камня. Иногда такие камни встраивали в каменную кладку церкви и других домов, предполагая, что рунические камни принесут богатство, счастье и благополучие. Несколько рисуночных камней христианского времени было встроено в стену церкви в Хилесхёге.

Самым молодым руническим камнем можно считать памятник поставленный в Хасслербро (округ Рённехольм) в середине XIX века в честь Йохана Эдуарда Линдквиста. Таким специфическим образом община почтила своего уважаемого члена, который умер 21 июня 1846 года от воспаления лёгких. Конечно, камень в Хасслербро не является настоящим руническим камнем, а всего лишь репликой, отражающей романтические умонастроения своего времени. Вместе с тем, он в определённой мере служит символом возрождения древних обычаев в Новое время и его можно считать предшественником скандинавского неоязычества XX и XXI веков.

Рунические камни и культ мёртвых.

Древнейшими погребальными памятниками Северной Германии и Южной Скандинавии были мегалитические гробницы галерейного типа (IV тыс. до н.э.), которые перекрывали земляными насыпями. В настоящее время подавляющее большинство таких гробниц лишены этих насыпей. По своей форме галерейные гробницы отдалённо напоминали лодки, что, по всей видимости, наложило на распространённый в Западной Европе мотив переплыwania умершим вод смерти ради обретения бессмертия или бесконечного существования на острове в Западной Стране. Наиболее ярко этот образ представлен в Аваллоне кельтских легенд. В довикингское время получил распространение обычай погребения в каменных кораблях, частично сохранившийся и в историческое время. Его придерживались некоторые норвежские и датские кланы, например, инглинги. Однако ведущими типами погребений, демонстрирующими этот мифоритуальный мотив, стали сожжение на ладье и положение умершего в ладье. Последний встречается редко и был доступен только для великих конунгов, что в какой-то мере соотносится с Вальгаллой, особым загробным миром, доступным лишь для избранных.

Мифопоэтический образ смерти и умирания, сохранённый «Младшей Эддой», связан с солнечным богом Бальдром, сыном Одина и Фрейи. Незадолго до своей смерти Бальдр стал видеть сны, предвещавшие его гибель и рассказал о них Фрейе, которая взяла со всех богов, предметов, растений и животных клятву, что те не причинят вреда Бальдру. Поверив в неуязвимость Бальдра, боги развлекают себя тем, что швыряют в него камнями до тех пор, пока бог-тристер Локи не вложит в руки слепого бога Хёда ветку омелы, единственного растения, которое не принесло клятвы Фрейе. Обвинившись вокруг шеи Бальдра ветка омелы убила его. Богиня царства смерти Хель пообещала, что возвратит Бальдра к жизни, если весь мир будет оплакивать его смерть. Асы пошли по земле с тем, чтобы спросить всех живущих, будут ли они оплакивать Бальдра. Локи, одев маску великанши, встретился на пути асов и сказал, что не станет оплакивать Бальдра. Тогда асы поняли, что Бальдра оживить не удастся и построили для него погребальный корабль (**Hringhorni**, букв. «кольцо-корабль»). Корабль был настолько велик, что боги не смогли оттолкнуть его от берега. Тогда всё тот же Локи, превратившись в великаншу или же одев её маску, оттолкнул корабль, да так, что земля задрожала.

Не выдержав сцены прощания, жена Бальдра богиня Луны Нанна бросилась в горящую погребальную ладью и сгорела в ней живьём. Как и в других солнечных мифах Европы гибель солярного героя Бальдра приурочена к ночи Летнего Солнцестояния. Поэтический образ сгорающей в огне круглого солнечного корабля лунной богини Нанны передаёт вполне реальное астрономическое событие – убывающую Луну, движущуюся к Новолунию. В новолуние после Летнего Солнцестояния во многих землях древней Европы, например, в античной Греции, начинался новый годичный цикл. Рунические календари известные в Швеции и в других странах Балтии, хотя и отмечают это полнолуние как особую дату, но ориентированы на полнолуния после зимнего Солнцестояния, поскольку к зимнему Солнцестоянию (Йюлю) мифологическая традиция приурочила Рагнарёк, битву богов с силами зла (прежде всего – с великанами Йотунами), воспринимавшуюся древними скандинавами как месть за убийство Бальдра.

Майское дерево, вокруг которого всю ночь водят хороводы во время празднования Середины лета (Ивана Купала) в Швеции, а особенно на Аландских островах представляет собой символическую мачту корабля и является отголоском погребальной ладьи Бальдра. Одним из растительных символов Бальдра была ромашка непахучая (трёхреберник продырявленный), которая зацветает как раз в начале июля, а форма её соцветия напоминает солнце. Неудивительно, что гадания на ромашке, восходят к солнечному символизму этого цветка.

В мифоритуальной практике древних скандинавов произошла диссоциация образа умершего: с одной стороны он отправлялся на погребальной ладье на вечные времена в Хель или Вальгаллу, с другой он мог появляться в каменной стелле, жить в своей могиле, выходить из неё и вредить или помогать живым. Обычай возведения рунических камней в честь умерших людей связан с мифоритуальным отождествлением «человек = камень», характерным для скандинавских народов неолита-бронзы и воплощался ранее в погребениях в каменных гробницах. Согласно скандинавской мифологии, обычай установки камней в качестве надгробий был введён Одином, в связи со смертью Бальдра.

Приношения умершим еды и пива сохранились в Скандинавии вплоть до начала XX века, причём такие

жертвы приносились не только родственникам на сельских кладбищах, но и на больших погребальных курганах, датируемых Бронзовым веком. В Норвегии и ряде других регионов Скандинавии получили распространения поверья о том, что умершие живут внутри Хелгафьел (Святой Горы или Горы Мёртвых), которая расположена на острове в западном море. В скальдической поэме «Helreið Vgynhildar» Брюнгильда после своей смерти отправляется в Хель и встречает мёртвую великаншу, живущую в собственном кургане. В другой поэме «Baldrs draumar» описывается ритуал воскрешения мёртвой пророчицы Вэльвы: Один воскрешает её, желая узнать, как помочь Бальдру избежать смерти. Один и Вэльва беседуют до тех пор, пока пророчица не понимает, что перед ним главный бог асов. Хотя в тексте поэмы общение с мёртвой Вэльвой воспринимается как однократное действие, вызванное исключительными обстоятельствами, есть основания предполагать, что такая практика была обычным делом для языческой Скандинавии и поводом для обращения к мёртвым за советом могли стать даже такие пустяковые, с точки зрения современного человека, причины как плохие сны. Более того многие исследователи скандинавской культуры подчёркивают, что вэльвы-предсказательницы в I тыс. н.э. жили во многих селениях, поэтому ритуал вызывания души умершей вэльвы, совершённый Одним, не был уникальным событием, а вполне традиционной практикой.

После гибели Бальдра и Нанны появились новые божества Солнца и Луны – Сунна и Мани – причём в этой паре солнечное божество (Сунна) представлялось золотоволосой девушкой, а Мани – юношей. Мани воспринимался скандинавами как бог времени, летоисчисления и математики, покровителем детей и демонических существ (альвов и цвергов). В его колесницу были впряжены не лошади, а большие собаки. Смена лунных фаз отражена в мифе о том, что Мани спас свою дочь Биль («месяц на ущербе») и сына Хьюки («молодой месяц»), перенеся их по небу прямо в Асгард. Мани и Сунна не представляли собой супружеской пары: Мани был женат на великанше, а мужем Сунны был возникший солнечной колесницы Глен.

Сосуществование в рамках одной традиции столь отличных пар божеств, олицетворяющих Солнце и Луну означает присутствие в скандинавской культуре двух мифологий, одна из которых связана с общегерманской традицией (Сунна и Мани), другая (Бальдр и Нанна) восходит к догерманскому субстрату и связана с культом мёртвым.

Имя Бальдра не получило однозначной этимологии. Якоб Гримм, один из первых исследователей его имени предположил несколько версий. Наиболее вероятными представляется происхождение Бальдра от балто-славянского корня *balta** / *bielo** или же от общегерманского корня «господин», сохранившегося, например, в староанглийском слове «bealdor» (хозяин, лорд, правитель). Вместе с тем гипотеза заимствования образов Бальдра, Нанны и ряда рун (например, находящихся аналогии в южноаравийской письменности гебо, беркана, инг) с Ближнего Востока не получила всеобщего признания, а сближение имени Бальдра с семитским корнем «Ba'al» (господин), а имени Нанны с ближневосточной богиней Инанной, считаются случайными созвучиями в силу значительного хронологического разрыва и культурных различий между скандинавской и левантийской культурами. Имеющиеся мифологические свидетельства не позволяют считать Бальдра божеством умирающей и воскресающей растительности, подобным Осирису или Адонису (имя последнего также переводится как «господин»), умирая однократно, он не воскресает, но продолжает жить в загробном мире.

В Скандинавии есть много топонимов, связанных с именем Бальдра, в частности есть холм, который, согласно традиции был насыпан асами над его погребальной ладьёй. Собственно рунических камней связанных с именем Бальдра в Скандинавии неизвестно, редки и его изображения. Редким исключением является изображение Бальдра на Госфортском кресте, (X век) однако на нём бальдровские мотивы переплетаются с христианскими. Изображения на восточной стороне этого креста часто рассматриваются как смерть Бальдра. В синкретичном религиозном сознании того времени Бальдр и Иисус сливались в единый образ страдающих божеств. По всей видимости именно присутствие образа Бальдра в германском язычестве обеспечило лёгкость, с которой многие германские принимали христианство. Другим очевидным мотивом, обеспечивавшим принятие христианства стало существование мифоритуальной практики, в которой умершие помогают живым. С другой стороны многочисленны изображения элементов бальдровского цикла на рисуночных камнях, таковы, например, изображения маски, одеваемой Локи для превращения в великаншу и изображения самого Локи в этой маске. Намного чаще на рисуночных камнях изображают погребальную ладью, на которой умерший плывёт в царство мёртвых и, что вполне вероятно, возвращается к живым, после проведения

соответствующего призывающего его ритуала. Поэтому рисуночные камни являются недостающим звеном, дополняющим наши представления о культуре мёртвых.

þistill mistill kistill

Труднее всего поддаются интерпретации надписи, содержащие магические заклинания. Так, до сих пор не расшифрована до сих пор надпись на руническом камне Гёрлев 1:

«Тьёрдвиг поставил камень после смерти Одинкара. fuþarkhniastþmIR. Наслаждайтесь kumlet. Чертополох. Омела. Коробка. Я положил (написал ?) руны правильно. Гунне. Армунд».

В этом коротком тексте много загадок. И если о значении первой половины футарка можно предполагать её апотропеические (защитные) функции, то на вопрос «что такое **kumlet**?» не было получено сколько-нибудь правдоподобной версии. Другой перевод предполагает чтение **«используйте kumlet правильно»**, но и он не приближает нас к разгадке.

Для понимания этого текста, следует обратиться к магической формуле **«þistill mistill kistill»** (буквально: «Чертополох. Омела. Коробка»), которая часто встречается и в средневековой скандинавской магии и на других рунических камнях, например, на Ледбергском камне. Даже крупнейшие рунологи склонны называть её **«звучной бессмыслицей»**. Однако эта формула слишком устойчива и живуча в рунической традиции, чтобы считать её бессмыслицей. Очевидно, что она связана с культом мёртвых и, в частности, с ритуалами поминания Одинкара, в честь которого Тьёрдвиг и установил этот камень и правильно вырезал на нём руны.

Первое на что обращает на себя внимание в этой формуле: Омела (в современном шведском языке – «mistel»). То самое «слабейшее из растений», клятвой которого побрезговала Фрейя, та самая омела, которая стала причиной смерти Бальдра. Третий элемент заклинания – коробочка или «kistill» ассоциируется прежде всего с цистовым погребением, которое в современном шведском языке называет hällkista (циста умерших или ящик для погребения). Такие погребения были широко распространены в Европе в Бронзовом веке. Впрочем, это слово также применимо и для обозначения деревянного гроба, изображения которого на погребальной ладье часты для ранних рисуночных камней.

Сложнее всего понять ассоциации связанные с чертополохом, служившим для кельтов атрибутом царской власти, а его латинское название (carduum) или близко к «cardium» (сердце) или даже напрямую происходит от общего корня, тем более, что цветок чертополоха действительно по своей форме напоминает человеческое сердце. Хотя археологи и отмечают, что Скандинавия находилась в определённой зависимости от кельтского импорта, трудно сказать насколько эта зависимость отражалась в мифологии и народном мировоззрении. Единственным примером заимствования, причём заимствования со знаком минус является кельтский бог Луг, ставший в германской мифологии злым или трикстериальным персонажем – Локи. В силу такой неопределённости мы не станем утверждать, что þistill (чертополох) является прямым кельтским заимствованием. Поэтому его присутствие в магической формуле обозначает лишь запустение (= зарастание чертополохом), которое Тьёрдвиг призывает на дома тех, кто неправильно совершает kumlet и / или попытается разрушить воздвигнутый им камень.

О последних двух элементах надписи также можно говорить лишь предположительно. Неизвестно почему из всех валькирий Тьёрдвиг избрал именно скачущую на волках Гунну. Упомянутый последним Армунд мог считаться в этой местности её супругом и мужской половиной. Во всяком случае именно они, а не более привычные нам Один или Тор охраняют камень и покой умершего Одинкара.

Итак, в развёрнутом виде смысл надписи на руническом камне Гёрлев-1 представляется следующим:

1. Стандартная формула с именем того, кого следует помянуть (Тьёрдвиг поставил камень после смерти Одинкара).
2. Защита от злых сил при помощи верхней части футарка (fuþarĥnġastbmlR).
3. Совершайте поминальный обряд по Одинкару.
4. Да зарастёт дом чертополохом, да поразит самое безопасное, да окажется в могиле / гробе, тот, кто совершает обряд неправильно и / или попытается разрушить камень.
5. Я правильно совершил обряд «укрепления камня рунами».
6. Да помогут вам и / или Одинкару Гунне и Армунд.

Легенды о рунических камнях.

Гробница раннего железного века (XI-V в. до н.э.) в Боге (Готланд) считается гробницей Тьялфи, который выступает то как младший бог, помощник асов, то как герой, первым из викингов ступивший на берег острова. Его имя обычно расшифровывают «подобный эльфу». Согласно Гутасаге остров Готланд то всплывал, то погружался в море, а населяли его различные демоны. Тьялфи смог победить демонов и овладеть островом. Историческая основа этой легенды связана с многочисленными изменениями рельефа Балтийского моря в постледниковый период, что позволяет отнести времена Тьялфи к мезолитическому или неолитическому времени. Любопытно, что имя, точнее прозвище Тьялфи переводится как «подобный альву» (эльфу). Таким образом легендарный первый царь Готланда отождествляется с альвами. В Гутасаге Тьялфи изображён великим магом, что также связано с его альвийской природой.

В скандинавских сказках рунические камни считаются местами обитания мифических существ и, чаще всего, альвов. Вместе с тем, в них нет прямых указаний на то, что покойники превращаются в альвов после смерти или же в альвов превращались те, кому посвящены эти рунические камни. Не различают сказки и средневековые и доисторические каменные памятники, в равной степени легенды об альвах ассоциируются и с древними мегалитическими гробницами и с раннесредневековыми руническими камнями. Это означает, что в народном сознании каменные памятники связаны с чем-то нуминозным и чудесным, но эта тема не получает значительного развития, возможно, под влиянием христианства.

Исследователи отмечают, что легенды о рунических камнях типологически близки к легендам о других мегалитах – гробницах, кромлехах, а также к легендам кельтских и питских камней. Одним из ранних свидетельств о них принадлежит Саксону Грамматикю, который в книге «Gesta Danorum» (Деяния данов). По его словам, в Дании и Скандинавии есть множество огромных камней, воздвигнутых гигантами. На территории Европы ареал распространения сказок о гигантах коррелирует с ареалом распространения мегалитов и других каменных памятников. Вместе с тем, отношение к великанам в средневековой поэтической традиции и в сказках, записанных в XIX-XX веках значительно различается. Для скальдов великаны – противники асов, носители злого начала, своего рода аборигены, с которыми асы постоянно враждуют. Тогда как для сказителей близкого прошлого великаны амбивалентны, они способны платить людям добром за добро. Следует вспомнить, что асы воспользовались великанами для того, чтобы обнести Асгард неприступной каменной стеной. В свете этого гибель Бальдра представляется мстостью великанов или же строительной жертвой, но в силу специфического этнического самосознания скандинавов сложился сюжет о наказании Локи.

Отдельную группу составляют сказки о сбывшемся проклятии, написанном на рунических камнях.

Наиболее ярко этот мотив проявлен в легенде о Бьёркеторпском камне, расположенном на месте неолитического кромлеха, использовавшегося в I тыс. н.э. как языческое святилище. Проклятие обещает, что колдовство падёт на голову того, кто попытается разрушить этот камень. Согласно легенде некий крестьянин попытался убрать камень, чтобы увеличить размеры своего поля. Но камень ни в какую не двигался с места, а никто не односельчан, помня о проклятии, не рискнул ему

помочь. Тогда крестьянин решил разжечь огонь, чтобы камень нагрелся, а затем полить водой, отчего раскалённый камень должен был расколоться на несколько частей. Но лишь только он разжёл костёр, как пламя перекинулось на нарушителя и он заживо сгорел в том огне, а камень остался невредимым.

Другую группу составляют легенды и сказки в которых знахарки и колдуньи общаются с альвами возле каменных гробниц или других каменных памятников, иногда называемых жерновами или горшками альвов. Альвам оставляли мелкие монеты, а сами камни помазывали свиным жиром и читали особые заклинания.

Легенда о камнях, под которыми был убит и похоронен Локи сохранилась в Англии. Ныне один из этих камней хранится на территории церковного прихода Святого Стефана в Киркби. Неизвестно где он был установлен изначально и где находятся два других камня. Хотя датировка его колеблется между VIII и X веками, историки чаще склоняются к VIII веку, что делает его одним из старейших викингских памятников на Британских островах. Согласно легенде, после того как Локи убил Бальдра и отказался его оплакивать, асы поклялись убить Локи. Они настигли Локи и его сына Нарфи в Англии и загнали их при помощи заклинаний в центр кромлеха. Затем они убили Нарфи и привязали Локи к трём камням кишками Нарфи, а над головой Локи поместили ядовитую змею, так, чтобы её яд капал на лицо Локи и оставили его умирать там. Типологически эта легенда близка к кельтской легенде о фее заманившей Мерлина в мегалитическую гробницу и привалившей его огромным камнем, однако для кельтской мифологии не свойственны кровожадные подробности, что выдаёт в ней аутентичное скандинавское происхождение. Эта легенда представляет собой самостоятельную версию наказания Локи, который по канонической версии «Эдды» был связан и спрятан в подземном мире. Связывание есть и английской легенде, но оно происходит на земле, что соотносится с христианским мотивом неотвратимости наказания Иуды. К тому же связывание Локи на земле указывает на древность легенды: к тому времени, когда она возникла, способность Локи менять облик ещё не получила широкого распространения, в мифах более позднего времени Локи уже мог принимать облик любого животного, божества, великана и поэтому для связывания его потребовались особые усилия асов.

Важен в этой легенде и мотив змеи, убивающей Локи. На многих рунических камнях текст надписи изображён на теле змеи. Вполне вероятно, что змея, убивающая Локи и есть та самая змея, которая изображена на рунических камнях. В этом случае она получает способность не только убивать всех, кто попытается уничтожить камень или надпись на нём, но и помогает при отравлении культа мёртвых, устраняя препятствия и злых демонов.

***

Есть надежда, что современные рунологические проекты помимо узко специальных исторических, текстологических и искусствоведческих вопросов смогут решить и многие вопросы связанные с руническими камнями, которые до сих пор не получили решения.

Один из таких значительных вопросов – время возникновения футарка. Многочисленные рунические надписи на римском импорте позволяют датировать возникновение рун I тыс. до н.э., что делает их современниками «малых» европейских алфавитов, таких как тартессийский и иберийский. Утверждение о том, что футарк произошёл от одного из средиземноморских алфавитов (вероятными предшественниками считаются латинский, греческий или этрусский), стало общим местом в научной и научно-популярной литературе, вместе с тем контакты между носителями этих письменностей и германцами вплоть до Галльской войны невозможны, а после неё – весьма сомнительны в культурно-историческом аспекте: несмотря на наличие греческих и латинских надписей на скандинавском импорте прямое заимствование вряд ли возможно. Всё это, а также наличие специфической кельтской

письменности (огама), которая выполняла роль тайнописи, позволяет предполагать, что в Западной и Южной Европе в конце Бронзового – начале Железного века сформировалась некоторая общая письменность, от одного из локального варианта которой и произошёл футарк.

Другой вопрос состоит в локальных различиях между скандинавскими традициями. Созданные базы данных позволяют говорить о том, что на рубеже н.э. в восточной Швеции локализовалась рисуночная традиция, а в западной – руническая. Вместе с тем, появляются основания считать, что каждая из этих традиций была связана с самостоятельными мифоритуальными комплексами, объединившимися только после ухода готов и возвышения военной племенной знати, чьими покровителями были Один и Тор. В рамках культа мёртвых зачастую большее значение имеют богини смерти, такие как Гунна, которые в историческое время были низведены до уровня валькирий. Парадоксальность их положения состоит, в частности, в том, что они, хотя по статусу и находятся ниже асов, но при этом бессмертны, тогда как великие боги (Один, Фрейя, Тор, Бальдр) – смертны и вынуждены обращаться к ним за помощью. В связи с этим следует отметить любопытную, но не вполне доказуемую гипотезу Грегори Таннера о том, что «родиной» Одина, то есть культовым центром был шведский округ Вадсбё. Она была выдвинута на основании того, что в этом округе есть много легенд, связывающих археологические памятники (культовые места, могильники, рунические камни, каменные корабли) и природные объекты (горы, реки) с именами Одина и других асов. Однако в Скандинавии есть немало других местностей, которые могли бы считаться прародиной культа Одина.

Третий вопрос возникает в связи с многочисленными надписями футарком первых веков нашей эры – о степени грамотности среди населения Скандинавии этого времени. Присутствие надписей на оружии, предметах быта, фибулах и других вещах позволяет предполагать, что достаточно большой процент датского и скандинавского крестьянства умели читать и писать. В пользу этого свидетельствуют и раннехристианские надписи: по всей видимости, руническая письменность смогла стать естественной частью народной культуры. С другой стороны традиционные исторические модели предполагают, что Скандинавия конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. представляла собой окраину Европы и находилась под влиянием или прямым воздействием южных соседей: кельтов, римлян, франков. Так, по мнению Лизбет Имер, один из древнейших рунических камней в Дании – Фоборгский – был связан с консолидацией данов для противодействия захватнической политике Карла Мартелла.

Публикация на Полит.ру в двух частях:

http://polit.ru/article/2014/01/03/ps_runes1/

http://polit.ru/article/2014/01/04/ps_runes2/

Постоянный адрес статьи в сети – <https://www.academia.edu/5597407/60-61.>

Каменные корабли.

Артем Корсун.

Йоаким Велин из Университета Гетеборга опубликовал в сети фундаментальное исследование посвященное каменным кораблям – особому типу мегалитических погребальных памятников распространенных в Скандинавии в эпоху поздней бронзы (1100 - 500 гг. до н.э.).

Такие корабли выполняли не только ритуальные и погребальные функции, но и были местом встречи для крестьян одного региона. Поводами для таких встреч могли служить празднования солнцестояния, и многие из таких кораблей имели археоастрономическую ориентацию на эти даты. Как отмечает автор, в пользу этого свидетельствует отсутствие скелетов в некоторых из раскопанных каменных кораблей. Реконструкция расположения каменных кораблей на древнем ландшафте показала, что они находились преимущественно на берегах водоемов, часто на островах (в частности много их на острове

Готланд) и могли служить и торговым целям, потому что в позднем бронзовом веке Южная Скандинавия находилась в сильной зависимости от импорта металла из Германии и Франции. Археологи фиксировали значительный приток бронзы в указанный период, но не могли найти места, в которых совершались торговля и обмен. Это было тем более удивительно, ведь торги викингского времени были широко известны. Ландшафтные исследования позволили обнаружить места высадки кораблей и места встреч общины, но вокруг каменных кораблей крайне редки следы временной торговой стоянки (эмпория), что позволяет говорить о том, что каменные корабли не утратили своего культового и погребального значения.

К тому же метафизическое присутствие умерших предков должно было придавать древним скандинавам уверенность в том, что торг будет справедливым. Отметим, что каменные корабли часто повторяли настоящие, подчеркивая те или иные особенности кораблестроительной техники поздней Бронзы, что свидетельствует о значительной пространственной мобильности населения Южной Скандинавии того времени.

Всего на данный момент известно более тысячи каменных кораблей, самыми известными из которых являются Ale's Stenar, Altes Lager Menzlin, Gettlinge, Hulterstad, Jelling и LindholmHøje. Возводили их в течении длительного периода с 1000 г. до н.э. до 1000 г.н.э. и длительность их использования свидетельствует об этнической гомогенности местного населения.

Опубликованное в прошлом году новое археоастрономическое исследование Ale's Stenar(середина I тыс. н.э.)подтвердило возможность использования его для визирования восходов и заходов Солнца в дни солнцестояния, а также в качестве астрономического календаря. Вместе с тем спорный образец угля, датированный Мартой Стремберг серединой IVтыс. до н.э. похоже, связан с дольменным погребением того же времени обнаруженным близ Ale's Stenar. В народных легендах памятник называют гробницей легендарного короля Але или намного более историчного конунга

Олава Трюггвассона. Каменный корабль, как погребальный памятник, представляет собой соединение двух мифоритуальных элементов: погребальной ладьи и каменной гробницы.

Каждый из этих элементов достаточно широко представлен на мегалитическом ареале. Так погребальная ладья известна в Скандинавии, Средиземноморье, на Северном Кавказе и Египте. Присутствует она и в ритуале друидического посвящения неопита. Но единственная прямая аналогия каменным кораблям Скандинавии – каменные корабли набета – находится на Балеарских островах. Их возникновение датируется примерно 1200 г. до н.э. Несмотря на хронологическое соседство, балтийские каменные корабли конструктивно отличаются от западно-средиземноморских.

Значительные отличия наблюдаются и в инвентаре, и в их генезисе (первые происходят от коридорных дольменов-дюсов, вторые – от местных гробниц).

Но их мифоритуальное сходство позволяет зафиксировать ослабление мифопоэтических образов под воздействием индоевропейской инвазии. Общей для более раннего времени схемы «перевозка покойника в каменную гробницу на лодке» оказалось недостаточно и теперь в двух регионах независимо друг от друга стали возводить каменные корабли.

Между народами Западного Средиземноморья и Скандинавии есть и другая довольно загадочная аналогия: рогатые шлемы шердани (Сардиния, конец II тыс. до н.э.) и викингов. Последние использовали их исключительно редко и только в культовых целях.

Опубликовано – http://polit.ru/news/2013/05/12/ps_stone_ship/

Вести из Ольховки

Ольховский «Стоунхендж»

Мы уже писали в нашем журнале о святилище на берегу Суходольского озера (Сувантоярви) вблизи деревни Ольховки, а также о угрозе потерять этот неолитический памятник. Он расположен к северо-западу от Ольховки, это культовый комплекс, протянувшийся почти на 2 км по верхней террасе вдоль озера, и представляет собой скопления ритуальных каменных куч и культовых камней - чашечников. Чашечники хорошо известны по всему Северо-Западу, больше всего подобных камней известно в Эстонии (более тысячи), в Финляндии около четырехста семидесяти. В Ленинградской области на Карельском

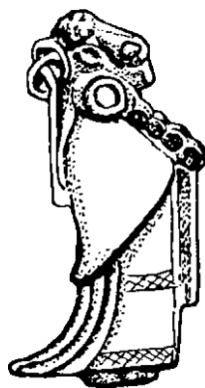
перешейке известно о тридцати трёх чашечниках, и половина из них находятся на территории святилища Сувантоярви. «Ольховский Стоунхендж» известен археологам с 80-х годов прошлого века. Тогда же при раскопках здесь были обнаружены два древних поселения и несколько средневековых могильников. Количество чашечников всё время менялось. Камни то находили, то теряли, то

пытались уничтожить. Сейчас их четырнадцать и все разные. Есть и уникальный в своём роде, на котором обнаружено сорок два чашечных углубления. Это наибольшее количество чашечных углублений на камнях в Ленинградской области. Более того этот чашечник был обнаружен совсем недавно, то есть данный комплекс ещё не обследован до конца, а уже находится под угрозой уничтожения. В 2012 году появилась информация о продаже садоводческих участков в будущем садоводстве «Лосось и окунь». Его даже обозначили в атласе автомобильных дорог. Однако, когда активисты заговорили о необходимости сохранения уникального памятника, упоминания об этом садоводстве исчезли из интернета. Осталась только карта и дорога, ведущая в никуда. В последнее время берега Суходольского озера активно застраиваются, между тем охранный статус «Ольховского Стоунхенджа» по-прежнему не определен. Выявленные и зафиксированные здесь археологической экспертизой памятники рекомендованы к внесению в реестр памятников федерального значения. Рекомендованы к охране, ещё не значит, что спасены. Необходимо создать на базе Ольховского скопления что-то вроде заказника или историко-природного парка. Сохранять камни сами по себе смысла нет, необходимо сохранить весь комплекс памятников, как единое целое с природным окружением. Тем более, что камни и место по-прежнему почитаемы, кто-то повязывает ленточки на деревья и опускает приношения в чашки.

По материалам программы «Вести. Санкт-Петербург» от 17.07.2014г., статьи Эсгал «Древнее святилище у Сувантоярви» в журнале «Сага» №5 и статьи Мизина В. «Культовые камни ленинградской области».

Редакция журнала.

Традиции сегодня и всегда

Из книги *Our Troth*.

Глава XXVI. Душа, смерть и возрождение. (*Soul, Death, and Rebirth*)

Составители:

Гранди, Стивен, из «Культ Одина: бог смерти?» (*Grundy, Stephan, The Cult of Óðinn: God of Death?*)

Алиса Карлсдоттир из «Леди Смерть» (*Alice Karlsdóttir, The Lady Death, in Idunna V, i, 18, Rhedmonth 1993 C.E.* (примечание: многие разделы этой статьи также приводятся в главе *Hella*))

Свейн Воденинг, «Душа англосаксов» (*Swain Wodening, The Anglo-Saxon Soul*)

Перевод с английского Н.Топчий

«Душа» наших предшественников состояла из многих различных элементов, сотканных вместе, чтобы стать единым целым. Как отмечает Э.Торссон, «разительный раскол души и тела, столь сильно подчеркиваемый в христианстве, отсутствует в истинном знании о душе. Мы скорее говорили бы о комплексе тела-души-ума для более полного понимания не только отдельных частей, но также того, как они связаны между собою» («Книга Трота»¹). Как обычно, оценка этих элементов изменяется от места к месту, от эпохи к эпохе. В настоящее время некоторыми людьми созданы ясные и упорядоченные описания различных частей души и путей, которыми они совместно работают, хотя вопрос, были ли представления наших предшественников столь систематизированы, остаётся открытым. Некоторые находят эти модели чрезвычайно полезными; некоторые — нет. Вероятно, наиболее точная из подобных моделей — та, что приведена Эдредом Торссоном в «Книга Трота». В ней различные элементы целостной самости показаны как перекрывающиеся, переплетённые окружности².

Свейн Воденинг (*Swain Wodening*), глубоко проанализировав знания о душе англосаксов, вводит систему, которая подобна, но не идентична системе Торссона. Он использует саксонский и английский термин **ferth* для описания всех не-физических частей комплекса «тела души» за исключением спутника или двойника-*fetch* (см. далее). Эта часть (*ferth*) переживает смерть и способна видеть или путешествовать по другим мирам, когда тело ещё живо. *Ferth* был для наших предшественников тем же, чем является «Я» (Самость, Эго) для современной психологии — вместилищем в душе памяти, интеллекта и эмоций. Древнеанглийский знает это как «разум» (современное английское *mind*, OE (*Old English*) *mynd*), «высшее» (*high*, OE *hyge*, ON (*Old Norse*) *hugr*), и «состояние-духа» (англ. *mood*, OE *mód*). Разум далее может быть разбит на *gemynd* (OE) или *min* (OE *myne*), и на *orþanc* (английское *urthought*, букв. «пра-мышление» или бессознательное). *Min* — личные воспоминания о деяниях, совершённых в течении всей жизни, так же как и приобретённые знания и мудрость. *Orþanc*, с другой стороны — мысль врождённая, наследственная память и/или инстинкт. Кто-то мог бы это назвать коллективным бессознательным. Всё это связано со спутником или двойником-*fetch* и с судьбой-*orlög*, личной и родовой. *Orþanc* включает все поступки, уроки и ошибки предков по крови и названных, приёмных предков, некогда связанных со спутником-*fetch* души; *orþanc* хранит их для использования индивидуумом. В то время как *orlög* — это *shilds* (долги) и *meeds* (награды) прошлых дел, ожидающих возмещения, *orþanc* — память о деяниях самих по себе.

¹ *Edred Thorsson, A Book of Troth, p.90*, вариант перевода названия — «Книга Верности».

² *A Book of Troth, p.91*

Высшее-*high*, подобно разуму-*mind* может также быть разбито на категории. Высшее-*high* делится на *angit* (OE *andget*), *sefa* (OE), и *wit*. *Angit* представляет собой пять чувств, при помощи которых мы получаем информацию об окружающем нас мире. *Angit* — «служба разведки» для *ferth*. В то время как *angit* собирает знания, *sefa* — это то, что использует информацию, *sefa* является местом рассуждений и размышления. Однако умозаключения *angit* и *sefa* ничего не стоят без ума-*wit*. Можно представить *angit* как клавиатуру компьютера, *sefa* как программу обработки данных, и *wit* как программу поиска в памяти с разумом-*mind*, являющимся постоянным запоминающим устройством-ПЗУ³.

Если *mind* и *high* легко поддаются объяснению, не так с *mód* и *wode* (древнеанглийское (OE) *wod* — также осовременивается в *wood* или просто *wod*). *Mod* — место эмоций, и наряду с *wode* и волей-*will* (OE *willa*), одна из самых «рунических» и тайных (*dern*) частей души. *Mod* управляет всеми эмоциями от простейших до самых сложных. *Mod* также связано с такими качествами, как смелость и *are* (честь). В древнеанглийском языке это слово комбинировалось со многими, чтобы выразить состояние сознания (*deormodig* — отважный разумом), в том же качестве, в каком слово «сердце» (*heart*) используется сегодня (например, *bold-hearted* — отважный сердцем). Часто *mod* использовалось вместо *ferth* или *high*, но следует осознать, что слово употребляли там, где бы мы использовали понятие «сердце».

Если вдруг *mod* покажется недостаточно сложным, то его родственный аспект, *wod*, сложен более чем достаточно. В то время как *mod* управляет эмоциями, такими как отвага, *wod* господствует надо всем от экстаза и безумия и вдохновения. *Wod* — это импровизация актёра, напряжение-подъём атлета, и вдохновение певца. Общая черта всего перечисленного — неослабевающее напряжение сродни навязчивой идее, и в этом состоянии человек способен на понимание и озарение казалось бы из ниоткуда. Некоторые сравнивают это состояние с *daimonic* психолога Ролло Мэя (*Rollo May*), которое, неконтролируемое, ведёт к безумию, но, используемое с мудростью, может воплотиться в великих деяниях (отметим, что даже готский христианин Ульфилла переводил *daimonizomenos* и *daimonistheis* как *wods* — К. Х. Гундарссон). *Wod* — область Водана, и понимать, что есть *wod* означает лучше понимать бога. Достаточно странно, что *wod* был даром Вилли, бога воли-желания⁴, в прозаической «Эде» (и брата Одина Хенира в «Прорицании вельвы» — К.Х.Гундарссон). Если *wod*, похоже, приносит нам вдохновение извне, то воля-желание является тем, что приносит само-определение изнутри. Это воля, контролирующая *wod*, что позволяет нам бороться с плохим *ørlæg* — или плыть по течению. Воля является частью *ferth*, которая позволяет нам приносить нечто от *high* или вдохновение от *wod* в физическую действительность Среднего Мира. Используя волю, можно вызвать *main*-удачу (см. далее) из незримых мест. И используя волю, чтобы управлять и вызвать *wod*, можно свершить многое, поскольку именно при помощи воли человек способен призвать это состояние, вместо того, что бы ждать, пока *wod* придёт сам.

Где воля терпит поражение, может победить удача. Связанная с духом, удача в древнеанглийском звалась *speed* (OE *spæd*), *craft* (OE *cræft*), *main* (OE *mægen*), *thracu* (OE), и *might* (OE *miht*). Иногда использовались и понятия «силы»: *strength* (сила) и *thew*⁵. *Speed* или *main* являются удачливостью или силой личности, которые определяют шансы на успех в любом предприятии. Это подобно древнесеверной концепции *hamingja*, настолько, насколько *hamingja* означала «удачу», а не имела значения путешествия части *hame* у спутника-*fetch* (см. далее). *Speed*-удача связана с *eldorlog* или *ørlæg* и, как таковая, передаётся по линии рода. Хорошие деяния прибавляют *main*, в то время как злые дела *main* уменьшают. Тем, что делает *main*-удачу регулятором *ørlæg*-судьбы, является *fetch*⁶ (ON *fylgja* или «тот, кто следует за, спутник», дух, неразлучно следующий за человеком)

Англосаксы не оставили записей со словом *fetch*, хотя название *fæcce-mare* (*fetch*-демон) появляется в документе IX столетия (возможно, впрочем, что писец имел в виду просто лошадь-кобылу). Первое появление *fetch* как записанного вне сложносоставного слова зафиксировано в шотландском диалекте, где также употреблялось слово *wraith* (дух, являющийся незадолго до смерти, ON *vörðr* — «страж» или

³ автор пишет о *ROM, Read-Only Memory* — памяти, чья информация прописана однократно при изготовлении.

Ответственность за корректность сравнения на авторе

⁴ Английское слово *will* имеет два значения

⁵ *thew* в современном английском языке означает как силу разума, так и мускульную силу

⁶ *fetch* в современном английском означает «призрака, привидение или двойника»

«хранитель»), имея аналогичное значение. *Fetch* является независимой сущностью, присоединённой к душе на время жизни, пока не будет сотворено слишком много зла. *Fetch* записывает все деяния в *ǫrlög*. *ǫrlög*, также называемый *elderlog* и *orlaw* (или английское *ur-law*, «пра-закон»), — полная запись дел, совершенных всеми теми, кто был связан с *fetch*-спутником, и он определяет, сколь много *speed* или *main*, т.е. удачи, человек получит. *Fetch*, *ǫrlög*, и *speed* передаются по семейной линии, даже приёмным членам семьи. *Fetch* может служить стражем или в качестве хранителя, но всё же этот аспект обычно оставляется за идис⁷ и валькириями (смотри главы «Идис» (*Idises*) и «Валькирия» (*Walkurja*)). *Fetch* обычно появляется как животное, соответствующее личности, которой служит, или как существо противоположного пола. Как правило, нельзя увидеть *fetch* иначе чем во снах незадолго до смерти, когда он проведёт душу в её дальнейшее место пребывания. Можно, однако, послать *fetch* вдаль, чтобы получать знания из других миров...

Все перечисленные *high*, *mind*, *mod* и *speed* содержатся в *hame* (OE *hame*, ON *hamr*⁸), *hide* (OE *hid*), или *shinehue* (OE *scínnhiw*). Под *hame* понимается энергетическая/материальная форма на основе тела, которая вмещает *ferth* (весь комплекс души) после смерти или когда он отправляется в магическое путешествие. Именно *hame* — это то, что позволяет нам видеть призраков. Вы можете предпочесть думать о нём как об астральном образе или эктоплазме. *Hame* выглядит подобным телу, которое принадлежит *ferth*, но могущественные мастера рун, ведьмы, существа Иного Мира и боги могут изменять его форму. Именно *hame* посылают вдаль во время путешествия вне тела, оставляя *athem* хранить тело живым. Древнеанглийский знал это как *shinelock*, сияющие-чары (OE *scínlác*) или *shinecraft*, сияющее-мастерство (OE *scincraeft*), способность посылаять одно лишь *hame* из тела, что бы побывать где-либо. *Hame* — кожа души, без которой энергии души-*ferth* были бы потеряны.

Связывает тело и душу *athem* (OE *æþem*), также называемый *blead* (OE *blæd*), *edwist* (OE), и *eldor* (OE). *Athem* — это дыхание жизни; родственный термин, *ande* (OE *anda*) сходен с древнесеверным *önd*, одним из трёх даров богов человечеству. *Athem* — одушевляющая основа тела, или на латыни — *animus*. Именно она держит дух в теле, и эти узы необходимы для нормальной жизни в Срединном Мире. В других философиях и *sedes* (религиях, традициях), его могли бы рассматривать как «серебряную нить». Без него душа вынуждена была бы оставить тело и перейти в Хель, Фолькванг или Валхаллу. Для того, чтобы эти узы присутствовали, *athem* подпитывается энергией пищи, которую мы едим, питья, которое мы пьём и воздуха, которым мы дышим. *Main*-удача посылается через *athem* в тело-*lich*. Это может быть продемонстрировано на древнеанглийских манускриптах, где используются слова *athem* и *blead* для дыхания, и *edwist* и *eldor* для физического питания. После смерти *athem* исчезает, заставляя *ferth*-душу оставить тело-*lich* навеки. Если б *athem*-дыхание не исчезало, результатом были бы драуги (ON *draugr*, OE *gidrog*) или ходячие мертвецы саг.

Исконное английское слово для тела — *raw* или *lich* (OE *lic*). При жизни душа находится в *lich*, что и позволяет нам жить в Срединном Мире. Собственно, следовало бы рассматривать *lich* и *ferth* как одно большое целое. Без *ferth* тело-*lich* превратится в растение, без *raw* душе было бы трудно существовать в Срединном Мире. Именно *lich* позволяет *ferth* обретать мудрость в дружественном обиталище — Срединном Мире — перед путешествием к другим мирам.

Интересно, что число частей комплекса *ferth-lich* (без стражей-хранителей души) — девять, в некотором роде зеркальное отражение девяти миров Иггдрасиля. Хотя такое сопоставление реально не делается, сам факт оставляет нам поле для размышлений (возможно, с привлечением «Англо-Саксонского словаря» Босворд-Толлера или «Оксфордского Английского Словаря»⁹).

В своей «Культуре Тевтонов»¹⁰ Вильгельм Грэнбех проводит, помимо прочего, анализ различных слов, использовавшихся на Севере для частей души. Некоторые из них, особенно *hugr* и *munr*, являются сегодня среди асатруа общеупотребительными; смысл других более тёмных. В древнесеверном *hugr* может означать разум, храбрость, или общее расположение духа; так, можно быть в хорошем или плохом *hugr*, например. Торссон использует термин *hugr*, или *hugh* для интеллекта/рациональной части ума — левого полушария мозга. Тем не менее, на Севере часто употребляли это слово как обозначение

⁷ *idis* — название дис в англосаксонском Троте

⁸ *Hamr* — буквально «шкура, кожа, оперение», в переносном смысле — «вид, обличье, образ»

⁹ *Bosworth-Toller, Anglo-Saxon Dictionary; u Oxford English Dictionary*

¹⁰ *Vilhelm Grønbech, Culture of the Teutons, vol. I, pp. 248-270*

интуиции; именно *hugr* передаёт знание, собранное различными составляющими души, в сознание. Слово это также может быть использовано для обозначения общего психо-эмоционального комплекса человека. Грэнбех пишет: «(*Hugr*), вдохновляет поведение человека; его действия и его речи могут быть охарактеризованы как исполненные *hugr*, как обладающие отважным *hugr*, или унылым *hugr* ... когда *hugr* — тяжёлый, жизнь не является здоровой. Как говорила Гудрун: "долго металась, долго дух (*hugr*) был разделён"¹¹. Но когда человек следует доброму внутреннему совету, то поднимается из глубины его души триумфальный клич, это *hugr* смеётся в его груди».¹²

Munr может означать «память»; это слово может также означать «желание». Следуя модели воронов Водана, Хугина (*Huginn*, Размышляющий или Смелый) и Мунина (*Muninn*, Помнящий или Желаящий), верные наших дней часто видят пару *hugr* и *munr* как мысль и память/левое полушарие мозга и правое полушарие/аналитический интеллект и способность к творчеству.

Aldr, «век-жизни», видится как некий запас жизни, который даётся при рождении норнами или идис (смотри раздел «Идис»), но может быть отобран или уменьшен бесчестными поступками или в борьбе: Грэнбех замечает, что «человек может рискнуть своим *aldr* и потерять его, он может забрать *aldr* другого человека в бою. *Aldr* это *ffjör* (старосеверное «жизнь»), что обитает в груди, и мечом можно принудительно оборвать его»¹³. Именно *aldr* определяет как количество, так и качество жизни.

Fjör — это сама «жизнь», включающая как сознание, так и удачу.

Önd, «дыхание-жизни» — дар Водана. Это слово также может быть использовано как общее обозначение «души» или «осознанности» (в противовес дикому вдохновению, именуемому *wod*). «Сага об Олаве Святом» из «Книги Плоского острова», упоминаемая ниже, показывает, что это дыхание/осознанность были одним из элементов, которые могли пройти перерождение и породить индивидуальный характер.

Móðr, подобно саксонскому родственному слову *mód*, означает «храбрость». Однако в древнесеверном слово часто используется очень специфически для обозначения состояния напряжения, когда человек внезапно напрягает все данные ему при рождении силы. Например, переходя вздувшуюся реку на пути к жилищу Гейррёда, Тор должен принять свой *Ásmóðr*. Когда Великий Змей Ёрмунгандр просыпается в Рагнарёк, волнуя моря, он принимает свой *jötunmóðr*, как поступает и ётун, возводивший стены Асгарда, когда понимает, что боги обманули его и впадает в ярость.

Hamingja (исл. «счастье», «удача») — запас психической силы и удачи. Возможно передавать часть чьей-то *hamingja* другим; *hamingja*, подобно сужденному веку-*aldr*, удаче-*speed* (здесь фактически — синониму *hamingja*) и другим связанным элементам увеличивается благодаря деяниям чести и убывает при бесчестных.

«Сила и мощь», *mátt ok megin*¹⁴, обычно упоминаются вместе. Они относятся к смешению земной силы и силы души, духовной — напряжению всех физических сил совместно с тотальной концентрацией и духовным усилием. Для наших предшественников телесная и духовная мощь едва ли были разделены; одна часто отражала и, возможно, даже формировала другую. *Meginn*, в частности, относилось к силе, которая поддерживала душу, тогда как *mátt* было скорее силой мускулов.

Örlög, «пра-закон», является корнем бытия: это первый слой Вирда, который формирует все последующие. «Судьбы (*örlög*) не иметь» означает не существовать никаким целенаправленным образом; в «Прорицании вёльвы» эта фраза использовалась для древесных стволов на берегу перед тем, как Один, Хёнир и Лодур наделили их человеческой сущностью. *Örlög* — то, что определяет как будет сформирована вся жизнь, от начала до конца: это то-что-есть, *wyrd*-фатум индивидуальности.

Hamr, или *hide*¹⁵/*hame*, — это, по описанию Свейна, «астральное тело», лежащее в основе физической формы. Оборотни, меняющие форму, как например дед Эгиля Квельдульв, назывались *hamrammr* («шкуро-могучие» или «могучие обликом») или *eigi einhamr* (не-с-одним-обликом).

Наряду со спутником-*fylgja* или *fetch* есть также другие существа-хранители, связанные с душой, особенно того рода, что прежде среди верных звались «валькириями», но как было сказано в главе о

¹¹ *Lengi hvarfaðak, lengi hugir deildusk* (дух разделялся), «Вторая песнь о Гудрун», 6.

¹² *Culture of the Teutons*, I, p.250

¹³ *Culture of the Teutons*, I, p. 255

¹⁴ «сила, мощь, могущество, власть» для *mátt* и «сила, мощь» и одновременно — «главная часть» для *megin*

¹⁵ Английское *hide* означает «кожа, шкура»

валькириях, вероятно, неизвестные в таком качестве нашим предшественникам. В «Саге о Вельсунгах», однако, есть описание последней битвы Сигмунда, в которой Вельсунг был в крови по локоть, «но так помогали ему вещие его дисы, что не был он ранен»¹⁶. Эти женщины, несомненно, не валькирии, так как это битва, в которой Один предопределил, что Сигмунд должен погибнуть, они же защищали героя. К тому же имя «вещие дисы»¹⁷ говорит о мудрости и способности к предвидению. Это — роль, которую играла трижды возродённая Свава/Сигрун/Кара по отношению к трижды возродившемуся Хельги, и, возможно, роль, до которой была низведена Сигдрива с её изначальной позиции валькирии: страж-хранитель, дарующая советы и сияющая невеста души, Высшее Я, которая также включает в себя элементы анимы Юнга. Хотя нет источников, которые показывали бы мужского стража, советчика и сияющего жениха души для женщин, если теория анимы и анимуса на самом деле верна в данном случае, мы можем догадываться, что женские Высшие Я могут являться в мужской форме; и могут быть названы «вещими альвами»¹⁸. Эти существа не приказывают и не контролируют: хотя они являются частью души, они, видимо, имеют своё собственное сознание и в действительности, возможно, служат в качестве моста между людским индивидуальным сознанием и теми из богов или богинь, к которым индивидуальная душа всего ближе.

Многие семьи имеют спутника рода (англ. *kin-fetch*), который является в образе высокой женщины в броне как в «Саге о Хальфреде Трудном Скальде» и в «Саге о Глуме-Убийце». Это существо обычно посещает главу семейства перед его смертью, когда настает время уйти к следующему члену семьи, которого она сочтёт достойным. Если этот человек не желает принять её (как в «Саге о Хальфреде», где Торвальд отказывается), она продолжает поиски, пока не найдёт кого-либо. Спутник рода может, вероятно, мыслиться как специализированный тип идис; Х.Р. Эллис приводит нескольких примеров таких женщин, предупреждающих своих потомков или предсказывающих их смерти (Х. Р. Эллис, «Дорога в Хель»¹⁹).

Другая форма родовой души, как кажется, воплощена в мече. Самым известным клинком такого типа является меч Вельсунгов, который Один вонзил в ствол родового дерева²⁰. Когда Сигмунд извлекает его, он принимает свое наследие как праправнук Одина; когда его посмертный сын Сигурд перековывает разбитый клинок, он тем вводит себя полностью в род, из которого выжил он один. Подобное же действие выполнено Хервёр, родившейся после смерти отца дочерью Ангантюра, в «Саге о Хервёр и Хейдрекке», когда она требует меч предков Тюрвинг из кургана своего отца. Как обсуждают Х.Р. Эллис в «Дороге в Хель» и Стивен Флауерс в «Сигурд: возрождение и инициация»²¹, вера в душу рода тесно связана с германской верой в возрождение. Герой Одина Старкад, например, был рожден с отметинами на теле там, где Тор оторвал дополнительные руки (сверх людских двух) его деду, Старкаду-великану²². Младший Старкад несомненным образом унаследовал от предка *hamr* вместе с его именем (и не прекращающейся враждебностью Тора). Аналогичный случай мы видим в «Саге о Торде Пугало», где посмертный сын Торда получает отцовское имя, и имеет шрам на левой руке там, куда был ранен его отец.

Удача-*hamingja*, *aldr* (век жизни), и связанные с ними элементы также возрождаются в семье. Остаются некоторые вопросы, например, возрождается ли индивидуальное сознание (через наследование или имянаречение) или нет: хотя поэмы о Хельги, кажется, намекают, что так может быть, ведь его собственная вещая идис возродилась вместе с ним, а вещая идис или вещей альв, пусть и являются отдельными аспектами души, похоже, очень тесно связаны с осознанием своей индивидуальности. Возрождение также особо тесно связано с имянаречением: Эллис приводит многочисленные примеры, когда умирающий просит назвать ребёнка его именем. В «Саге о людях из Сварвардаля»²³, Торольв

¹⁶ «Сага о Волсунгах», XI, перевод Б. Ярхо

¹⁷ *spádísir* в оригинале саги, *spae-idis* в англо-саксонском учении

¹⁸ англ. *spae-alfs*

¹⁹ H.R. Ellis, *Road to Hel*, p. 131

²⁰ *Barnstokkr*, букв. «Детский Ствол/Балка и т.д.»

²¹ Stephen Flowers, *Sigurðr: Rebirth and Initiation*

²² Ради справедливости надо заметить, что о метках от дополнительных рук Старкад говорит в виле «Саги о Гаутреке» как о людской молве

²³ *Svarfdæla saga*

особо указывает, что он передаст всю свою удачу ребёнку с его именем. Это происходит обычно в пределах семейной линии, и для многих семей и впрямь было характерно использование специфического элемента имени для всех её членов (как, например, для Вэльсунгов: Сигмунд и Сигню или Сиглинда, Сигурд или Сигфрид), что могло бы гарантировать единство души рода. Тем не менее, связь не обязательно должна быть кровнородственной. Ни про одного из троих Хельги не известно, что он приходился другим родичем, но второй (Убийца Хундинга), был названы по первому (Хьёрвардссону), который, в свою очередь, получил своё имя лишь будучи уже взрослым, и в момент, когда находился на кургане. Эллис также упоминает, что, вероятно, существует тесная связь между курганами как местом погребения, обычаем «сидеть на кургане» и возрождением.

Наиболее известное прозаическое упоминание о Северной вере в возрождение содержится в «Саге об Олаве Святом» в «Книге плоского острова»²⁴. В этой саге повествуется как мёртвый Олав Альв Гейрстадира является во сне к человеку по имени Грани (*Hrani*, то же имя, что носил Один в «Саге о Хрольве Жердинке»), велел тому раскопать его, Олава, погребальный курган, отсечь его труп головы и забрать меч, кольцо и пояс из кургана. Пояс следовало обернуть вокруг талии беременной королевы Асты, и сказать ей, что если родится мальчик, его следует назвать Олавом, и именно он должен получить меч и кольцо. Всё это надлежащим образом было исполнено — но, как известно, Олав предпочёл принять христианство и стал не героем Норвегии, а её тираном. Далее в саге о нём рассказывается (раздел 106, озаглавленный «Один приходит к конунгу Олаву с обманом и хитростями»), что Олава посетил Один, который рассказывал ему о древних конунгах и спросил затем, кем бы из них предпочёл быть Олав, будь у него выбор. Олав отвечает, что не хотел бы быть ни кем из язычников, будь то конунг или кто-то ещё, хотя в конечном итоге неохотно признаёт симпатию к Хрольву Жердинке. Когда же он узнаёт Одина, то пытается запустить в него молитвенником. Далее в главе описывается, как конунг проезжает верхом мимо кургана Олава Альва Гейрстадира и один из его спутников спрашивает конунга: «Скажите мне, господин, не были ли вы погребены здесь». Конунг ответил ему: «Моя душа (*önd*) не имела двух тел и не будет их иметь, ни сейчас, ни в день Воскресения. И если бы я сказал иное, не было бы правой веры во мне». Затем его спутник говорит: «Люди рассказывали, что вы приходили сюда прежде и сказали так: “Здесь мы были и здесь мы проезжали”». Конунг ответил: «Я никогда не говорил этого и я никогда не скажу этого». Конунг был сильно потрясён в душе (букв. «в своих мыслях», *i hugnum*), пришпорил лошадь и помчался как можно быстрее прочь от этого места. Как комментирует Х.Р.Эллис, «Здесь вера в возрождение кажется ясно выраженной, тем более убедительно благодаря последовавшему решительному отрицанию конунга-христианина» («Дорога в Хель»²⁵). К этому можно добавить, что кажется очевидным, что Один прилагал усилия, чтобы Олав осознал источник своей души и пробудил своё «пра-мышление» или наследственную память — и отказ конунга богу является частью его же реакции у кургана его предшественника.

Походит на то, что все различные аспекты души имеют потенциал для того, чтобы возродиться, вместе или по отдельности. Однако, есть много вариантов того, что может произойти с душой и помимо возрождения. Некоторые люди продолжают жить в курганах либо как (обычно) благие альвы (исл. *alfar*) либо как зловещие драуги (*draugar*, ходячие мертвецы). Мёртвые курганов (или, зачастую, немёртвые) особенно видятся как остающиеся в своих телах в могиле; германская связь между телом и душой значительно сильнее, чем в авраамических религиях. Эллис также приводит цитаты о нескольких семьях, которые верили что их родичи умирая, уходят в некие священные горы, примерами могут служить род Торольва Бородача с Мостра, колдуна Свана и матери-главы семьи Ауд²⁶. Жизнь в кургане или холме кажется не слишком плохой: «Сага о людях с Песчаного Берега» описывает, как после того, как сын Торольва Торстейн утонул, гора раскрылась и внутри был большой пир, на котором Торстейна приветствовали его родичи. После смерти Гуннара с Конца Склона его видели лежащим в кургане, внутри которого сияли огни, и выглядел он бодрым и весёлым, поющем и произносящим стихи («Сага о Ньяле», гл. 78)). Приношение предметов, еды и питья в могилу для умерших — не прерывавшаяся традиция от наидревнейших времён до конца эпохи викингов — также подтверждает мысль, что они мыслились как живущие в кургане. Часто умершим атлингам-благородным давались в

²⁴ *Óláfs saga ins helga, Flateyjarbók*

²⁵ *Road to Hel*, p. 139

²⁶ *Road to Hel*, p. 87-89

сопровождающие мужчины-рабы, как это видно из парных захоронений в Стенгаде (*Stengade*, Дания) и Лейре (*Lejre*, Дания) или служанки-женщины, как было в Осебергском погребении — но ушедшие не всегда ценили это. «Книга о занятии земли» рассказывает, что человек по имени Асмунд лежал в своём кургане с рабом, покончившим с собой, чтобы уйти с господином, но позже слышали (или он явился с этими словами во сне своей жене), громкую жалобу на тесноту, так что курган открыли и раба убрали²⁷.

Королевские курганы Старой Уппсалы, создание которых датируется периодом с V по середину VI вв. Погребальные костры разжигались на глиняном основании, умерших конунгов сжигали в деревянном доме с рабами и вещами. После сожжения кости собирали, мыли и клали в урну, устанавливаемую на месте костра, сверху же ставили каменный каурн, уже в свою очередь обложенные землёй и дёрном.

Однако также существует твёрдое убеждение, что душа путешествует между мирами. Эллис связывает эти двойственные представления с двойственными практиками погребения — в кургане и с сожжением, эта точка зрения подкрепляется словами Ибн-Фадлана, который рассказывает, что некий рус объяснил ему, что они сжигают тела соплеменников, чтобы умершие вошли «в рай немедленно и тотчас», и добавляет, что ветер подувший, раздувая огонь под погребальным кораблём, был послан «по любви его господина к нему», чтобы забрать умершего²⁸. Сожжение, несомненно, было очень важной практикой для наших предшественников, как показывают и легендарные примеры Бальдра, Сигурда и Брюнхильд, Беовульфа и Сигурда Кольцо, и археологические свидетельства (например, тела конунгов в больших курганах Старой Уппсалы были сожжены перед погребением). Важность его становится ещё очевиднее, если представить, как сложно было осуществить процесс кремации: чтобы сжечь плоть до костей требуется значительное количество топлива, времени и усилий (Барбер, «Вампиры, похороны и смерть»²⁹), но наши предшественники, кажется, полагали, что сжигать мёртвых стоит затраченных усилий. Частично эта практика ведёт своё происхождение от страха перед ходячими мертвецами, и только тела друзей сжигают в сагах об исландцах — хотя даже их пепел может доставить неприятности: согласно «Саге о людях с Песчаного Берега», когда Торольв Скрюченная Нога был сожжен, корова слизала пепел и затем принесла телёнка, который вырос в быка-убийцу людей. Тем не менее, другие упомянутые источники показывают, что сожжение могло быть обрядом огромного уважения. Снорри рассказывает нам в «Саге об Инглингах», что практика кремации была введена Одинем, и таким образом особо связана с культом этого бога. Популярное представление о «корабельном погребении викингов», когда горящий корабль отправляется по волнам, в действительности появляется только в описании похорон Бальдра в прозаической «Эдде», зато Ибн-Фадлан сообщает нам, что сожжение погребального судна было выполнено на суше. Мы знаем мужскую викингскую могилу во Франции, могилу с парной кремацией, также демонстрирующую, что

²⁷ в русском переводе «Книга о занятии земли», ч.1, гл.27. Но причина в вине Асмунда озвучена иная: «Не переполнен конь деревянный искусными в битве. Но лучше мне быть совсем одному, чем с Трэля отродьем;», перевод висы *Asterix*

²⁸ «"Записка" о путешествии на Волгу» Ахмеда Ибн-Фадлана, перевод А.П.Ковалевского

²⁹ *Barber, Vampires, Burial, and Death*, pp. 76-8

тела были кремированы на корабле, так как и погребальный инвентарь, и судно были сильно обожжены (Рэсдадь и Вилсон, «От викингов к крестоносцам»³⁰). Некоторые усилия нередко прикладывались, что бы быть уверенным, что корабль не вернётся из мира мёртвых: судно из Осебергского погребения было пришвартовано к большому камню, и подобная практика была описана в «Саге о Гисли сыне Кислого».

Вверху: раскопки воинского погребения с мечами с острова Саарема (первая половина VIIIв.) Видны бирки археологов. Внизу: положение умерших на передней части погребального судна отмечено стрелкой. Судя по всему, убитых во время похода похоронили сразу после боя. Источник – статья A. Curry. The First Vikings.

Смерть иногда воспринималась как путешествие в буквальном смысле: «Песнь о смерти» Беда³¹ описывает этот процесс как «вынужденное путешествие»; древнесеверное выражение, обозначающее мертвую родню, звучало как *framgengina frænda* (родичи, которые ушли перед (нами)), и современное немецкое слово для обозначения предков — *Vorfahren*³² (Гундарсон, «Тевтонская религия»³³). Тем не менее, путешествие между мирами и погребение в кургане не исключали друг друга, как не исключали друг друга путешествие между мирами и возрождение. Как уже сказано, многие умершие были положены в курган с вещами, нужными им, чтобы достичь следующего мира (корабли, лошади, повозки). История Хельги Убийцы Хундинга предлагает нам редкий пример того, кто проходит через все три стадии: положенный несожжённым в курган, он скачет в Валхаллу, но возвращается обратно к своему телу, чтобы провести последнюю ночь со своей невестой Сигрун; после чего он уже не возвращается из Валхаллы, пока она жива, но оба они рождаются снова как Хельги Хаддингяскати и его возлюбленная Кара. Гуннар с Конца Склона («Сага о Ньяле») также может быть одним из тех, кто путешествовал между курганом и Обителью Богов: хотя Гуннар произносит вису из своего кургана, когда его сын Хёгни берёт его копьё с намерением отомстить за отца, он говорит, что хочет отдать его отцу в Валхалле, что бы Гуннар владел им там. Так же возможно, что некоторые скалы или горы, как например Святая Гора (*Helgafell*) из «Саги о людях с Песчаного Берега», мыслились не только как жилища, где умершие продолжают обитать, в некотором смысле, на этой земле, но так же и как врата перехода в миры богов и богинь. На это намекает описание в «Саге об Инглингах» того, как конунг Свейгдир, разыскивая Одина и Валхаллу, вошёл в камень карлика-дверга и более его уже никто не видел; и Турвиль-Петер (*Turville-Petre*), действительно, предполагает, что слово *Valhöll* могло изначально происходить не от *Val-höll* («Зал убитых»), но от *Val-hallr* («Скала убитых»).

Наиболее распространённым средством, при помощи которого наши предшественники путешествовали между мирами после смерти, был корабль: как сказано в разделе «Девять миров: их формирование и конец» (*The Nine Worlds: Their Shaping and Ends*), границы между мирами обычно виделись как моря и великие реки. Прозаический отрывок «Эдды» под названием «О смерти Синфьотли» описывает, как Сигмунд нёс тело своего умершего сына «и пришел к некоему узкому и длинному фьорду, и там была небольшая ладья и на ней какой-то человек. Он предложил Сигмунду перевезти его через фьорд. И когда Сигмунд внёс труп на ладью, она стала нагруженной полностью. Человек сказал Сигмунду, чтобы тот ехал внутрь фьорда. Человек оттолкнул ладью и сразу же исчез»³⁴. Перевозчиком был, несомненно, Водан, который появляется в более светлом настроении, также в качестве перевозчика между мирами в «Песне о Харбарде».

³⁰ Roesdahl and Wilson, *From Viking to Crusader*, p. 322

³¹ Bede, *Death-Song*

³² с немецкого *Vor+fahren*: «перед»+«идти», пред-шественники

³³ Gundarsson, *Teutonic Religion*, ch. 8

³⁴ пер. А. Корсуна

Один из «каменных кораблей» Готланда, всего их на острове ок. 350. Самым крупным является «корабль» с западного побережья Готланда в Ганнарве: его длина составляет 29 м. В высоту используемые камни таких построек редко превышают 1,5 м. Встречаются в Балтийском ареале в Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии, редко на побережьях Прибалтики, России и Северной Германии. Самые большие и древние найдены в южных провинциях Скандинавии. Ориентация «кораблей» варьируется, но часто они ориентированы с севера на юг.

На носу и/или корме обычно установлены более крупные камни, что ещё более усиливает сходство с реальными ладьями. Некоторые датские «корабли» несут на носу рунические камни. Датируются от 1000—500 гг. до н. э. и до конца эпохи викингов.

Древнейшая разновидность «погребального судна» в Скандинавии датируется периодом между концом Бронзового века и началом Железного и имела место на Готланде, где умершие захоранивались в могилах, отмечавшихся сверху стоячими камнями в форме судов. Величайшие могильные клады эпохи Переселения народов и эпохи викингов были найдены в погребениях с кораблями: захоронения в Саттон-Ху (*Sutton Hoo, Саффолк, Англия*), относящиеся к Вендельской эпохе, погребения Осеберга и Гокстада — все эти умершие правители были положены в свои корабли, как и описывалось в литературных источниках. В старейшей из Вендельских могил, единственной из погребений Вендельского периода, где был найден полный скелет умершего, вождь был «усажен в полном воинском облачении за рулём своего судна вместе с лошадью рядом с ним» (Эллис, «Дорога в Хель»³⁵) — показывая, что он был не «положен отдыхать», но подготовлен для ожидающего его путешествия. Погребальное судно также описывается в «Саге о Гисле сыне Кислого», «Саге о Хёрде и островитянах» и «Книге о занятии земли». Многие из резных³⁶ камней Готланда с V в. и по X в., несут изображение плывущего корабля; некоторые из них могут быть путешествиями легендарных героев (такие как на камне *Hamars I*, изображение которого часто интерпретируют как сцену из истории Хёгни и Хильдр), но другие явно являются путешествиями умерших.

Камень из Санда

³⁵ Ellis, *Road to Hel*, p. 16

³⁶ Также называемых «картинными» и даже «рисованными» в русской литературе

Самый ранний из них — камень из Санда (*Sanda*), датируется промежутком ок. 400-600 гг. н.э., на нём присутствует солнцеподобный знак сверху, два змея, обвивающихся вокруг сфер, ограждающих восьмилучевые вихри-спирали и под ними грубое древообразное изображение посередине — и ещё ниже другой дракон над кораблём (Э.Нилен, Я.-П. Ламм, «Камни, корабли и символы»³⁷). Вероятно, что это изображение показывает людей на корабле путешествующими по водам в Подземный Мир. Более известные камни из *Tjängvide II* и *Ardre VIII* (ок. 700-800), демонстрируют вместе с тем и изображения со сценами, показывающими фигуру, которая, вероятно, будет увековеченным умершим, скачущим на Слейпнире в гостеприимно ожидающую Валхаллу. Это предполагает, что «готландец, который резал камни, представлял дорогу в Валхаллу как дорогу домой. Сперва следовало путешествовать широкими морями до дальнего берега, где умершего ожидал конь, конь с большого хутора или близлежащего господского дома, и затем его приветствовали с наполненным мёдом рогом» («Камни, корабли и символы»³⁸). Корни такого представления могут тянуться в Бронзовый век; вполне возможно, что некоторые из многочисленных кораблей на скалах с петроглифами в Скандинавии являются погребальными кораблями так же, как и процессиями плодородия.

Наши предшественники кроме между мирами на лошади или, реже, в повозке. Коней в могилах: иногда они появляются явно в качестве статуса умершего, как ценное имущество (когда их захоронениях с кораблём, таких как в Венделе), а в Одноруком и Асмунде Убийце берсерков»³⁹ конь в лишь доброй едой для прожорливого друга Арана; возможно, что во многих случаях лошадь могла средство перемещения мёртвого в Другой Мир. В несомненно, это один из самых обычных способов между мирами. Хермод должен позаимствовать Одина, чтобы спуститься в Хель и отыскать Бальдра; Ётунхейма и проскакать через пламя, окружающее Скирниру нужна лошадь Фрейра; и только Грани может пересечь огонь, что окружает Брюнхильд в «Саге о Вэльсунгах». Путь сквозь облака в и из Валхаллы тоже обычно преодолевают верхом. В «Речах Хакона» валькирии Гёндюль и Скёгуль скачут забрать конунга Хакона и говорят с ним, уже мёртвым, с «конских спин»⁴⁰; Скёгуль затем замечает, что «мы поскачем... в зеленые обители богов»⁴¹. «Вторая Песнь о Хельги Убийце Хундинга» показывает мёртвого Хельги, что возвращается из Валхаллы провести последнюю ночь со своей невестой; когда наступает рассвет он говорит: «Ехать пора мне по алой дороге, на бледном коне по воздушной тропе; путь мой направлю на запад от неба, прежде чем Сальгофнир героев разбудит»⁴². В «Саге о Стурлунгах» Гудрун дочь Гьюки⁴³ скачет из «Мира (или Обители) Мёртвых» на сером коне, чтобы рассказать о грядущих бедствиях. Саксон Грамматик описывает, как Один прикрывает Хаддинга плащом и уносит его вдаль на лошади; Хаддинг лишь раз бросает взгляд вниз и видит под собою океан.

Изображение на камне *Tjängvide II*

того путешествовали очень часто находят всего лишь знака находят в «Саге об Эгиле кургане служит но также вполне рассматриваться как литературе же, путешествовать Слейпнира, коня чтобы достичь палаты Герд,

³⁷ Nýlen, Erik; Jan-Peder Lamm. *Stones, Ships, and Symbols*, p. 29

³⁸ *Stones, Ships, and Symbols*, p. 70

³⁹ *Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana*

⁴⁰ *Hákonarmál*, строфа 11, подстрочник

⁴¹ *Hákonarmál*, строфа 13, подстрочник

⁴² *Helgakviða Hundingsbana önnur*, строфа 49, пер. А. Корсуна

⁴³ *Gúðrún Gjúkadóttir*, супруга Сигурда Вэльсунга, которая, согласно саге, неоднократно являлась в вещих снах к Йорейд из Срединной Долины

Один из резных камней Готланда, *Lärbro Tängelgårda I*, делает акцент на лошади как животном смерти. Первая сцена показывает битву, в которой всадник падает со своего коня и лежит мёртвым. Вторую сцену С. Линдквист читает как похороны: живые возвращаются назад и уходят с мечами, опущенными вниз, в то время как конь уносит умершего прочь от них. Этот конь имеет по две пересекающихся косыми крестами линии между ногами. Линдквист высказывает предположение, что лошадь может быть мёртвой, и её поддерживают подпорками, но предпочитает объяснение, что «два креста представляют собой “стоячую изгородь”, т.е. одну из примечательных, особо прочных кладбищенских оград, сработанных почти как укрепления, которые долгое время были обычными на Готланде... В этом случае лошадь была бы живой, соответствующей лошадям в церемониальной похоронной процессии позднейшего времени, (её голова была бы) покрыта ... чтобы глаза не могли сглазить живых, пока она несёт умершего через ограждение, что отделяет мир мёртвых от мира живых («Готландские резные камни»⁴⁴).

Камень *Lärbro Tängelgårda I*

Представление о лошади, несущей смерть одним своим появлением, встречается в позднейших Норвежских народных рассказах о Чёрной Смерти. Есть даже мелодия, *Førnes Brown*, опирающаяся на историю, согласно которой так мало людей осталось в городе Мёстранна (*Mösstrånna*), что некому было вывести лошадь с церковного погоста, так что могильщики приладили ей на ноги снегоступы и пустили саму по себе, и лошадь эта всё время возвращалась на кладбище, и должна была выходить вновь и вновь, чтобы привозить новых умерших (Квиделанд и Семсдорф⁴⁵). Но один снегоступ потерялся, и лошадь захромала, хромота эта и слышится в мелодии.

История о привозящей трупы лошади не слишком реалистична (среди прочих вопросов: как она узнавала, кто уже умер, и как тела выносились из дому и загружались на сани?); лошадь, которая знает, куда отправится, чтобы найти умершего и путь, которым должна везти его, вероятно, возвращает нас к языческим представлениям. Возможно, именно из-за связи с путешествиями между мирами, лошадь часто представляли как животное смерти. Существо, называемое *helhest*⁴⁶ появляется в Скандинавском фольклоре; это трёхногая лошадь, которая с шумом бродит по церковному кладбищу и привозит мертвецов — хромая подобно лошади из *Førnes Brown*. Гримм приводит датский рассказ о том, что первой на каждом новом церковном погосте хоронили живую лошадь и что её дух и становился могильной лошадию («Гевтонская мифология» II⁴⁷). Дикая Охота почти целиком состоит из конных духов, и традиционная североевропейская лошадка-Хобби часто имеет голову в виде черепа⁴⁸. Хель сама иногда едет на трёхногой белой лошади, или даже является в виде кобылицы; её именование-титул *jódis*, «конь+диса», часто мыслится как свидетельство связи лошади с культом мертвых (хотя эта точка зрения всё же принята не всеми академическими учёными); и когда человек выздоравливал после серьёзной болезни, о нём говорили, что он дал Смерти бушель овса (А. Карлсдоттир, «Леди Смерть»⁴⁹). Это также может быть связано с фольклорной практикой оставлять последний снопок коню Водана, хотя, несомненно, тут целью было также способствовать плодородию. В любом случае, эти связанные с лошадью верования могут объяснить, почему лошадь считается особо священным животным. Как создание, которое способно легче всего проходить между мирами, она могла хорошо переносить силы богов и богинь и/или передавать их мудрость в Мидгард; в качестве жертвы она лучше всего могла б

⁴⁴ Sune Lindqvist, *Gotlands Bildsteine, I*, p. 99

⁴⁵ Kvideland, Reimund; Henning K. Sehnsdorf (eds.). *Scandinavian Folk Belief and Legend* (Oslo: Norwegian University Press, 1991), p. 349

⁴⁶ Исл. *helhest* — «лошадь Хель/могильная лошадь», иногда в переводах — кладбищенская кобыла

⁴⁷ Jacob; James Stallybrass (tr.), *Teutonic Mythology, II*, p. 844

⁴⁸ вероятно, автор подразумевал под *hobby-horse* персонажа традиционной пантомимы, ряженого в маску лошади до половины туловища, а не широко распространённую детскую игрушку в виде лошадиной головы на палке

⁴⁹ *Karlsdóttir, The Lady Death*, p. 5; см также Grimm, II, pp. 844-45

переносить желания и нужды народа, чтобы они были услышаны в Другом Мире — и помещённая в могилу, лошадь могла таким же образом перенести умершего в Мир Богов или Хельхейм.

Обычная картина германской загробной жизни, оставленная нам Снорри в его «Эдде» и перешедшая в популярные представления, включает убитых воинов, отправляющихся в Валхаллу, в то время как все остальные спускаются в холодное и мрачное царство Хель. Это, кажется, один из нескольких путей по убеждениям наших предшественников: веру в посмертную жизнь в кургане или скале мы уже обсудили в подробностях; кроме того, есть многочисленные чертоги богов, куда люди могут попасть даже согласно «Эдде» Снорри, в которой он говорит, что девушка отправляются после смерти к Гевьон.

Самое крупное царство смерти, Хельхейм, не мыслилось, вероятно, совсем уж плохим. Как пишет Алиса Карлсдоттир, стиль поэтической персонификации (с такими именами, как Голод для еды Хель, Истощение для её ножа, Напасть — для решётки, падающей на порог, Одр Болезни — для постели) является столь поздним и столь христианизированным (напоминая «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну»⁵⁰ или старые средневековые пьесы-моралите наподобие «Призыв ко Всякому»⁵¹), что само описание кажется почти полностью окрашенным христианской философией и потребностью иметь антитезу Валхалле (Небеса и Ад, получается?)... Кроме приглашенных малозначимых персонификаций Снорри есть описания Хельхейма из «Снов Бальдра» и рассказ о путешествии Хермода того же Снорри, которые показывают палаты Хель украшенными и уставленными мёдом, чтобы встретить Бальдра, мало отличаясь в этом от подготовки ко встрече прибывающих в Валхаллу.

Фактически, описание, в котором скамьи Хель устланы кольцами, помост красиво убран золотом, и поставлен мёд, а щиты укрывают драгоценный напиток в преддверии прибытия Бальдра, очень похоже на описание в «Речах Эйрика» того, как Одину снится, что велел он «покрыть лавки соломой, чаши вымыть, валькириям вино принести, когда явится князь», готовясь к прибытию Эйрика. В разделе «Валхалла» своего «Словаря поэтической Эдды» Неккель⁵² перечисляет ещё несколько параллелей между Валхаллой и Хельхеймом: оба места отделены реками, которые надо пересечь, подобно «водам смерти многих разных народов»; оба имеют врата со зловещими названиями (в Валхалле *Valgrindr* — «врата убитых»; в Хельхейме *Helgrindr* — «врата Хель/Смерти» и *Nágrindr* — «врата трупов»); и оба имеют мосты, которые гремят, когда по ним проходят герои. Неккель завершает предположением, что изначально существовал единый край смерти, но что «Речи Гримнира» ... поднимают территории смерти в небеса»⁵³; и весьма вероятно, что изначально было общее восприятие ландшафта Мира Мёртвых, которое позднее разделилось на палаты Хель и Водана, двух божеств, что более всего имели дело со смертью.

Даже различие между смертью в битве и другими способами смерти начинает вызывать сомнения, если прочесть источники внимательнее. Подобно Водану и Фрове⁵⁴ Хелла⁵⁵ согласно «Перечню Инглингов» также выбирает своих умерших — что, вероятно, означает, что она определяет, кто должен умереть. Убитые в бою могут быть посланы в гости к Одину, как прямо указывается несколько раз в главе о битве на острове Самсей «Саги о Хервёр и Хейдрике» — или же отправлены в Хель. Синфьётли, умерший от яда, взят в Валхаллу Одним, как и, согласно поэме Эгиля «Утрата сыновей», сыновья Эгиля Скаллаgrimссона — хотя один из них умер от лихорадки, а второй утонул. При этом Сигурд и Бальдр оба погибли от оружия и оба попали в Хельхейм, как случилось со многими, сражёнными мечом (интересно, что английскому *edge-mown* («сражённый мечом») созвучно и имеет тот же смысл в древнесеверном *Eggmóinn*, имя карлика-дверга в туле⁵⁶). Так как Сигурд считается величайшим из героев, разница между умершими Валхаллы и Фолькванга и умершими Хель также не может быть вопросом исключительно наилучшего пребывания в горних мирах.

⁵⁰ John Bunyan, *The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come*, букв. «Движение Пилигрима из этого мира в грядущий мир», аллегория писателя и проповедника Дж. Буньяна, завершена в 1684г.

⁵¹ *The Summoning of Everyman*, часто *Everyman* — английская аллегорическая пьеса-моралите, возникла в конце XVв.

⁵² Neckel, Gustav; Hans Kühn, *Glossary to the Poetic Edda*

⁵³ *Glossary to the Poetic Edda*, p.51 и след.

⁵⁴ Frowe, имя Фрейи в англосаксонском Троте

⁵⁵ Hella, имя Хель в англосаксонском Троте

⁵⁶ ON *pula*, поэтический перечень

Наиболее существенный момент, в котором царство Хель отличается от Валхаллы — это то, что её владения выглядят довольно тихим местом, где умершие отдыхают от жизненных трудов. Термины для смерти, такие как *hvilask í helju* («отдохнуть в Хель») и *placidae sedes* («тихие дома») Саксона Грамматика, подтверждают это. Возможно, это показалось бы пыткой искателю приключений или профессиональному воину, но, несомненно, некоторые рассматривали бы идею малого мира и покоя не обязательно как плохую. Есть также упоминания в мифах и сагах, которые, как кажется, указывают, что Хель иногда принимает некоторых из наиболее примечательных своих гостей в «объятиях» (в самом деле, что Бальдр делает там внизу, вообще-то?). Саксон упоминает сон Бальдра про объятия «Персефоны», и в «Саге о названных братьях», Торгейр предупреждает Торбранда о вешем сне, который у него был: «и Хель, твоя хозяйка (*húsfreyja*), раскроет тебе свои объятия»⁵⁷.

В Валхалле, тем не менее, как мы знаем, эйнхерии (*einherjar*) убивают друг друга каждый день, и затем совместно пируют по-дружески каждую ночь. Палаты эти хорошо описаны в «Речах Гримнира»: стропилами служат копыя, на скамьях лежат кольчуги, крыша покрыта щитами. Волк висит перед западной дверью, и орёл низко парит над ней. Валхалла имеет более пятисот дверей (если «сотня» строфы 24 — «короткая» сотня в десятичном исчислении) или более шестисот сорока (если которых идет о «длинной» сотне в двенадцатиричной системе, т.е. о ста двадцати)⁵⁸, из которых восемьсот (или девятьсот шестьдесят) эйнхериев выйдут сражаться в Рагнарёк. На чертоге стоит коза по имени Хейдрун, которая ошипывает листву Мирового Древа, и мёд из её вымени наполняет котёл; олень, зовущийся Эйтюрнир (*Eikþyrnir*, С Дубовыми Кончиками Рогов), стоит рядом с нею, и сияющие капли с его рогов падают вниз в Хвергельмир (*Hvergelmir*, Кипящий Котёл). Есть в Валхалле повар по имени Андхримнир (*Andhrímnir*, Закопчённый/Покрытый сажей, также хейти орла), котёл Эльдхримнир (*Eldhrímnir*, Огне-закопчённый/Покрытый сажей), и вебрь, чьё мясо варится каждый день в этом котле, и который каждый вечер оживает, имя его Сэхримнир (*Sæhrímnir*, Море-закопчённый). Валькирии подносят пиво эйнхериям здесь на ночных пирах, и вполне может быть, что исцеляют их снова и снова после дневных битв.

Кроме Валхаллы, в перечень обитателей, названных в источниках, входят палаты Гевьон («Эдда» Снорри, что обсуждалось выше), Фрове (см. главу «Фрове») и Тонара⁵⁹. В «Песне о Харбарде» старый перевозчик говорит, что «у Одина — ярлы, павшие в битвах, у Тора — рабы», на что Тор, несколько обиженно, отвечает: «Неравно бы ты людей разделил, если властью владел бы»⁶⁰. Трудно предположить, что дело обстоит не так, как Харбард установил — несомненно, никто другой, даже Локи, рискнул бы сказать в лицо Тору, что тот был покровителем рабов! Поскольку все боги и богини имеют свои собственные чертоги, и своих собственных любимых друзей в Мидгарде, как правило, в Троте верят, что те, кто не остался в кургане или скале, отправляются в палаты того божества, которое ближе всего их собственным душам.

Вероятно, наиболее важным элементом в германских представлениях о загробной жизни, тем не менее, было единство рода. В «Житии Вульфрама»⁶¹ упоминается попытка обращения в христианство короля Фризии Радбода (*Radbod*). Король перед самой крестильной купелью спрашивает, что ожидает его предков. Христианский миссионер отвечает, что они, несомненно, в аду, после чего Радбод, шокированный идеей оказаться разлученным с родственниками в этой жизни или следующей, отказывается от крещения, объяснив, что он не может обходиться без товарищества всех тех, кто правил фризами до него. В Скандинавских источниках мы встречаем не только Святую Гору, *Helgafell*, но

⁵⁷ *Fostbroedra saga*, ч. 4, пер. А.Циммерлинга

⁵⁸ В русском переводе А. Корсуна «пять сотен дверей и сорок ещё в Валгалле...», но в оригинале *ok umb fjórum tögum*, т.е. «и больше четырёх десятков»

⁵⁹ Тонар (*Thonar*) — имя Тора в англо-саксонском Троте

⁶⁰ *Hárbarðsljóð*, 24-25, пер. А. Корсуна

⁶¹ *Vita Wulframí*. Вульфрам принадлежал в семье, связанной с Меровингами, стал ок. 690г. епископом в Сэнсе, позже вёл миссионерскую работу во Фризии, ум. ок. 700г., именно от его крещения, по одной из версий, отказался вождь Фризов Радборд, правивший в период 680-719гг. По другой версии неудачно окрестить боровшегося с франками вождя пытался епископ Виллиброд

также утверждение Эгиля в «Утрате сыновей», что его умерший сын ушёл «посетить свою родню»⁶², и слова умирающего Сигмунда в «Саге о Вэльсунгах»: «отойду я теперь к родичам нашим ушедшим»⁶³.

Вид на Святую Гору, почитавшуюся Торольвом Бородачём с Мостра

Поскольку целое разделяется на свои части после смерти, такое утверждение верно в нескольких смыслах. Сознание, кажется, будет той частью, который путешествует между мирами в Обитель Богов или в Хельхейм, или, иначе, обитает в семейной скале или кургане (когда достаточное число других элементов души, таких, как например, *hamingja*, *hamr*, сила и мощь, и так далее, остаются с телом после смерти, в результате получается драуг, это происходит чаще всего в случаях внезапной насильственной смерти, особенно если смерть была вызвана магией или немертвым; когда умерший творил магию или был берсерком; или когда умерший был сильным, непреклонным, и/или воистину невыносимым

человеком при жизни). Многие другие элементы отправляются «воссоединиться с роднёй» буквально, или соединяясь с силою живущих, или путём возрождения в семье. Даже когда умершие находятся в Ином Мире, они не отрекаются от живых в своём роду, подобно тому, как живые беседуют и разделяют свои праздники с умершими. Некоторые удивляются, как убеждённость в этом может сочетаться с верой в различные обители и миры, в которые люди отправляются после смерти: ответ может, вероятно, можно найти в словах валькирии Скёгуль, когда она говорит о «зеленых мирах богов» в «Речах Хакона»⁶⁴. Мир Богов несомненно, на самом деле очень обширная область, которая граничит с (и даже, кажется, частично включает) многие другие края, в том числе Альвхейм, Ётунхейм, Мидгард и Хель. Нет причины думать, что умершие привязаны к одному только месту или миру: на самом деле примеры Хельги и Гуннара показывают нам, что это не так. Скорее, различные люди могут иметь свои предпочитаемые места обитания, но все члены рода, боги и богини, а также люди, живущие и умершие, объединяются в час нужды и в священные периоды года, которые связуют нас вместе.

Северные язычники (и другие германские народы) не делали такой акцент на загробной жизни, как христиане, и это объясняет, почему их представления о посмертном существовании были столь многообразны и разрозненны. У них также не было страха смерти и наказания, подобных тем, что обрели последующие поколения под влиянием христианства. Изображение смерти как демонической фигуры (будь то Хелла или Водан, оба были демонизированы в этой роли христианством), весьма вероятно, является результатом позднейшего развития этого образа. Но если мы не можем принять смерть, мы не можем принять жизнь, ибо рождение и смерть являются циклом, который повторяется во всей природе. Хотя никого ни в каком смысле не привлекает смерть, когда она является в своей подающей надежду форме, мы не должны бояться встретить её объятия.

⁶² *Sonatorrek*, 18. В оригинале *kynnis leita* — родню искать. В переводе С.Петрова: «Чажо наше ввысь умчалось, в чертог воздушный к душам родным»

⁶³ «Сага о Волсунгах», 12 в пер. Б. Ярхо

⁶⁴ *Hákonarmál*, 13. В оригинале *...græna heima goða...*, т.е. речь о зеленых «мирах» или «местах обитания, обителях» богов

О погребальном обряде Северной Традиции

Автор Esgal

Благодарю активных участников обсуждения
и отдельно Традис.

Путь любого существа по Земле конечен, и в разных культурах сложились различные способы сопровождения человека в его последнем переходе, опирающиеся на мироописание этих культур. Но можно сказать точно, что нет ни одной общности людей, имеющих статус «разумные», в которой не существовали бы правила (ритуалы), регламентирующие процесс окончательного ухода человека с Земли и описывающие действия и процедуры этого процесса. Видимо, наличие понятия о танатосфере является одним из необходимых признаков «человека разумного», хотя зачатки погребального обряда обнаруживают уже в захоронениях неандертальцев.

В разные времена на разных территориях и в разных культурах набор процедур неизбежно окажется различным. Однако на близко расположенных землях ритуалы нередко имели пересекающиеся элементы, что неудивительно — они обязаны отражать особенности переправы в миры мёртвых из конкретной этой земли. Из дошедшей до нас информации, относящейся к Северо-Западному региону Европы, можно почерпнуть нижеследующее.

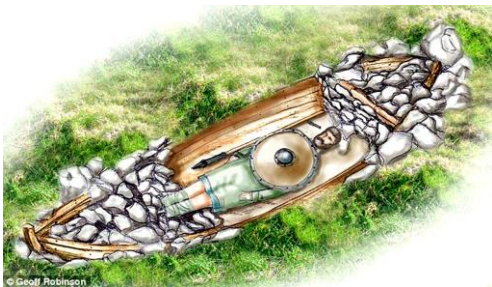
1. Вид похорон.

Использовались как кремация (сжигали труп и/или хоронили горшок с пеплом) так и ингумация. (погребение тела в земле) Исторически последовательность менялась в разных землях в разную сторону, где-то предшествовала кремация, где-то наоборот, где-то параллельно, впоследствии при христианстве все пришли к ингумации.

Сведения о кремации можно почерпнуть уже из текстов Младшей Эдды, из рассказа о похоронах Бальдра:

«Асы же подняли тело Бальдра и перенесли к морю. Хрингхорни(а) звалась ладья Бальдра, что всех кораблей больше. Боги хотели спустить ее в море и зажечь на ней погребальной костер. Потом тело Бальдра перенесли на ладью, и лишь увидела это жена его Наина, дочь Цеп, у нее разорвалось от горя сердце, и она умерла. Ее положили на костер и зажгли его. Тор встал рядом и освятил костер молотом Мьелльнир. А у ног его пробежал некий карлик по имени Лит,(а) и Тор пихнул его ногою в костер, и он сгорел. Множество разного народу сошлось у костра. Один положил на костер золотое кольцо Драупнир. Коня Бальдра взвели на костер во всей сбруе».

Оттуда же можно извлечь некоторые из особенностей погребального обряда, в частности захоронение на собственном корабле, совместное захоронение жены с мужем, огненное погребение, освящение погребального костра Молотом Тора, принесение жертв и даров умершему.

Реконструкция языческого захоронения, использованная при описании погребения викинга на рубеже первого тысячелетия в Хайланде (Ardnaturchan, Шотландия). Воин был погребён в лодке длиной 17 футов (ок. 5,5 м), однако в реальности рядом с ним вместо копья и щита найдены меч, топор и бронзовый рог для питья.

Об ингумации рассказывает, например, Сага об Эгиле:

«Они вырыли могилу и опустили туда Торольва со всем его оружием и одеждой. Прежде чем расстаться с ним Эгиль надел ему на обе руки по золотому запястью. Потом на могилу положили камни и сверху засыпали землю. Тогда Эгиль сказал вису ...

Опустили гроб (Скаллагрима) в землю а сверху положили камни.

Он положил его на скамью и сделал все, что было надо. Потом он приказал взять ломы и проломил южную стену дома. ...Скаллагрима вынесли через пролом в стене....Эгиль велел насыпать могильный холм на самом мысу. Туда положили Скаллагррима, его оружие, коня, кузнечные орудия. Положили ли с ним его добро, об этом ничего не рассказывают».

2.Снаряжение.

Из указанных же источников можно получить информацию о ритуальном снаряжении, сопровождающем умершего в его путешествии в Чертоги Мёртвых или же мир Хели.

Покойного обряжали в лучшую одежду и украшения. Воина хоронили в доспехах и с оружием. Мастера — с орудиями труда. Также уважаемых людей хоронили с топорами, независимо от пола (видимо, по статусу — хозяин/хозяйка дома). Женщин — обязательно с их украшениями, мужчин — вариативно, но обычно тоже, однако у них украшений меньше.

Довольно подробно об этом рассказывает повествование ибн Фадлана о наблюдении им погребального обряда на территории средней Волги. Впрочем, там неясно об обряде какого конкретно народа ведётся рассказ, возможны вариации. В самой рукописи упоминаются «русы», но за этим словом могут оказаться как славяне, так и скандинавы. У ибн Фадлана представлен пример погребения очень богатого человека, возможно, конунга, поэтому эти сведения следует учитывать, но вряд ли на них можно ориентироваться как на всеобщую практику. Обряд включал сожжение вместе с кораблём, богатые жертвоприношения и дары, насыпь погребального кургана и установку памятного знака (столба). Часть описанного ритуала проводил родственник умершего («*Все сожгли, поджигал ближайший родственник...*»), часть — особая жрица («*И пришла женщина-старуха, которую называют ангел смерти, и разостлала на скамье упомянутые нами выше подстилки. Это она руководит его обшиванием и его (погребения. — Ю.С.) устройством, и она убивает девушек...*»).

В Саге о Гисли упоминается также традиционный атрибут снаряжения умершего - башмаки Хель:

«Вот Гисли готовится со своими людьми к погребенью Вестейна в той песчаной гряде, что расположена вдоль тростникового озера под самым Морским Жильем. И когда Гисли приступил к погребению, подъезжает туда Торгрим и с ним много людей. Когда они завершили обряд над телом Вестейна по тогдашнему обычаю, Торгрим подошел к Гисли и сказал:

— Есть обычай обувать покойного в башмаки Хель, чтобы в них он вошел в Вальгаллу. Я сделаю это для Вестейна. — И, покончив с этим, он сказал: — Я не умею завязывать башмаков Хель, если эти развяжутся».

3. Положение тела.

Знатных воинов хоронили в ладьях. Часты упоминания погребальных деревянных камер, иногда с обмазкой из глины, с инвентарём (Швеция, Бирка), Эллис-Дэвидсон («*Древние скандинавы*») связывает их с богатыми слоями населения (Бирка была городом купеческим).

При этом учёные выдвигают предположение, что данный обычай срубов мог быть заимствован как раз из русских земель, где селились выходцы со Швеции. Так же срубы-хижины ставились в позднейшее время на кораблях, в более ранний период покойного просто укладывали или усаживали лицом к носу судна. Также существовали похороны в гробу, у славян — в лубяном коконе, у карел — в деревянной раме, у обоих — в колоде, у скандинавов - и без погребального сооружения.

Всех хоронили с предметами обихода, чем знатнее покойный, тем больше свита, включая собак, лошадей и наложниц, и тем шикарнее обстановка.

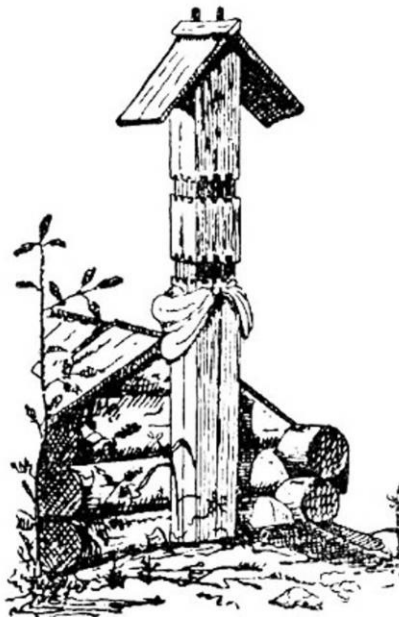
Слева — современный вид Осебергского кургана (Вестфолд, Норвегия.) Справа — художественная реконструкция похорон, на которой бережно воспроизведён богатый инвентарь, сопровождавший двух умерших женщин, тридцати и пятидесяти лет, одна из которых принадлежала к высшей знати и, как предполагается, могла выполнять жреческие функции. Погребение датируется 834г., первоначальная высота кургана составляла 6,5м.

Реконструированные гобелен с изображением религиозной процессии и богато украшенная резьбой повозка из Осебергского захоронения.

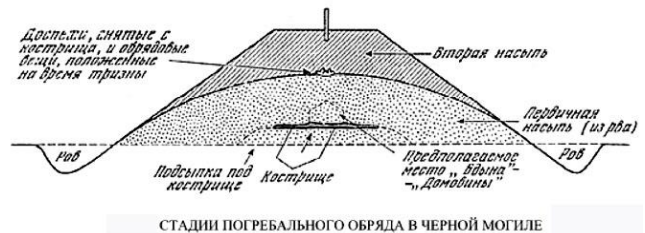
Стриннгольм («Походы викингов») категорически утверждает, что: *«Насчет положения тел в могилах по странам небосклона, насколько мне известно из скандинавских исследований, не сделано никаких объяснений. Полагаю, они лежали с запада на восток, обращенные лицом к солнечному восходу, как и устроены большей частью германские гробы».* Однако, единой системы в этом, видимо, не существовало, могилу (тело) ориентировали головой и на запад, и на восток, часты и сидячие погребения; у карел — на север. Захоронения в кораблях у скандинавов ориентировались носами к воде. У Эллис-Дэвидсон перечисляется ряд случаев, когда в могиле была лишь часть лодки, уложенная сверху или погребение в такой части, в зависимости от размера. Применялась лодка и в некоторых районах у карел, наряду с домом-срубом для покойного.

Карельские погребения. Слева глухой сруб над могилой («дом умершего»), справа — перевёрнутые или распиленные на две части лодки, устанавливавшиеся в некоторых районах над могилой вместо сруба.

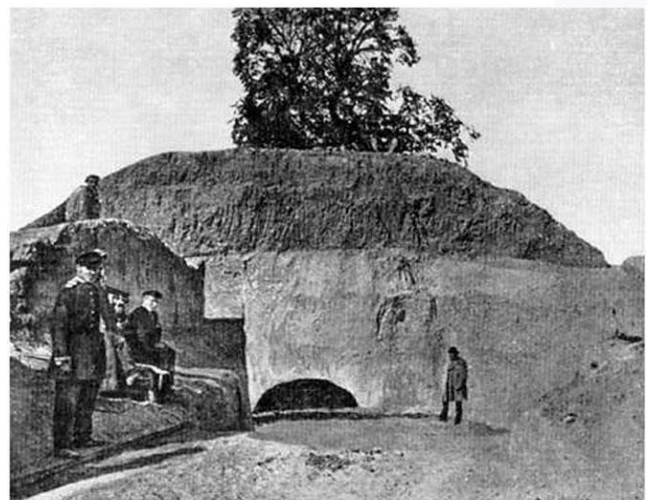
Сверху мог быть курган, могло его не быть. У славян, если насыпали курган, могли укладывать на поверхность земли, у скандинавов могли ограничиться могилой без кургана.

Вид раскопок и последовательность проведения захоронения в кургане Чёрная могила, Хв., Чернигов. По книге Б.Рыбакова «Язычество древней Руси».

Огонь применялся либо для кремации, либо для выжигания площадки под курган (славяне), либо поверх намогильной каменной вымостки (карелы), но применялся в большинстве вариантов. Перед возжиганием кремационного огня приносили жертву.

Подарки умершему могли дарить как до кремации, так и после, перед захоронением и сооружением насыпи. Также перед захоронением добавляли необходимый инвентарь и пищу, которую помещали в глиняные горшки. В пищу входил хлеб, опционально лук (Скандинавия, двойное назначение — охранное сопровождение), мясо, яйца (славяне). В карельском захоронении инвентарь и утварь перед помещением в могилу приводили в негодность.

ЧЕРНАЯ МОГИЛА В ЧЕРНИГОВЕ (раскопки Д. Я. Самоквасова). Середина X в.

4. Завершение.

Во всех территориально близких к Ингерманландии культурах обязательно использовали камень. Могилу засыпали слоем камней (скандинавы) или помещали крупные камни в голове и ногах (славяне), или сооружали каменную вымостку после слоя земли (карелы) или окружали камнями насыпь (славяне). В Скандинавии в некоторых районах окружали могилу оградой из камней в форме лодки, некоторые из «каменных кораблей» имели ещё и выложенные камнями «скамьи» и «мачты», видимо, такие символические лодки были ориентированы, как и погребальные корабли, носом к морю.

Общий вид кладбища в Линдхольм-Хойе, Дания. Захоронения на нем проводились с довикингского периода и до конца эпохи викингов (ок.420 – 1200гг.), когда поселение было заброшено из-за запесочивания почв.

На кладбище насчитывается около 700 могил, выложенных камнями в форме лодки (как правило, мужские погребения), овала или треугольника (женские погребения).

5. Прощание.

К покойному обращали речи. Покойного оплакивали. Покойному дарили подарки. Речи/плачи по источникам творили после сожжения или захоронения, сейчас — до, поэтому при современном обряде возможна взаимозамена последовательности п.4 и 5.

6. Очищение.

Поскольку похороны — процедура общения с миром мёртвых, после их завершения следовало восстановить грань между мирами мёртвых и живых, т.е. провести ритуальное очищение. В источниках сведений об именно скандинавской культуре этому моменту внимания не уделено, но с точки зрения логики ритуала он необходим. Здесь можно учесть свидетельства общеарийского источника, а именно Вед, где говорится об этом элементе обряда:

«12. Родственники и участники похоронной процессии совершали омовение, чтобы очиститься от нечистоты, причиненной погребальным огнем (АВ. ХН:2, 40, 42)».

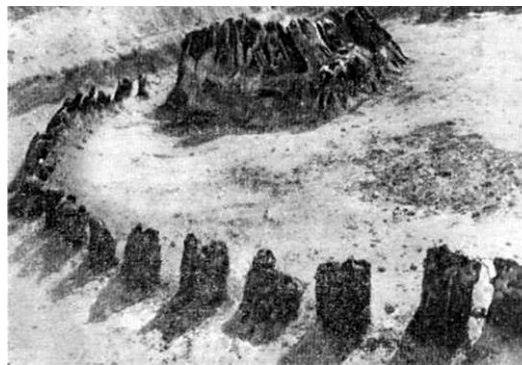
(По работе Ю.А.Смирнова «Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения»).

7. Поминки. Ритуальная выпивка, ритуальная пища, тризна.

Тризна была именно праздником, а не трауром, можно вспомнить смерть Ауд/Унн Мудрой, которой восхищались, ведь она, достигнув глубокой старости, ушла так, что родня совместила свадьбу внука и тризну по бабушке. Это совпадает и со славянским отношением, остатки которого зафиксировал Зеленин (*«Восточнославянская этнография»*): гуцульские и подольские молодёжные игры при бдении над покойным, обычай Орловской губернии петь весёлые песни (*«Покойничков помянули, теперь надо их повеселить, а то они обижаются будут, если мы от них невеселы пойдём»*), традиция петь и плясать в Вятской, Курской, Киевской губерниях. Или более древнее — тризна и летописное «драться по мертвецы» (т.е. проводить ритуальные бои во время похорон). В Скандинавии тризна именовалась *erfiöl*, букв. «наследное пиво» (слово *erfi* означало как и наследование, так и сам погребальный пир), поскольку смерть старших в семье воспринималась как момент передачи эстафеты прав и обязанностей детям, в свою очередь занимавших их место. Во время тризны наследник официально вступал в права владения, физически садясь на место умершего главы рода. Здравницы-*minni* (*mæla fyrir minni*, буквально «сказать в чью-то память», поднять тост в чью-то честь), т.е. здравницы в память умерших родичей, звучали на любых скандинавских пирах. *«Народная культура Скандинавии всегда настойчиво твердила о том, что покойник способен участвовать в своем собственном погребальном пире»* (Клиндт-Йенсен, *«Дания до викингов»*).

8. Памятники.

Славянская насыпь отмечалась камнем, столбом с сопроводительной надписью. Надпись могла быть пространная либо включать только имя. У карел памятных надписей на могильниках не обнаружено. Скандинавы же ставили памятные (рунические) камни не на месте захоронения, а в публичных местах, это больше юридическая процедура, чем сакральная.

*Вятчский курган X в. с оградой и «столпом»
(с. Боршево). Под «столпом» в данном случае понимается деревянный сруб-домовина.
Иллюстрация из книги Б.Рыбакова.*

Согласно Северной Традиции, дальнейшая участь покойного напрямую зависит от его деятельности в жизни и способа смерти. Воинов ждёт Всеотец в Вальгалле, либо Фрейя в Фолькванге. С захороненными в курганах связан владыка Альвхейма, умершие девушками могут попасть в свиту Гевьон, возможно, кого-то из «своих» (посвятивших ему свой земной путь) примет Тор. Большинство ждёт безбедное, хотя и скучное существование во владениях Хель, и лишь очень нехорошие люди заслужат наказание за их границами. Кого-то покусает Ниддхёгг и прочие змеи, кто-то навеки растворится в дымке Нифля. Ещё есть чертог Гимле, который выстоит даже в Рагнарёк, и куда попадают за славную, достойную, но мирную жизнь. Повлиять на это провожающие не в силах, поэтому они высказывают, конечно, свои предположения на прощальном пиру, но не слишком этим озабочены — как будет, так и будет.

Мемориальный камень с острова Готланд, Швеция, в верхней части которого изображена Фригг (или валькирия), приветствующая Одина в Валхалле.

К месту своего дальнейшего «проживания» покойному придётся добраться самостоятельно, если только он не пал в бою и не попал в руки валькирий. Его ожидает далёкий путь и преодоление водных преград, поэтому символизм погребального обряда должен заключаться в обеспечении дорогому уходящему возможности этот путь одолеть. Поэтому его нужно снабдить (в зависимости от его положения и достатка, остающимся родичам всё-таки дальше жить, все имеющиеся материальные богатства покойного вложить в обряд неразумно):

- средствами передвижения — символизм корабля или обуви;
- нарядной одеждой, украшениями — предстоит встреча с богами, следует выглядеть достойно;
- доспехами и оружием — если воин;
- личным производственным инвентарём — если мастер;
- пищей на долгий путь;
- подарками — добрым напутствием от оставшихся на Земле родных и друзей.

Следует открыть ему проход на Радужный мост, окружённый огнём, т.е. провести сквозь огонь — символизм костра для ингумации либо кремация.

Следует принести жертвы богам, к которым отправляется человек, чтобы те благосклонно ожидали его.

Следует соорудить насыпь над могилой и возложить камни — чтобы покойный не вернулся драугом.

Следует вспомнить славные дела покойного добрым словом и проводить его в радости, вознося хвалы и чествуя на прощальном пиру.

Также, на мой взгляд, следует учесть символичные традиции конкретной местности, где проживал покойный, потому что они отражают специфику взаимодействия с миром мёртвых в данном конкретном месте. То есть, следует, обдумав, включить некоторые сложившиеся местные народные элементы обряда в общий ритуал. Эти детали будут различаться для разных регионов, но это нормально. Например, для среднерусской полосы можно включить обязательную пару заранее подготовленных довольно крупных (но без фанатизма) камней, помещаемых на могилу согласно архаическому славянскому обряду. В одном из вариантов эти

камни заранее подбирает себе сам будущий покойный (что весьма символично и философски). Для околокарельских регионов можно (но не обязательно) учесть обычай древних карел класть в сопровождение умершему ритуально испорченные предметы и утварь, устраивать каменную вымостку над могилой. В частности, в Ингерманландии тоже такие захоронения раскапывались. Можно использовать при прощании символизм ели/еловых веток — современную традицию — если учесть, что ель тоже порой персонифицирует Мировое Древо, проводы покойного в обрамлении его ветвей — идея прозрачна. В местностях более южных, где с елью проблемы, можно (думаю) применять тисовые или даже ясеневые веточки.

Сам обряд может проводить как годи, где он есть, так и близкий (и грамотный!) родственник или друг умершего единой с ним веры. Думаю, излишне пояснять, что смешение обрядов разных конфессий недопустимо, т.е. либо человек уходит по Северной Традиции, либо по христианской, магометанской или на какой ещё вздумают настоять родственники.

И последнее: **пример погребального ритуала**, возможного к проведению на территории Ингерманландии.

В современных условиях могут использоваться и кремация и ингумация — по возможности.

1. Покойника обряжают в ЕГО нарядную одежду (или любимую, если известны категорические предпочтения, например, если кто-то всегда с удовольствием ходил в камуфляжной одежде или в кожаной, логично в них же и провожать, реконструктора — в доспехах и с оружием), военных — в форму, надевают ЕГО украшения, если они имеются. Если имеется нож в ножнах — крепят на поясе (и для мужчин и для женщин). На ноги надевают специально приобретённую новую обувь.

2. Хоронят в гробу.

3. В гроб кладут орудия труда, если это возможно, т.е. если известно любимое дело/хобби человека и в нем используется инвентарь, либо известно дело, в котором он достиг мастерства. Тогда несколько орудий труда кладут рядом, возможно, предварительно ритуально сломав (кисти художнику, струны музыканту, резцы резчику, ручку и бумагу писателю, фотоаппарат фотографу, флэшку программисту — по такому принципу). Если жизнь человека была связана с морем/водой — можно положить в гроб модель корабля или кусочек/деталь от его реального судна. Есть версия, что морскую символику можно применять для всех. Украшают некоторым количеством цветов (небольшим).

4. «Тихие проводы» (не для мегаполиса). Территорию двора или выход возле подъезда украшают еловыми ветвями. Выносятся гроб и устанавливается на табуретах, давая возможность соседям проститься с умершим. Вынос гроба можно сопровождать ударами в бубен, также использовать бубен для сигнализации о дальнейших действиях (отметке истечения половины времени на прощания, и завершения). Бубен в руках ведущего церемонию (годи). Соседи могут (при желании) добавлять цветов, дарить подарки, но речи не говорятся.

5. Дорога на кладбище/в крематорий. Если где-то в деревнях сохранился обычай «прощальных камней» и сами «столовые камни» — имеет смысл ему следовать, т.е. прощание/речи проводить по дороге возле этого камня, а не возле самой могилы. Если известно, что он там был, и камень сохранился — можно возродить, ибо обычай глубинно правильный.

6. Прощание.

ба - ингумация.

- могилу копают по оси восток-запад.
- гроб ставят головой к западу (если нет личных пристрастий/распоряжений к востоку или северу, тогда и могилу следует ориентировать иначе), украшают венками.
- желающие лично проститься подходят к телу, прощаются. Родичи — последними.
- в ногах покойного ставится сопроводительная пища, как минимум — кладётся хлеб/лепешка и луковица.
- гроб закрывают, опускают в могилу. Всё это под сопровождение бубна/бубнов.
- провожающие по очереди подходят к могиле, бросают в неё дары покойному и следом горсть земли. Дарами могут быть и цветы, не обязательно нечто дорогое и вещественное.
- могила засыпается до уровня земли.

На ней быстро собирают (дрова и розжиг заранее заготовлены) и разводят костер (конусом).

- годи (либо иной ведущий обряда) освящает костёр Молотом Тора и открывает ритуальные речи. Уместно начать с эддического отрывка. Годи обращается к асам с извещением, что «к вам отправляется такой-то, примите его по чести, поместите в чертоги, согласно его деяниям» (в общем, вариации на эту тему), перечисляет асов, ответственных за приём покойного. Если он погиб в бою или в драке (в наше время не редкость) — Один и Фрейя, в прочих вариантах - см. выше. Перечисляются чертоги славных: Гимле, Бримир, Синдри. Годи упоминает, что покойному не грозит чертог на Берегу Мертвых или поток Кипящий Котел, просит Хозяйку Хели быть милостивой к гостю и т.д., в зависимости от вдохновения ведущего, — «потому как деяния его славны».

Если приносится жертва, то сейчас годи кропит землю кровью с елового кропила, оставшаяся кровь выливается в огонь. Думаю, на людей в этом случае попадать не должно — не та тема. Жертва назначается вышеперечисленным богам, кому конкретно — они сами разберутся, к кому гость попадет.

- слово передается иным рассказчикам о славных деяниях умершего.
- речи держат коллеги, друзья, как обычно. Речи говорят, пока горит костер, либо пока горящий конус не упал (по обстановке, насколько народ велеречив). В костер также можно кидать дары, если найдутся подходящие. Например, если среди провожающих окажется скальд, сочинивший нечто во славу и на прощание, он может зачитать это и кинуть бумагу с текстом в костер, действие идеологически и магически верное.
- годи объявляет завершение Прощания, возможно, эддическим стихом, к примеру:

*Ехать пора мне
по алой дороге,
на бледном коне
по воздушной тропе;
путь мой направлю
на запад от неба,
прежде чем Сальгофнир
героев разбудит.*

- в головах устанавливается валун (не обязательно мегалитического размера), над могилой устраивается насыпь (в некоторых регионах, возможно, не является проблемой заготовить кучку булыжников, чтоб все участники положили по камешку на «вымостку» перед

надсыпанием могильного холмика, можно набрать валунов на ограждение насыпи в форме вытянутого овала-корабля, вариативно) Можно эти операции проводить под звучание бубнов.
- насыпь украшают венками и цветами, если они ещё у кого-либо остались.

6б - кремация (мегаполис).

- ориентирование гроба невозможно, поскольку используется спецплатформа, так что гроб устанавливают на неё.

- в ногах покойного ставится сопроводительная пища, как минимум — кладётся хлеб/лепешка и луковица.

- годи открывает ритуальные речи. Уместно начать с эддического отрывка. Годи обращается к асам с извещением, что «к вам отправляется такой-то, примите его по чести, поместите в чертоги, согласно его деяниям» (в общем, вариации на эту тему), перечисляются асы, ответственные за покойного. Если он погиб в бою или в драке (в наше время не редкость) — Один и Фрейя, в прочих вариантах — см. выше. Перечисляет чертоги славных (Гимле, Бримир, Синдри). Упоминает, что покойному не грозит чертог на Берегу Мертвых или поток Кипящий Котел, просит Хозяйку Хели быть милостивой к гостю и т.д. — по мере вдохновения ведущего и времени, отведённого на церемонию — «потому как деяния его славны».

- слово передается иным рассказчикам о славных деяниях.

- речи держат коллеги, друзья, как обычно. Речи говорят, ориентируясь на общее время церемонии (сколько отведено администрацией).

- после этого годи объявляет завершение Прощания, возможно, эддическим стихом, например:

*Ехать пора мне
по алой дороге,
на бледном коне
по воздушной тропе;
путь мой направлю
на запад от неба,
прежде чем Сальгофнир
героев разбудит.*

- провожающие по очереди подходят к гробу, бросают в него дары покойному, прощаются. Родичи — последними.

- гроб закрывают, опускают в технический этаж. Все это (после речей) под сопровождение бубна/бубнов. Все выходят.

Далее, если само захоронение всё же на кладбище — жертву можно принести там, короткой церемонией в узком кругу, без долгих речей, непосредственно костёр, жертва и насыпь.

Если захоронение праха осуществляется в стенке — места для жертвы/камней нет, захоронение вообще может производиться работниками крематория/кладбища. В этом случае либо жертвоприношение может быть опущено, либо, в зависимости от конкретных условий, проведено в той или иной форме на ближнем или домашнем капище (если оно есть, разумеется).

7. Участникам раздают ритуальную пищу и выпивку (согласно современной русской традиции это блины и водка, возможны вариации).

8. Участники тризны отправляются к месту её проведения.

9. При входе в место проведения (дом или кафе, например) первым делом ритуально моют руки в качестве «личного очищения».

10. Тризна.

На тризне уместны воспоминания о всяких приключениях с участием покойного, но уже не выражение горя и не слезы.

Источники:

Старшая Эдда;

Младшая Эдда;

Сага об Эгиле;

Сага о Гисли;

Х.Арбман, «Викинги»;

Б.Рыбаков, «Язычество древней Руси»;

И.В.Стасюк, «Археологические памятники Гатчины и района»;

С.Рязанцев, «Танатология - наука о смерти»;

Мельникова, «Скандинавские рунические надписи»;

Ю.А.Смирнов, «Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения»;

Сакса, «Древняя Карелия в конце I - начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли»;

И. П. Шаскольский, «Погребальный культ карел»;

Эллис-Дэвидсон, «Древние скандинавы»;

Стриннгольм, «Походы викингов»;

Клиндт-Йенсен, «Дания до викингов»;

Зеленин, «Восточнославянская этнография»;

Статьи из Интернета, собственные наблюдения и воспоминания.

Погребение в Фюркате.

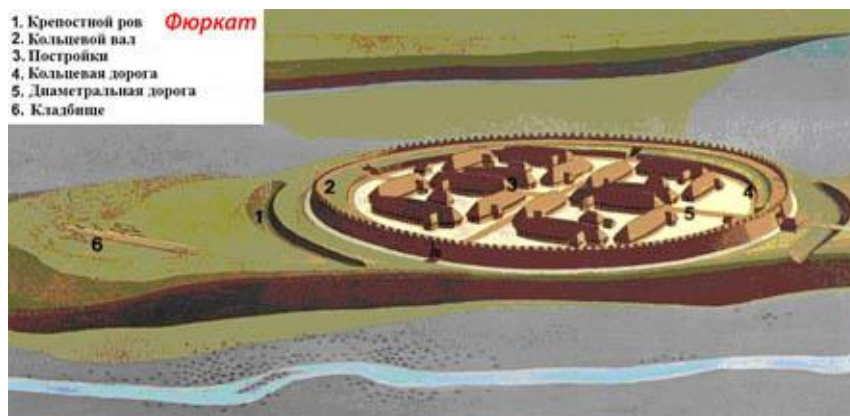
Автор Н.Топчий

Военное поселение Фюркат (*Fyrkat*, около Хобро (*Hobro*)), недалеко от Мариагер-фьорда (*Mariager Fjord*) в Северной Ютландии — одно из четырех поселений такого типа, найденных в Дании. Оно относится к круглым крепостям конца эпохи викингов, наиболее известными из которых являются Треллеборг и Аггерсборг. Всего же на сегодняшний день найдены шесть подобных сооружений того периода — четыре в Дании и два в Южной Швеции. Аггерсборг, Боргебю, Фюркат, Ноннебаккен (совр. Оденсе), Треллеборг в Слагелсе, Треллеборг в Сконе. Следует учесть, что владения современной южной части Швеции некогда были датскими, так что все укрепления относятся к Датскому королевству.

Расположение круговых крепостей эпохи викингов

Все эти укрепления построены по общему плану: круговой вал, который первоначально был дополнен частоколом и рвом; дороги-улицы по диаметру круга; внутри вала располагаются дома четкой «казарменной» планировки, они сгруппированы по четыре вокруг центрального внутреннего дворика. В Аггерсборге таких домов сорок восемь, в Треллеборге шестнадцать, в нём каждая группа из четырёх домов занимает свою четверть круга. Использовались лагеря эти, видимо, достаточно длительный период, поскольку Треллеборг через некоторое время назрела необходимость расширять, и за внешней стороной укреплений были построены ещё пятнадцать домов, которые затем были окружены другим, меньшего размера, валом.

Современная реконструкция крепости Фюркат

Фюркат был существенно меньше Аггесборга и расширенного Треллеборга, тем не менее, внутренний диаметр крепостных валов в крепости составляет 120 м, ширина основы валов (укрепленных деревянным частоколом) — 12-13м, ширина рва — 7м. Сами валы были к началу раскопок практически полностью распаханы, ныне они восстановлены как исторический и туристский объект. Начиная с 1968 года здесь проходят Фюркатские Театрализованные Представления, осенние костюмированные фестивали ремёсел и кухни эпохи викингов, где посетители могут попытаться изготовить под руководством мастера валяное сукно, попробовать аутентичные блюда или поиграть в одну из игр того времени. Несколько лет назад крепость была вновь открыта для посетителей после реставрации, в частности, именно тогда был приподнят крепостной вал.

Как и в остальных крепостях, в Фюркате было четверо ворот, две диаметральных дороги пересекались в центре под прямым углом, деля круг на 4 сектора, где стояло по 4 дома. Подсчитано, что в каждом из домов Фюрката, могло жить до пятидесяти человек, т.е. лагерь мог вмещать примерно 800 воинов (в Аггесборге — до 3000 бойцов, в Треллеборге — порядка 1200). Дома эти относились к известному типу скандинавских длинных домов и суживались на концах, чем-то напоминая в плане обрубленные лодки. Они имели по 28,5м длины (96 римских футов), 5м ширины на концах и 7,5м посередине. В конце каждого дома было выделено подсобное, вероятно складское, помещение. Имелось в крепости по меньшей мере две кузницы.

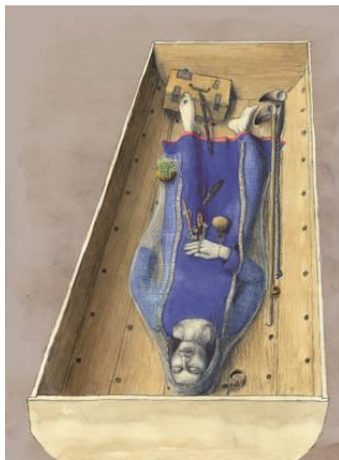
Фюркатские укрепления сегодня.

Восстановленное здание из Фюрката (реконструкция расположена за пределами кругового вала)

Согласно археологическим находкам, укрепления эти были населены в период между 950 и 1050гг. Связывают их со временем правления Свейна I Вилобородого¹ и/или Кнута Великого². Например, Питер Соьер полагал, что круговые крепости были построены лишь при Кнуте и на дань, взятую с уже завоеванной Англии. Он же писал в своей книге «Эпоха викингов», что поселения эти просуществовали не более тридцати лет, поскольку археологи не нашли заметных следов починки или перестройки зданий. Однако анализ годовых древесных колец в Треллеборге дает как время постройки весну 981г. Фюркат, как считается, строился на год или два позже (хотя некоторые описания, наоборот, называют 980г.), Аггерсборг чуть ранее. При этом Фюркат существовал, предположительно, недолго, будучи покинут к 1000г. Уже заброшенной крепость была сожжена безо всяких признаков сражения. Если это так, то явно военное поселение нельзя было бы связать с серией походов Свейна в Англию, начавшихся в 1003г. Тем не менее, Свейн Вилобородый был и до того конунгом воинственным, хоть и не всегда удачливым: так в 995-996гг. его державу захватывал шведский конунг Эйрик Победоносный. И в упомянутом 1000г. Свейн участвовал в войне с норвежским конунгом Олавом Трюгвассоном, тогда же и погибшим. Возможно также, что датировка не совсем точна, и датские крепости всё же имели отношение к завоеванию Англии, начавшемуся при Свейне в 1003-1014гг. и завершившемуся при его сыне Кнуте в 1015 – 1017гг.

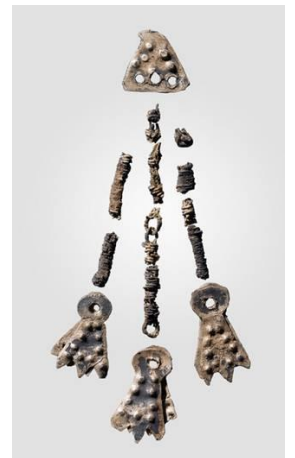
Первоначально считалось, что круговые военные поселения были исключительно мужскими, по аналогии с легендарным Йомсборгом (или даже Запорожской Сечью: сходство задач диктует сходство моделей поведения), куда женщины, по преданию, не допускались. Однако жизнь обычно менее строга, нежели идеалы, к тому же традиционно лекарями, столь необходимыми воинам, на Севере были именно женщины. Сегодня данное представление опровергнуто: и в захоронении у Треллеборга найдено значительное количество женских скелетов, и среди исследованных могил Фюркатского кладбища есть и женские, и детские, причем богатые и бедные погребения расположены вперемешку.

Реконструкция погребения, нарисованная Томасом Бредсдорфом (Thomas Højle Bredsdorff).

Археологические раскопки в Фюркате проводились с 1950 по 1958 годы. Кладбище Фюрката находилось в северо-западной части прилегающей территории, и к нему вела мощенная деревом дорога. Именно на этом кладбище найдено женское захоронение, весьма интересное как своим инвентарём, так и выводами, которые можно на основании находок сделать.

Погребенная в Фюркате женщина была одета в синие и красные одежды, украшенные золотой нитью, что обозначало высокий её статус при жизни. Она была похоронена в конной повозке (точнее, в коробе от неё со снятыми колёсами), в последний путь умершую сопровождали вещи, пусть и не сравнимые с роскошью Осеберга, но достаточно ценные.

Декоративная серебряная подвеска в виде «утиных лапок», найденная в могиле

¹ *Svein I Tjugeskjegg*, конунг Дании, родившийся ок. 965г., правил в 986-1014гг., датское произношение имени — Свен.

² *Knútr inn ríki*, сын Свейна Вилобородого родился в 994/95г., правил в 1017-1035гг, объединил под своей властью Данию, Англию и Норвегию, некоторое время владел центральными районами Швеции. Другое, более известное, произношение имени — Кнуд.

Дания стала официально христианской страной со времён крещения Харальда Синезубого, отца Свейна Вилбородого, т.е. приблизительно с середины X в. (общепринятой датой условно считается 960г.), христианские же погребения обычно скудны инвентарём. Однако, если обвинения, выдвинутые конунгу Свейну хронистом Адамом Бременским в возвращении к язычеству и гонениях на христиан в начале его правления выглядят скорее попыткой очернить непрогерманского политика и одновременно вставить в хроники нравоучительный рассказ о пользе раскаяния, но скорее всего, фанатиком наподобие двух норвежских Олавов, Свейн не был, и в преследовании сторонников старой веры не замечался. Согласно рассказу Снорри в «Круге земном», женою конунга стала шведка Сигрид Гордая (вдова Эйрика Победоносного, кстати), еще ранее, до встречи со Свейном, категорически отказавшаяся оставить веру предков. И если исповедующих христианство в стране было достаточно ещё до Харальда, то вероятно, и после него хватало язычников. Для сравнения, капищный комплекс на реке Збруч (городище-святилище горы Богит, городище-святилище Звенигород и городище-святилище горы Говда), откуда происходит знаменитый Збручанский идол, действовало на Червоной Руси до первой половины XIII в. несмотря на Владимирово крещение в 998(9)г. Соседняя же с Данией Швеция и вовсе оставалась страной в целом языческой ещё много лет.

Находки в Фюркатской могиле подтверждают предположение о том, что погребенная исповедовала древнюю веру, и, более того, вполне могла быть провидицей-вельвой (или кодуньей-сейдконой). Что отнюдь не мешало женщине оставаться уважаемым членом общества. В последний путь ей были даны не только вполне обычные для скандинавок предметы вроде пряслиц, ножниц и кухонного вертела (интересно, что вертел был уже немного погнут, когда его поместили в могилу, т.е. использовался). Ещё покойная носила два серебряных кольца на больших пальцах ног, аналогов чему в Скандинавии не известно. Так же с нею в могилу были положены две бронзовые чаши, изготовленные, вероятно, в Средней Азии.

Остатки вертела, положенного рядом с умершей, и, видимо, считавшегося достаточно ценной вещью.

Миниатюрная чашечка неизвестного назначения

Шарообразная чаша из бронзы, имевшая травяное покрытие и содержавшая некое жирное вещество (возможно, целебную или колдовскую мазь?)

Однако, не экзотичные вкусы покойной или вещи из дальних стран оказались самыми интересными. Рядом с женщиной найден металлический жезл и семена ядовитой белены чёрной (*Hyoscyamus niger L.*) в маленьком кошеле. Посох, согласно сагам, являлся атрибутом вельвы. Из-за долгого пребывания в земле он частично распался, изначально же он представлял собой железный стержень с бронзовыми вставками. Что до семян белены, то говорят, что если бросить их на угли, образовавшийся дым будет обладать слабым галлюциногенным действием (по преданию именно белена использовалась при прорицании пифиями в храмах Аполлона). Предполагается, что взятые в правильной пропорции, эти семена могут вызвать состояние эйфории и видения. Белена в более позднее время также нередко использовалась европейскими ведьмами, в частности, входила в состав волшебных мазей «для полёта». Находила белена применение и в косметологии, и в медицине, например, её дымом окуривали больные зубы для анестезии, настойки и вытяжки из её листьев используются как спазмолитическое и

обезболивающее средство, а так же при изготовлении противоастматических лекарств. Однако, надо помнить, что все части растения чрезвычайно ядовиты, и, несомненно, белена играла в своё время воистину смертельную роль в интригах и кознях. Основным умением вёльв, за которое их ценили в социуме, был дар прорицания, и можно предположить, что хозяйка использовала семена для вхождения в пророческий транс, хотя ни один дошедший до нас литературный источник на подобную практику не указывает. Кроме того в пряжке на поясе³ женщины были найдены остатки свинцовых белил, также иногда входивших в состав «ведьмовских мазей» с психоделическим эффектом. Впрочем, свинцовые белила, по сути — белая краска, которая использовалась и как косметическое средство, и в медицине, в составе кремов для кожи, например. Кстати, в больших дозах белила эти тоже ядовиты.

Фибула-коробочка с Готланда, внутри которой найдены остатки свинцовых белил. Судя по всему, погребённая использовала предмет не по прямому назначению, а в качестве контейнера-хранилища.

В отличие от использования дурманящих веществ при предсказаниях, то, что жезл был постоянным атрибутом вёльвы, несомненно. В «Саге о людях из Лососьей Долины» исландцы вскрывают могилу некой язычницы и определяют её принадлежность к вёльвам именно по жезлу (ну и, возможно, и по насланному покойной вещему сну):

«Там были найдены кости, они были черные и страшные. Там нашли также нагрудное украшение и большой колдовской жезл (seid-stafur). Из этого заключили, что там была погребена какая-то колдунья⁴ [прим. — в оригинале at þar mundi verst hafá völu-leiði, т.е. что там должно быть была могила наихудшей вёльвы]».

Еще больше перекликающихся с находками деталей в описании наряда Торбьёрг Малой Вёльвы из «Саги об Эйрике Рыжем»:

«...на ней был синий плащ, завязанный спереди ремешками и отороченный самоцветными камушками до самого подола. На шее у нее были стеклянные бусы, а на голове — черная смушковая шапка, подбитая белым кошачьим мехом. В руке она держала посох (stafur) с набалдашником, оправленным желтой медью и усаженным самоцветными камушками. Пояс у нее был из трута, а на поясе висел большой кошель, в котором она хранила зелья, нужные для ворожбы»⁵.

В свете находок из Фюрката поневоле возникает вопрос: не входили ли семена белены в состав и этих «нужных для ворожбы» зелий?

Предмет, идентифицированный как магический жезл IX в. из погребения в Ромсдале. Фотография взята из статьи И.Липатовой «Ведьмин жезл».

Находка магического жезла в Фюркатском погребении не является уникальной. Известен железный жезл длиной около 82см с бронзовым орнаментом и чем-то вроде домика в качестве навершия из могилы в Кёпингсвик (Köpingsvik), на шведском острове Оланд (Öland), погребённая там тоже, как считается, была вёльвой.

³ Так в англоязычном источнике (*A seeress from Fyrkat?*), однако, судя по подписи под иллюстрацией там же, речь идёт о подвешивавшейся на поясе коробочке, сделанной из броши.

⁴ «Сага о людях из Лососьей Долины», LXXVI, перевод В. Адмони и Т. Сильман

⁵ «Сага об Эйрике Рыжем», IV, здесь и далее перевод М. Стеблин-Каменского.

В норвежской провинции Ромсдал в XIX в. был обнаружен предмет с узловой ручкой и загнутым концом, который первоначально специалисты Британского Музея определили как приспособление для ловли рыбы, затем — для жарки мяса. И, наконец, недавно — как магический жезл, причем преднамеренно погнутый (испорченный) перед тем, как он был положен в могилу. Возможно, это было сделано с целью помешать умершей колдовать и вредить живым⁶.

Два жезла, считающиеся посохами вэльвы: из Швеции в районе Гёвле (Gävle), второй из Дании (могила в Фюлдбю (Fuldby), около Рингстеда (Ringsted)).

Чем именно был для вэльвы её жезл? Вероятно, как и магические жезлы иных культур — и символом власти, и рабочим инструментом. Само древнеисландское имя *völva* (чьим общегерманским аналогом было бы **waluwō*) этимологически, как предполагают, связано с общегерманским **waluz*-жезл (можно сравнить с готским *walus* и древнесеверным *völr* с тем же значением). Ещё одно древнеисландское обозначение жезла (а также посоха), помимо *völr* и *stafur* — *gandr* — может послужить намёком если не на практику вэльв, то на позднейшее народное представление о ней. На посохе-*gandr* колдуньи летали (так называемый *gandreid* — «езда на посохе»); саги и были, по большей части, не различают физический полёт-поездку и разновидность шаманского путешествия, которым практика *gandreid*, думается, и была. И если это так, то как для шамана Сибири его бубен был живым существом-«конём», так для путешествующей северной колдуньи её посох, возможно, становился «волком». Именно такое значение имело дополнительно слово *gandr*. Образ сверхъестественной всадницы на волке достаточно древен в северной культуре. Ещё на руническом камне из Рёк на острове Готланд, датируемом IX в., волк метафорически назван «конём Гунн» (валькирии), на волке ехала женщина-тролль, которую встретил Хедин, брат Хельги (как сказано далее в «Песне о Хельги, сыне Хьёрварда», герой песни заподозрил, что Хедин повстречал его, Хельги, Спутника-фюльгю), на волке на похороны Бальдра приезжает великанша Хюрроккин в «Видении Гюльви», и он же — верховой зверь великанши Хюндлы в «Песне о Хюндле»...

...Если же возвратиться к погребению около Фюркатской крепости, то следует сказать, что и другие найденные предметы подтверждают гипотезу о связи погребенной с миром магии. В ногах у неё был поставлен короб, содержащий такие вещи как погадки совы⁷, мелкие косточки птиц и млекопитающих. Кроме того, там находился серебряный амулет в форме стула. Это напоминает нам о частом атрибуте северного колдовства — возвышении для проводящего обряд: помосте для сейда или предсказаний, о котором рассказано, например, в «Саге об Эйрике Рыжем» («Женщины стали кольцом вокруг помоста, на котором сидела Торьбьёрг») или престоле тула (жреца или ведающего), упомянутого в «Речах Высокого» («Пора мне с престола тула поведать...»).

То, что уважаемую и богатую женщину, вероятно вэльву или колдунью, погребли рядом с воинским лагерем, может, конечно, быть и стечением обстоятельств. О Торьбьёрг Маленькой Вэльве рассказывается в саге, что у неё «было в обычае ходить зимой по пирам. Ее постоянно приглашали к себе, особенно те, кто хотел узнать, что им суждено или какой выдастся год». Хотели, наверное, узнать, что их ждёт, и дружинники Фюрката. Однако, в связи с этим вспоминается и древняя германская мифологема «военный вождь и его пророчица»⁸ и то, что знаменитый сосуд II в. н.э. с острова Элефантина на Ниле с греческой надписью, упоминающей «Валубург, сивиллу семнонов», связывают с гарнизоном германцев на службе Римской Империи, предполагая что пророчица находилась в военном лагере.

Причудливо тасуется колода, возвращая вновь и вновь сквозь века древний образ. Тот, что ярче всего воплощен для нас в сакральной паре: Один и вэльва...

⁶ Подробнее о данной находке рассказывается в статье И.Липатовой «Ведьмин жезл» в пятом выпуске журнала «Северный Ветер» за 2014 год.

⁷ Катышки из неперевариваемых остатков пищи, соевой отрыгиваемые.

⁸ см. статью Н.А.Ганиной. «Германские провидицы в эпоху Римской Империи» со ссылкой на М. Энрайта

Использованные материалы:

Заметка *A seeress from Fyrkat?* (<http://natmus.dk/en/historical-knowledge/denmark/prehistoric-period-until-1050-ad/the-viking-age/religion-magic-death-and-rituals/a-seeress-from-fyrkat/>) с портала [Dansk webside](#)

[Википедия о Фюркате \(англ.\)](#), другие интернет-материалы о круговых крепостях

П.Сойер. Эпоха викингов.

А. Хольгер Викинги.

Н.А.Ганина. Германские провидицы в эпоху Римской Империи, статья.

М.М.Горелов. Датское и нормандское завоевание Англии в XIв.

А.Платов. Руны: два тысячелетия магической традиции.

Лекарственные растения Украины, справочник.

ПОХВАЛА ВНУТРЕННЕЙ СТАРУХЕ

Автор: Elizabeth Gilbert

Перевод с английского Rakugan

Окей, насчет «внутреннего ребенка» все слышали, так ведь? Невинное существо, которое живет внутри нашего «я», нуждается в любви и заботе и с которым нужно временами разговаривать, чтобы научиться жалеть себя.

Я — большая поклонница этой концепции. Это действительно исцеляющая штука. Однажды, в особенно темный период ненависти к себе, я прикрепила на зеркало свое фото в двухлетнем возрасте. Я сказала, что любой вред, какой я причиняю себе, я причиняю ЕЙ. Это сделало меня добрее и нежнее к себе. А когда я представляю других людей детьми, я становлюсь добрее и нежнее к ним.

Так что Внутренний Ребенок — это хорошо.

Но в последнее время я меньше думаю о нем и больше сосредотачиваюсь на ВНУТРЕННЕЙ СТАРУХЕ¹, которая тоже живет внутри моего "я" и которой я надеюсь однажды стать.

Потому что она охренеть как крута.

Настоящие старухи всегда круты. Я говорю о тех, которые уже повидали всё и больше ничего не боятся. Тех, чей мир разрушался почти до основания раз двадцать. Тех, которые похоронили однажды свои мечты и своих любимых — и пережили это. Тех, что страдали от боли и это тоже пережили. Тех, чье невинное доверие миру было предано десять тысяч раз... и которые это тоже пережили.

Мир — страшное место. Но Настоящую Старуху не напугать.

---

¹ В оригинале употреблено слово *crone*, спектр значений которого несколько шире, чем у русского «старуха» или даже «старая карга». *Crone* — это распространенный персонаж в мифах и сказках, старая женщина (часто с дурным характером), которая обычно владеет какими-то волшебными силами. В других значениях это термин для описания одного из возрастов в жизни женщины и в то же время обозначение одного из трех аспектов Богини (Дева, Мать и Старуха). *Crone* символизирует увядание, разрушение, старость, зиму и смерть, но в то же время — знание, мудрость, силу и способность к предвидению.

Слово «старуха» многие считают оскорбительным, но только не я. Я его уважаю. Старуха — классический персонаж мифов и фольклора, часто она обладает большой мудростью и сверхъестественными силами. Бывает, что она охраняет дорогу в иной мир. Она на редкость пророрлива, даже если слепа. Она не боится смерти, то есть **СОВСЕМ НЕ БОИТСЯ**.

Дома я увешала целую стену фотографиями моих любимых старух, которые меня вдохновляют. Например, на фото в этом постинге — украинская бабушка, которая живет (только представьте!) в Чернобыле. Есть целая группа таких бабушек, которые вернулись в эти зараженные радиацией места и поселились там.

Знаете, почему? Им так нравится.

Им нравится Чернобыль, потому что они оттуда родом. Они все крестьянки. Они не хотят быть беженками. Они мучились от того, что их переселили с их земли после аварии. Они ненавидели жизнь в обшарпанных криминальных районах большого города. Так что они выбрали независимость и вернулись в самое радиоактивное место на земле. В тех краях, которые многие посчитали бы адом, они устроили неунывающую коммуны пенсионерок.

Безопасно ли это? Конечно, нет! Ну и что? Если вам 90 лет и вы всю жизнь тяжело трудились, что для вас «безопасность»? Да, они пьют эту воду. Да, они сажают овощи в радиоактивный грунт, выращивают и едят. А еще они ловят местных диких свиней, забивают их и тоже едят. Они стары. Бояться радиации в их возрасте? Смешно.

Они заботятся одна о другой. Они сами рубят и таскают дрова. Они гонят самогон. Они собираются, пьют этот самогон и вспоминают войну и сталинские времена. И все равно смеются, а потом идут, забивают очередного радиоактивного кабана и делают из него колбасу.

Если когда-нибудь будет устроено соревнование Крутых Парней, выставьте такую бабульку против любого молодого Крутого Парня, какой будет у вас под рукой. Я гарантирую — чернобыльская бабушка победит одной левой.

Мы живем в обществе, где принято романтизировать молодость. В нашей культуре молодость — это достижение. Но посмотрите на такую классическую старуху, как на фотографии, и вы поймете, до чего это глупо. Нет мудрости большей, чем мудрость преодоления. Нет самообладания крепче, чем у женщины, которая разводит огород на радиоактивной земле — и ничего, живет себе.

Поэтому каждый раз, когда что-то случается и мой Внутренний Ребенок начинает паниковать, я просто спрашиваю себя: «ЧБСМВС?».

То есть, «Что Бы Сделала Моя Внутренняя Старуха? ».

Задайте себе этот вопрос. Послушайте, что она вам ответит.

Одно я обещаю. Вряд ли она скажет: «Нервничай».

Скорее всего, вместо этого она скажет: «**НЕ СДАВАЙСЯ!**».

Так что держитесь там, не сдавайтесь! Все вы — будущие потрясающие старухи.

Исследование мифа

Путешествие Тьяльви:

пример того, как включать поздние источники в сравнительное исследование локальных религий Северной Европы.

Матс Бертелл, Швеция (Maths Bertell, Mid Sweden University)

Опубликовано в Retrospective Method Network Newsletter №6, May 2013, p.47-52

Перевод с английского Н.Топчий

В этой статье я хотел бы обратиться к идее того, как использовать более поздний материал в качестве указания на древнейшие источники — в сравнительной перспективе.

Это может быть проиллюстрировано обзором упоминаний Тьяльви (*Djálfí*), известного как спутник Тора (*Dórr*) в древнесеверной мифологии, которые могут быть сопоставлены с материалами других культур Северной Европы. Связь саамских материалов XVIII в. и финских материалов XIX и XX вв. с древнесеверными источниками XIII в. является проблематичной во многих отношениях, в т.ч. хронологических и географических. Ранние исследования представляют нам ясную картину: саамская религия находилась под влиянием веры скандинавских соседей саамов, как было с религией финнов (ср. *Olrik* 1905a; 1905b; 1906.). Позднейшие исследования, однако, показали, что взаимодействие должно было быть гораздо более сложным, нежели указанное¹.

Заемствования и обмен — что мы подразумеваем?

Религиозное культурное слияние и обмен, как утверждал Ауке Хулткранц (*Åke Hultrantz*, 1973; ср. Сёренсен (*Sørensen*, 2004)), это никоим образом не однократное действие. В большинстве случаев это процесс, который продолжается длительный период времени со многими встречами при различных условиях, знакомстве, насаждении и включении идей и мотивов среди групп различных людей.

Это не похоже на поход в библиотеку и заимствование книги. Это не единичное событие и, вероятно, происходит без четкого намерения или открытого выбора. Потому затруднительно установить, кто на кого во тьме раннего железного века в Скандинавии повлиял. Произвело ли жертвоприношение оленя на горном склоне Лапландии в качестве магического действия впечатление на сборщиков дани норвежского господина, или это культовое празднество в Уппсале впечатлило финских торговцев, которые рассказали о нём своим приятелям из Сатакунты (*Satakunta*), что привело к изменениям в религии? Что бы ни произошло, оно оставило нам следы в письменных источниках, чернилами на бумаге или коже. Следы чего-то, что во многих отношениях было чем-то большим, чем чернила на бумаге: контакт с божеством, запах крови на идолах и рассказы о могуществе, способном изменить жизнь. Следы подобны сплетням о вещах и встречах, что значили что-то в повседневной жизни людей по обе стороны языкового барьера. Я здесь попытаюсь показать, как ретроспективный сравнительный метод может помочь нам указать возможные новые перспективы, касающиеся источников древнесеверной религии.

Религии в качестве контекста друг друга.

Сравнительный метод может помочь нам раскрыть мотивы, что были скрыты, или мотивы, угадываемые только намёками в материалах различных периодов и культур. Наиболее похоже на то, что самые популярные персонажи широко распространённых верований, так называемые *traditionsdominanter* [традиционные доминанты], что притягиваются популярными мотивами и включаются ими в себя, являются главной целью метода. По ним есть богатый материал, как правило, из различных типов источников и различных времён. В данном случае для саамских, финских и древнеисландских религий, у нас есть бог грома в каждом культурном окружении — чрезвычайно популярный персонаж, свидетельства о котором указывают на защиту от хаоса и изобилие как центральные темы, связанные с этой фигурой.

Язык саамов, однако, не един, но состоит из нескольких диалектов, подразделяемых на южный саамский (*South Sámi*), луле-саамский (*Lule Sámi*), северный саамский (*North Sámi*) и колтта-саамский (сколт, *Skolt Sámi*). При этом даже большее число подгрупп, таких как уме-саамский (*Ume Sámi*) и инари-саамский (*Inari Sámi*), принималось во внимание². При рассмотрении Скандинавского полуострова и региона Балтийского моря как единого культурного плавильного тигля сфера семантики бога грома становится центральной и выявляет, где мотивы и даже мифы способны были легко передаваться, вероятно, вследствие того, что создавали смыслы в повседневном мире поклоняющихся божеству. Мотивы мифологии переносятся в новое окружение, если они кажутся приемлемыми для верующих, а не в том случае, если их одобрили высшие авторитеты. До времени доминирования Церкви различные этнические группы взаимодействовали различным образом, через торговлю, войну, союзы и т.д. Не существовало исключительной межкультурной общности, обеспечивавшей поток идей и впечатлений. Однако, надо сказать, область смешения и высокая степень вовлечения не означали некритического заимствования друг у друга и копирования всей мифологической системы слово в слово. Каждая личность и религиозная общность выбирает свой собственный кусочек, формируя их и приспособляя к личной системе. Культурная сфера Скандинавского полуострова сама по себе является причиной рассматривать источники в контексте друг друга даже при том, что это источники разного времени, и невзирая на культурные различия.

Кто писал источники?

У трёх местных религий Северной Европы имеются три индивидуальных, очень различающихся корпуса текстов в качестве главных письменных источников. Если коротко (и несколько упрощённо), саамские источники были, главным образом, записаны миссионерами Шведской и Датско-Норвежской церкви, но в период, когда саамская религия имела полную свободу действий. Финский материал был собран академиками в процессе полевых работ, но во времена, когда местная религия превратилась в народную религию, находящуюся под воздействием христианства. Древнесеверный материал был записан христианами спустя несколько сотен лет после официального обращения в христианство. У всех этих собирателей и наблюдателей была одна общая черта: все они были наблюдателями внешними.

Человек среди Божественного?

Помощник бога Грома появляется как неясный персонаж в нескольких различных местных религиях Северной Европы, таких как древнесеверная, саамская и финская (помощник также представлен в литовском материале, однако, хотя тема интересна, она не будет рассматриваться в данном исследовании). Различные источники разбросаны не только географически, но и по периоду в несколько сотен лет, с X по XX столетия. Тем не менее, они демонстрируют несколько общих черт.

Древнесеверная фигура Тьяльви является единственным персонажем, о ком сказано, что он был человеком (в широком смысле) в древнесеверной мифологии, который взаимодействовал с богами и который был возвышен до царства богов. Его сестра Рёсква (Röskva) известна нам только по имени. Однако даже это является предметом дискуссии, так как о Тьяльви и Рёскве сказано в «Песне о Хюмире» (*Hymiskviða*), что они были великанами, а этимология имени Тьяльви могла бы даже указывать на происхождение из альвов. Для большинства образ помощника Тора знаком. Древнесеверный бог грома имеет многих персонажей в качестве закадычных друзей в своих путешествиях в Ётунхейм (*Jötunheimr*, Страна Великанов), обычно это Локи или Тьяльви, но есть также примеры Тюра в «Песне о Хюмире», не говоря уже о самом великане Хюмире, когда Тор отправился за Мидгардсормом (Midgarðsormr, Мировой Змей) на рыбалку. В древнесеверных мифах Тор — единственный, кто часто путешествует со спутником.

Фигура Тьяльви уникальна в древнесеверном материале. Он — мужчина неизвестного возраста, нет оснований считать его ребёнком, но он не является также и независимым взрослым. Он — человек/великан, взятый в качестве слуги в царство богов. В отличие от Локи, Тьяльви никогда не рассматривается отдельно от Тора, и не становится героем своих собственных мифов. Предыдущие попытки объяснить образ Тьяльви были сосредоточены главным образом на его имени, и его связи с или же его замене на Локи, как спутника Тора.

Предположения, касающиеся имени Þjálfi, выдвигались по мало отличающимся направлениям. Одно из предположений — «Эльф-слуга», другие включают «Бойца кандалов» и «Сковывающий/Связывающий» (см. де Фрис, 1962, статья «Тьяльви» (de Vries 1962: под рубрикой Þjálfi и цитируемые здесь труды). В «Драпе о Торе» Эйлива Гудрунарсона (Eilífr Guðrúnarson, Þórsdrápa), он назван sifuni^{3 4} (Faulkes 1998: Skpm стих 83) вместе с Тором, намекая на «близкое родство либо по крови, либо по браку» (de Vries 1962; Heggstad, Nødnebo & Simensen 1993), что символизировало бы тесную связь с богом. Дополнительной информацией про Тьяльви было бы то, что он всё ещё присутствует в фольклорных материалах в Швеции XIX в. и по-прежнему в качестве слуги Тора. Ценным замечанием тут является также то, что Тор в подобном контексте часто описывался как «старик» или «старый Тор», и таким же образом бог грома описывался в саамском, эстонском и финском материале (Schön 2005).

В религии саамов помощник бога грома называется Thoor-olmai [человек Тора]. Этот персонаж — скорее страж жестокого бога грома, который содержится в заключении из-за своего дурного нрава. В северной саамской традиции помощник — тот, кто освобождает бога, когда гремит гром. Но северные саамские источники также подразумевают, что это может быть сделано нойдой (noajdie), шаманом саамов. Иногда в южной традиции саамов Thoor-olmai охраняет нойду в то время, когда душа того путешествует в трансе. На месте Thoor-olmai мы также находим Thorens söner [сыновей Тора], Termes raskaste drängar [«Термесовы» бырейшие работники] (Fellman 1820-1831 II: 102), Thorens drängar Luleå 1687 (культовое место в Bergman 1891: 224 и далее), Tordengudens dreng [работник/работники бога грома] и Thordens striidsman [солдат/боец бога грома] (Skanke 1728-1731: 255). Три из этих наименований подразумевают, что мы имеем дело с группой, не с одним персонажем. Он является сыном Громовержца, и, таким образом, наследником божественного. Саамский бог грома в южной части саамского лингвистического ареала именуется Horagalles, имя это является заимствованием Скандинавского Þórkall⁵ [старик Тор]. «Германизация» саамского материала также указывает на другую проблему: авторы источников интерпретировали информацию о Громовержце саамов в терминах Тора, не оставляя нам подсказок, насколько их интерпретация влияла на источники. Громовержец носит различные имена на разных саамских языках, имена с Hora- (Horagalles, Horanorias, Horesgudk) у южных саамов, в луле-саамском он Thora Galle, в пите-саамском (Pite Sámi) он Hora-Gallis и Pajan-Olmai [Гром-Человек]⁶. В северных и восточных регионах он зовется Tiermes, Dierpmis и Termes. (Rydving 2009: 95 и след.).

Финский бог грома Ukko [Старик] не имеет помощника в том смысле, в котором он есть у бога грома в древнесеверной и саамской традициях. Однако, с другой стороны, tietäjä [знающий, ведающий, ведун], специалист по ритуалам в до-современной Финляндии, именовался Ukon poika [сын Укко, парень Укко], указывая на тесную связь с богом. Знающий был в некотором смысле отражением божества и бог обеспечивал tietäjä оружием и защитной магией (Siikala 2002: 203-208). В этом tietäjä и Ukko имели одну и ту же функцию. Tietäjä мог также упоминаться как «полубог» или даже быть назван «богом» (см.

Таблицу 1)⁷.

Таблица 1

	Саамский	Древнесеверный	Финнский
Имя бога грома	<i>Horagalles</i> — заимствованное древнесеверное <i>Þórr</i> и Норвежское <i>kall</i> (старик)	<i>Þórr</i> зовётся стариком в поздних источниках ⁸	<i>Ukko</i> [Старик], иногда (исключительно) зовётся <i>Tiuri</i>
Значение имени слуги	<i>Thoor-olmai</i> , Человек Тора (ср. <i>Pajan-olmai</i> , Громовой Человек, Гром-Человек — имя саамского бога грома в некоторых областях)	<i>Þjálf</i> [Связывающий (герм. <i>Gefessener</i>); или Эльф-слуга]	<i>tietäjä</i> [знающий, ведающий]
Природа слуги	божественная	человек/великан/эльф принятый богом	Человек
Связь между богом и слугой	Слуга бога в мифах. <i>Thorens söner</i> , <i>Thorens drängar</i> , <i>Tordengudens dreng</i> , <i>Thoor-olmai</i> , <i>Thordens striidsman</i> , <i>Termes [...] drängar</i>	Слуга бога в мифах; именуется <i>sífuni</i> Тора [родичем по браку]	Ритуальный специалист; называемый <i>Ukon poika</i> [Старик/сын/парень бога грома]
Роль слуги	Выпускает запертого бога (функция, разделяемая с шаманом); охраняет шамана, пока тот в трансе	Помогает Громовержцу в его приключениях	Религиозный специалист и связующее звено между богом и людьми; защищает от засухи, защищает урожаи и т.д., опираясь на могущество бога

Просто комбинируя этих трёх помощников бога грома, мы бы получили несуществующую, идеальную картину помощника Северного Громовержца с характерными чертами от XIII до XX столетия. Такое смешение могло бы дать в сумме следующее:

— Он связан с Громовержцем или через родство по браку, или как сын.

— Он освобождает бога грома и охраняет шамана в трансе. Он помогает Громовержцу. Он является религиозным специалистом в тесном контакте с Громовержцем и посредником между божеством и людьми. Он связан с шаманской деятельностью.

— Он является божеством или человеком, ставшим божеством, или человеком со специальными умениями.

Если мы на мгновение остановим этот безумный спекулятивный поток и задумаемся, мы можем найти несколько моментов для критики. Прежде всего, источники происходят из различных, географически разбросанных мест. Во-вторых, они в большинстве случаев относятся к различным временным периодам. По крайней мере, расцвет саамской и финской религий отделён от расцвета религии древнесеверной несколькими сотнями лет. В-третьих, мы также можем сделать вывод, что обстоятельства, при которых различные источники были сохранены и записаны, также различаются. Что же делать?

Прежде всего, мы можем сделать вывод, что мы имеем материал с 1200х гг. до ХХ в. по всем религиям, пусть даже основные кодексы появились в различные временные периоды каждый. В течение этого времени новое прибавлялись и исключались из материала.

Мы также можем сделать вывод, что христианизация ударила по каждой религии различным образом: с различной силой и с различными результатами.

Комбинируя все характеристики, мы получаем что-то, чего не существует, и что нельзя рассматривать как некую разновидность реальности. Что же тогда в нашей лаборатории? Является ли это движителем, что легко приведёт нас к новым открытиям? Нет. Является ли это картой, полностью характеризующий Северную концепцию помощника бога грома? Нет.

Что у нас имеется, так это куча предположений, дорожные знаки, указывающие направления, где мы можем найти больше подсказок чтобы решить загадку.

Таким образом, нам нужно использовать имеющиеся предположения и исследовать глубже материал, на который эти дорожные знаки указывают.

По моему твёрдому убеждению только доказательства, найденные в древнесеверном материале, говорят что-либо о концепции дохристианских скандинавских традиций. Саамский и финский материалы ни в коем случае не могут быть использованы для простого заполнения провалов в мифологии скандинавской и наоборот. Материалы в сравнительном исследовании, межкультурном или хронологическом, могут сказать нам что-либо только о культурном контакте или влиянии, и могут быть указанием назад во времени, но не могут быть единственными. Если это указывает на направление и найдены дополнительные признаки, это усиливает вероятность. Может быть, трудно принять здесь историческую тьму, но пока новый свет не будет пролит на этот вопрос, это наш единственный приемлемый вывод.

С этим набором правил и используя в качестве дорожных указателей саамский и финский материал, становится возможным возобновить изучение фигуры Тьяльви, переходя от предположений к вопросам:

1. Мыслился ли некогда Тьяльви как часть коллектива, группы?
2. Есть ли что-то, что связывает Тьяльви или Тора с шаманской деятельностью?
3. Могло ли быть имя Тьяльви названием для ритуального специалиста?
4. Является ли Тьяльви мифологической интерпретацией ритуального специалиста?

Вопрос 1: Тьяльви никогда не мыслился членом группы, как мыслился иногда помощник бога у саамов, кажется, кроме посещения Утгарда-Локи, в Снорриевой «Эдде», группы в действительности весьма странной. Два человека/великана, бог/гигант на пути своего падения и бог грома. Миф выглядит компиляцией нескольких мотивов и более коротких рассказов, и исход мифа не вполне ясен.

Вопрос 2: Я не нашёл ничего, что связывало бы Тора или Тьяльви с шаманской деятельностью⁹.

Вопрос 3: Нет, *Bjálfi*, вероятнее, будет человеческим именем, которое усиливает идею того, что он не является полноправным богом. Однако, недавние открытия, возможно, дают нам новую информацию (см. пряслице, представленное на *Portable Antiquities Scheme: Spindle Whorl*¹⁰).

Пряслице из Салтфлитбю, Линкольншир, IX в. Надпись на вертикальной части читается как **.oþen.ok.einmtalr.ok.þalfa.þeir** (*Óðinn ok Heimdallr ok Þjálfar, þeir*, **Один и Хеймдалль и Тьяльви, они**)

Вопрос 4: Есть общие черты между действиями *Thoor olmai* и нойд по освобождению бога грома и действиями Тьяльви в мифе о битве с Хрунгниром (*Hrungnir*). В последнем Тьяльви обманом вынуждает великана встать на свой щит — и в версии Снорри, и у Эйлива в «Драпе о Торе». Таким образом, я предполагаю, что это миф о ритуальном высечении огня ударом, где великан Хрунгнир имеет каменное сердце с тремя выступами и вооружился точильным камнем перед столкновением с Тором с его стальным Молотом (что я отстаивал в другом месте: см. Bertell 2003: 227 и далее). И кажется не случайным, что компаньон Тора в этом мифе именно Тьяльви, а не Локи. Тьяльви делает возможной встречу Молота и точильного камня в воздушном пространстве, позволяя таким образом создать огонь/молнию при их столкновении. В целом представление об образе Тьяльви, кажется, имеет отношение к связи между людьми и могущественнейшим из богов как мифологической интерпретации ритуала. Миф о Хрунгнире и его сердце также увязывается с историей Торстейна Мощи Хуторов и его оружия, исторгающего огонь при ударе: трёхгранного камня и стального шипа карлика-дверга, что возвращаются в руку метнувшего¹¹ (Bertell 2003:232 и далее).

Представление о людях, связанных с богами, является универсальным и исконным (Steinsland 2007: 435-436). Уже древние египтяне считали себя связанными с богом солнца, можно найти аналогии этому и во многих других культурах. Представление о Тьяльви, связанном с Тором (*sifuni*), потому никоим образом не является радикальным, даже если Тьяльви — человек, и оно могло бы быть мифической интерпретацией связи ритуального специалиста с богом грома. С тех пор он воспринимался человеком у Снорри и великаном в «Песне о Хюмире», и если этимология его имени действительно указывает на его эльфийское происхождение, это могло бы свидетельствовать, что категория существ, к которым принадлежит Тьяльви, была не столь важной. Важным моментом, возможно, было то, что он не являлся богом. Однако, это также поднимает новые вопросы. В какой мере мог его почитатель — или он лично — обращаться к богу, и когда нуждались он или она в ком-то для передачи его/её просьбы? Здесь мы обращаемся к различным видам контакта между человеком и божеством: мореплаватель по-прежнему мог воззвать к Тору, прося лучшей погоды, но новая вера Исландии заботилось о местном ритуальном специалисте.

Выводы?

В свете религиозного окружения, этимологическое объяснение имени *Þjálfar* могло бы указать нам правильное направление: он некто, кто помогает и позволяет Громовержцу достичь успеха, освобождая его (как *Thoor Olmai* в саамской мифологии) и прокладывая ему путь. Это то, что делает Тьяльви в эпизоде с Хрунгниром, где его можно было бы интерпретировать как высекающего огонь, создаваемый встречей стали и точильного камня.

Эта группа идей и перетекание их между различными религиями показывают, что мотивы, ассоциируемые с богом грома, вероятно, имели региональные вариации, и что «традиционная доминанта» привлекала различные мотивы в различных сочетаниях между культурами и даже в пределах каждой культуры. Как видно из поэмы «Драпа о Торе» в сравнении с прозаической версией Снорри, где он излагает эпизод с Хрунгниром, даже в пределах узкой среды, в которой действовал Снорри, имеются вариации, которые могли бы быть выражением различных традиций и жанров в большей степени, чем редакцией текста со стороны Снорри. Так как различия в рассмотренных здесь материалах столь значительны, мы можем прийти к заключению, что мифологический помощник бога грома в саамской и древнесеверной религии,

был персонажем и концепцией, для которых центральной являлась идея помощника и природного явления, а форма (расовая принадлежность, число персонажей) была вторична. Это также можно было бы интерпретировать как центральную тему для Громовержца: он может действовать не в одиночку. В эпизодах, где он так действует («Перебранка Локи», «Песнь о Харбарде») на это обстоятельство указывают как на нечто исключительное. Довольно странно при этом, что Снорри Тора именуется *einriði*, *одиноким ездоком или ездящим в одиночку*. Сравнительное исследование показывает, что список слов, связанных с ритуальным специалистом в саамском материале и мифологический образ Thoog-olmai как раз и был одной таких из упомянутых вариаций. Это открывает дорогу для идеи про Тьяльви, имеющего те же самые черты, и, возможно, демонстрирующего это в мифе о Хрунгнире. В сочетании с редкой и довольно неясной информацией про *Ukon roika* из финских мифов, и со столь же неясным упоминанием в скальдической поэзии возможного тесного родства Тьяльви с богом грома, можно высказать предположение о Тьяльви как о мифологической интерпретации ритуального специалиста.

Цитируемые труды.

- Bertell, Maths. 2003. *Tor och den nordiska åskan: Föreställningar kring världsaxeln*. PhD dissertation. Stockholm: University of Stockholm.
- Drobin, Ulf, & Marja-Liisa Keinänen. 2001. "Frey, Veraldin olmai och Sampo". In *Kontinuitäten und Brüche in der Religionsgeschichte: Festschrift für Anders Hultgård zu seinem 65. Geburtstag am 23.12.2001*. Ed. Michael Stausberg & Olof Sundqvist. Berlin: de Gruyter. Pp. 136-169.
- DuBois, Thomas A. 1999. *Nordic Religions in the Viking Age*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Faulkes, Anthony (ed.). 1998. *Snorri Sturluson, Edda: Skáldskaparmál*. London: Viking Society for Northern Research.
- Fellman, Jacob. 1820-1831 [1906]. *Anteckningar under min vistelse i Lappmarken I-III*. Helsingfors
- Heggstad, Leiv, Finn Hødnebo & Erik Simensen. 1993. *Norrøn ordbok*. 4. edn. Oslo: Det Norske Samlaget.
- Heide, Eldar. 2006. *Gandseid og åndevind*. PhD dissertation. Bergen: Universitetet i Bergen. Доступно на: <http://www.uib.no/People/hnoeh/Heide-Gand-seid-andevind.pdf>
- Hultkrantz, Åke. 1973. *Metodvägar inom den jämförande religionsforskningen*. Stockholm: Esselte stadium.
- Leem, Knud. 1767 [1975]. *Beskrivelse over Finmarkens Lapper, deres Tungemaal, Levemaade og forrige Afgudsdyrkelse*. København: Rosenkilde og Bagger.
- Bergman, E.W. 1891 *Anteckningar om Lappmarken, särskildt med hänseende till kristendomens införande därstädes*. Historisk tidskrift 11. Svenska Historiska Föreningen: Stockholm.
- Olrik, Axel. 1905a. "Nordisk og lappisk gudsdyrkelse". *Danske Studier* 1905: 39-63.
- Olrik, Axel. 1905b. "Tordenguden og hans dreng". *Danske Studier* 1905: 129-146.
- Olrik, Axel. 1906. "Tordenguden og hans Dreng i Lappernes Myteverden". *Danske Studier* 1906: 65 - 69.
- Portable Antiquities Scheme. "Spindle Whorl". <http://finds.org.uk/database/artefacts/record/id/409249> (Last accessed March 2013.)
- Price, Neil S. 2002. *The Viking Way: Religion and War in Late Iron Age Scandinavia*. PhD dissertation. Uppsala: University of Uppsala.
- Schön, Ebbe. 2005. *Asa-Tors hammare: Gudar och jättar i tro och tradition*. 1st edn. Stockholm: Hjalmarson & Högberg.
- Siikala, Anna-Leena. 2002. *Mythic Images and Shamanism: A Perspective on Kalevala Poetry*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Skanke, Hans. 1728-1731 [1945]. "Epitome historiae missionis lapponicae". In *Nordlands og Troms finner i elder håndskrifter, Nordnorske samlinger V*. Ed. O. Solberg. Oslo: Etnografisk museum.
- Steinsland, Gro. 2007. *Fornnordisk religion*. Stockholm: Natur och kultur.
- SKVR - Suomen Kansan Vanhat Runot I-XV. 1908-1997. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Sørensen, Jesper. 2004. "Religion, Evolution, and an Immunology of Cultural Systems". In *Evolution and Cognition X.1*. Altenberg: Konrad Lorenz Institut. Pp. 61-73.
- de Vries, Jan. 1962. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. 2nd expanded edn. Leiden: Brill.

---

¹ DuBois 1999; Price 2002; Drobin & Keinänen 2001; Bertell 2003; Heide 2006.

² Саамские языки (диалекты), несмотря на существующее между ними грамматическое и лексическое сходство, достаточно отличаются друг от друга, при этом представители различных саамских языков (диалектов) нередко не понимают друг друга (прим.перев).

³ Следует оговорить, что понимание понятия *sifuni* достаточно проблематично. Автор опирается на версию, приводимую, например, в *An Icelandic-English Dictionary (R. Cleasby & G. Vigfusson)*, где *sifuni* считается синонимом *sifjungr* (родственник по браку, к *sifi* — родство по браку) возможно, по линии Сив или Ярнсаксы. Однако и в этом словаре учитывается вариант перевода слова как *a companion* (?). Возможные версии разных авторов включают понятия «дружественные», «союзные» и т.д.

⁴ Ok sifuna síðan
sverðs liðhatar gerðu
hlífar borðs við Hörða
harðgleipnis dyn barða;

Возможный перевод полу-висы:

И родственные-по-браку (либо дружащие, либо союзные) затем // меча помощи-ненавистники содеяли // защиты (щитов) доски с хёрдами // жестко-Глейпнеровыми шум склонов;

Где: защиты доски (воина) =щиты; шум щитов =битва; хёрды жесткоглейпнировые =асы (хёрды — народность, Глейпнир — название созданных по воле асов пут); асы склонов =великаны; родные меча-помощи-ненавистники=Тор и Тьяльви (о чьих мечах в мифологии нет никаких сведений, видимо, меч с Громовержцем и его спутниками не ассоциировался). И вся полустрофа: И затем Тор и Тьяльви содеяли с великанами битву.

⁵ *kall* — не древнесеверное, а норвежское написание (прим. перев.).

⁶ Носители южно-саамского языка проживают в Норвегии и Швеции (сегодня ок. 600 человек), как и носители луле-саамского (ок. 2000 человек), носители пите-саамского в Швеции (ок. 20 человек всего) (прим. перев.).

Siikala 2002: 79-80; SKVR XV 214; VII1 434; VII4: 1630, 1738, 1758, 1760, 1762, 1976, 2298, 311, 611, 2298; IX4 311, 611, 935; X 112, 5238, 5247, 8600; XV 209, 211, 214.

⁸ Например, в норвежской балладе «Старик Тор», воспроизводящей сюжет «Песни о Трюме» (прим. перев.)

⁹ Иногда в качестве намёков на связь Тора с шаманизмом видят надпись на камне из надписи на камне из Корпбронна (*Korpbron*, Швеция), включающую руническую лигатуру, расшифровываемую как *sipi þur* (возможный перевод: Тор, верши сейд!).

Высказывалось осторожное предположение, что переодевание Тора в женский наряд в «Песне о Трюме» также может быть отголоском практик сродни индейским обычаям бердаче (т.е. исполнению роли противоположного пола, которое могло быть частью шаманского становления, хоть тоже не обязательно именно ею).

¹⁰ Речь идёт о находке свинцового пряслица из Салтфлитбю (*Saltfleetby St Clement*), Линкольншир, сделанной в 2010 году.

Форма (коническая) пряслица и материал не типичны для Скандинавии, но встречаются в Англии. Однако по пряслицу диаметром 8мм в два ряда идёт скандинавская руническая надпись, по стилю рун датированная началом XI в. На вертикальной части написано:

.oþen.ok.einmtalr.ok.þalfa.þeir.

Óðinn ok Heimdallr ok Þjálfar, þeir

Один и Хеймдалль и Тьяльви они

Надпись на лицевой стороне понятна меньше:

ielba.þeruoft.ok.kiriuessf.

hjelpa þér Úlfjótr ok...

Помоги тебе, Ульвльот и... (прим. перев.)

¹¹ Отрывок из «Пряди о Торстейне Мощь Хуторов» в переводе Т.Ермолаева:

«Достал он [дверг] тогда из своего кошелька камень. За ним последовал стальной шип. Камень был треугольным. Посередине он был белым, с обратной стороны — красным и с жёлтой каймой снаружи.

Дверг сказал:

— Если ты уколешь шипом камень там, где он белый, то начнётся такая сильная метель с градом, что никто не посмеет глянуть навстречу. А если ты захочешь растопить этот снег, то уколи там, где камень жёлтый, и тогда так засияет солнце, что всё растает. А если ты уколешь там, где красное, оттуда выйдет такой огонь и жар со снопом искр, что никто не сможет глянуть навстречу. Также ты можешь поразить цель, когда захочешь, этими шипом и камнем, и он сам вернётся в твою руку, как только ты позовёшь. Больше мне нечем вознаградить тебя».

СОСЕДИ В МИДГАРДЕ

Песнь льювлинга (*Ljúflingsljóð*).

Перевод с исландского Н.Топчий
под редакцией Т.Ермолаева

О поэме.

Исландская поэма с названием «Песнь льювлинга» или «Песнь любимца» (*Ljúflingsljóð*), также известная как «Колыбельная льювлинга» (*Ljúflingsdilla*) или «Речи льювлинга» (*Ljúflingsmál*), относится к XVIв. Существует она в нескольких редакциях, разница между которыми вполне укладывается в схему вариаций текста при устной передаче либо невнимательном переписывании, в частности, несовпадающие строки разных версий чаще всего созвучны, даже если их смысл различен (например, *gláður glöggskygnastur* и *gleða glöggskygnust, svinnr um saktal* и *svinnur um sáttar, sí-bókamáll* и *sýn bókamál* и т.д.).

Любимцами, либо возлюбленными или баловнями (*ljúflingur*) народная молва Исландии именovala Сокрытый Народ. Это уже не альвы «Эдд» и саг, близкие богам, а соседи, живущие в камнях «совсем как мы»: со своим хозяйством, скотом, зажиточно или, наоборот, бедствуя. Они знают больше людей, способны отводить глаза, приносить удачу или беду, но они, в целом, народ крещёный, со своими церквями, священниками и собственной Библией, пусть и несколько отличной от людской (смотри, например, книги Л.Кораблёва «Из рассказов о древнеисландском колдовстве и Сокрытом Народe», «Книга историй об эльфах»). Они могут встречаться со смертными и иметь от них детей, и порою наделяют своих потомков доброй удачей. Именно о такой истории и рассказывает поэма. Источником перевода для «Песни льювлинга» (*Ljúflingsljóð*) стал текст с сайта Проекта развития исландской культуры в интернете¹ (раздел *Álfavefsins*), начатого в 1996г. под руководством Сальвёр Гиссурардоттир (*Salvör Gissuraradóttir*).

Поэма написана размером, близким к эддическому, с аллитерацией начальных слогов (обычно по два аллитерирующих слова в первой строке, одно в следующей), однако число строк в выделяемой строфе и длина строки варьируется довольно сильно. В рассматриваемой редакции «Песни льювлинга» поэма разбита на пять логически и поэтически отдельных частей. Интересно, что части поэмы имеют легко узнаваемые традиционные черты: первая колыбельная является перечнем-тулой, далее следует доброе напутствие-заговор на удачу младенцу, затем преподаются жизненные советы, далее эхо «мудрости житейской» из «Речей Высокого», и опять мы видим перечень, но уже исландских поговорок вперемешку со ссылкой на св. Петра и советами вполне христианскими по духу. Завершает текст напутствие на удачу слушающим, напоминающее о «благе внимавшим» и выучившим сказанное (что отсылает к многовековому представлению о силе стихотворного слова). Интересно, что из последнего отрывка мы можем узнать имя героя истории...или всё-таки имя автора поэмы?...

Редактором и консультантом перевода выступил Т.Ермолаев, на долю которого пришлось не менее половины проделанной работы. Ниже представлен на суд читателей журнальный вариант перевода.

Песнь льювлинга.

Ребёнок потомка Сокрытого Народа и служанки плакал, и его не могли утешить. Тогда некто подошёл к окну дома и сказал:

I.

¹ <http://www.ismennt.is/vefir/ari/alfar/aljod/ljuflingur.htm>

Спи-засыпай, мой сынок,
Спит тюлень в море,
лебедь в волнах,
на острове чайка, —
тебя ж не баюкают, —
в пучине треска.
Спи, я люблю тебя.

В стойле корова,
телёнок в загоне,
олень на равнине,
мышка под камнем,
в земле червячок,
на склоне змея.
Спи, я люблю тебя.

Бобёр близь воды,
в утёсах баклан,
лисица в норе,
форель в озёрце,
лебедь² на льду,
на берегу утка,
выдра в ущелье.
Спи, я люблю тебя.

Рыбёшка на отмели,
в проливе — мальки,
в берлоге — медведь
с когтистыми лапами,
волк спит в чащобе,
угорь в болоте,
а щука в воде.
Спи, я люблю тебя.

II.
Вот убаюкал я
тебе сына, женщина,
любимца нашего
за время малое,
стареть рождённые³
все в постели,
удачлив будет он,
моя половинка.

Здоров проснётся он,
и мудр во многом,
богатый, щедрый,
и друг всеобщий,

---

² Для обозначения лебедя в двух строфах в оригинале использованы разные исландские наименования: *álft* и *svanur*.

³ Стареть рождённые — обычные люди, смертные.

и работающий,
и верный богу,
справедлив с каждым,
к несчастным милостив.

Судов строитель,
стрелок всех лучше,
на древах⁴ высится,
где волны плещут.
надежен в хнэтавле,
приятен с арфою,
на поле резвый
друг предводителей.

Любим и счастлив,
закон толкующий,
мудр в обвиненьи,
и в книгах сведущ,
и правый в дóлжном,
могучим милый.

III.

Будь соседям полезен,
коли ты можешь,
не плачь ты, сын мой,
чтоб не вышло на тинге,
будь малословен,
пусть дурень бахвалится,
не извещай
о том, что замыслил,
узнавай ты о многом,
молви немногое.

Стерегись болтовни,
где народ станет пить,
будь другом друзьям,
стерегись и обмана,
приглашай сирых в дом,
еды дай голодным,
кров и ночлег
тем, кто нуждается.

Не бери ничего,
сверх своей платы,
больше друзей
у осмотрительных.

Дурному противься,
бережливо веди себя,
часто в растратах
неосторожные,

---

⁴ «На древах» (в оригинале *ad eikum*, «на дубах») — на кораблях.

не одаривай многих⁵,
пусть едешь повсюду,
первейший из всех,
кто первым зовётся.

IV.

Есть ещё висы,
коль слушать хотите,
то слушайте также
четвёртую прядь.
Мне язык засвербит,
коль продолжу я дольше.
В том была бы нужда,
пока смолкли другие

Широки тропы вод,
непослушны ветра,
эль меняет людей⁶,
пламя жжёт древесину,
сладка любовь грешная,
ненадёжен дар моря,
лёгок труд страсти,
долго утро у конунга.

Орёл — неробчайший,
век всем пререзный,
разум в дружбе удачливей,
прекрасно затишье,
ветер — к порче погоды,
сокол — лучший летун,
рад прозорливейший,
бог превыше всего.

О насмешках не думаем,
Пьетур свидетель:
помогает то мало —

---

⁵ В другой редакции текста (*Ljúflingsmál*) это место имеет обратный смысл: *gef til fjölda*, т.е. «одаривай многих».

⁶ Буквально, *öl er annar maður*, т.е. «пиво — другой человек».

клевете огрызнуться.
И прощаем охотно
в спину удары,
по всему судить будут,
что сказано было.

V.
Станет всем теперь
друзьям Амунди
много легче жить,
кто песнь выучит.
Получат все,
что внимали,
удачу добрую
себе от господ.

Книга из мира эльфов.

Перевод с исландского Т.Ермолаева.

Как-то раз в Эйрарбакки пришёл корабль; на нём был капитан, который был вовсе не таков, каким казался.

Среди прочего он вынес на берег огромную бочку с водкой, которая вмещала две обычных, и предложил тому, кто занесёт этакую в лавку, водку из неё. Многие подходили, желая испытать силу, но никому не удалось приподнять её хоть на капельку.

Тогда подошёл человек, которого звали Йоуном, чрезвычайно крепкий и сильный; он поднял бочку и занёс в лавку. Капитан сильно покраснел и сказал, что летом они ещё встретятся.

Прошла зима и к лету капитан прибыл; Йоун уже прослышал, что вместе с капитаном путешествует чёрный человек, и понял, что ему предстоит бороться с ним.

Его отец сказал ему, чтобы он завернулся в овечью шкуру, так чёрный человек не сможет его разорвать. Йоун сделал, как посоветовал ему отец, боролся с чёрным человеком и убил его. Капитан крайне разгневался и сказал, что ещё повстречает его следующим летом.

Прошла вторая зима, и летом капитан приплыл с бойцовым псом, таким бешеным, что никто не мог противостоять ему, когда его спускали с цепи.

Йоун пришёл побеседовать с отцом и рассказал ему об этом; тот посоветовал Йоуну взять в руку кусок базальта и бросить его псу в пасть, чтобы сломать собачьи клыки. Йоун сделал так и смог одолеть пса.

Капитан чрезвычайно разгневался и велел ему подняться на корабль вместе с ним. Тут он дал Йоуну задание найти и принести книгу, которая будет точно такой же, какой владеет он сам, а книгу эту он открыл столь проворно, как только мог, и тут же закрыл обратно. Йоун мало что рассмотрел и с тем отправился восвояси.

Отец посоветовал ему встретиться со священником Эйриком из Вохсоуса. Йоун нацедил из той самой бочки два бочонка и направился в Вохсоус; он подарил священнику Эйрику один из этих бочонков.

Эйрик спросил его:

— Какое у тебя дело, любезный?

Йоун изложил ему все обстоятельства дела. Священник Эйрик спросил его, не запомнил ли он какие-нибудь буквы из той книги и не сможет ли он нарисовать знаки, что в ней были. Йоун ответил, что, наверное, сумеет это сделать, и священник, увидав знаки, сказал:

— Это была наихудшая магическая книга из тех, что существуют, трудно будет тебе заполучить её, но сегодня заночуй тут.

Утром священник вручил ему письмо и наказал ему идти прямо на Чёрные Скалы, которые расположены чуть дальше к северу от хутора Хлид, что в бухте Сельвог; там надо постараться найти небольшой хуторок; он должен войти туда и отдать письмо хозяину.

Йоун сделал так, как предложил ему священник; он пришёл на тот хутор и встретил старуху и девушку. Также Йоун увидел там старика и отдал ему письмо. Старик пригласил его войти.

Прочитав письмо, он сказал:

— Никогда не подумал бы, что священник Эйрик желает моей смерти. Впрочем, перезимуй здесь, а меня дома не будет, и можешь считать меня погибшим, если я не вернусь к первому дню лета.

Там Йоуну понравилось, и они с хозяйской дочерью полюбили друг друга. В первый день лета старик вернулся. Он отдал Йоуну книгу и письмо священнику Эйрику. Он сказал, что этой зимой угодил в труднейшие испытания; три эльфийки хранили эту книгу в подземном мире и для развлечения бросались ею друг другу в грудь.

Он сказал также, что его дочь нездорова и виноват в этом, наверное, Йоун. Он выразил пожелание, чтобы тот навсегда вернулся к нему, когда возвратит книгу. Йоун согласился и затем спустился в Вохсоус.

Он отдал священнику Эйрику письмо старика и книгу. Эйрик обрадовался ему и рассказал Йоуну, что тот зимовал у эльфийского народа. Он посоветовал Йоуну бросить книгу в грудь капитана, когда тот сойдёт с корабля на берег.

Затем Йоун направился на восток в Эйрарбакки и стал ждать, пока придёт корабль; и когда капитан поплыл на своей лодке к берегу, Йоун погрёб навстречу и бросил книгу ему в грудь, капитан упал спиной назад в море, и его не смогли спасти. А силами священника Эйрика книга вернулась в руки Йоуна. Тот отдал её священнику Эйрику, а потом отправился к старику, и с тех пор о нём не было слышно.

Иллюстрация Заварзиной Н.

Зачарованные каменные великаны.

Екатерина М. Голубева

Троллей по праву можно назвать одними из самых жизнестойких мифических существ: по прошествии веков они не подверглись забвению и успешно кочуют из скандинавских мифов и саг в сказочный фольклор, а оттуда – и в современную массовую культуру. Образ огромного, уродливого и часто злонамеренного создания глубоко пустил корни в литературу жанра фэнтези, кинематограф и компьютерные игры. Однако тролль из скандинавских мифов и сказок зачастую существенно отличается от своего собрата из современного фэнтези.

Образ тролля в ходе своей многовековой истории подвергался различным метаморфозам, а «генеалогия» этой скандинавской нечисти весьма непроста. Шведское «troll» переводится как очарование, колдовство и не содержит в себе более точных характеристик указывающих на внешний облик существа, к которому применимо это обозначение. Так могли бы называть любых сверхъестественных созданий, олицетворяющих силы природы. Но в скандинавской традиции слово «тролль» ассоциируется именно с духами земли. Описание внешности троллей в зависимости от источников может различаться, но в легендах тролли неизменно связаны с камнем, горами, скалами и пещерами. В некоторых фольклорных сюжетах тролли могли принимать человекоподобный облик, но в первую очередь, согласно основному мифическому мотиву, они являются великанами – воплощенными духами земли, что роднит их с другими исполинами скандинавской мифологии турсами и ётунами, потомками великана Имира – первого живого существа, из тела которого, по легенде, был создан мир. Поэтому, насколько мы можем судить, родословная у троллей самая почтенная и уходит в глубину веков.

Типичный тролль скандинавских сказок – это мохнатый сгорбленный великан, непривлекательной наружности, не слишком сообразительный и обычно враждебный к людям. Некоторые тролли, наиболее близкие к своей изначальной каменной природе, имеют огромный рост, а их шаги измеряются милями. Такой тролль, присев и глубоко задумавшись или застыв под лучами солнечного света, мог обрасти мхом, вереском и даже деревьями, стать неотличимым от старого лесного валуна.

Другие представители рода троллей больше походили на человека, но их всё равно зачастую отличал темный или наоборот неестественно светлый цвет кожи, маленькие глаза, крупные уши и нос, а также высокий рост.

В сказках отмечается шестипалость троллей и наличие хвоста, который они тщательно скрывали под одеждой, если желали показаться людям, оставшись неузнанными.

Впрочем, некоторые тролли могли быть даже привлекательны и способны соблазнить человеческих сынов и дочерей, но склочный необузданный нрав или прочие неистребимые признаки рано или поздно выявляли их истинную природу.

Характер троллей достоин отдельного упоминания: традиционно, они изображались чрезвычайно грубыми и гневливыми существами, тугодумами и простаками, которые не могли жить в мире даже со своими сородичами. Люди верят, что следы многочисленных междоусобных войн этих каменных великанов до сих пор хранит ландшафт Скандинавии в виде огромных расколотых камней и горных расселин, образовавшихся под воздействием силы троллей.

Но были среди троллей вожди и старейшины, отличающиеся мудростью и справедливостью, к которым остальные могли обратиться за помощью и советом. Как известно, исключения не делают

правила, поэтому дурной характер троллей стал даже притчей во языцех: про злого, неуживчивого и глуповатого человека в народе шутили, что в младенчестве его подменили тролли.

Точные границы «ареала обитания» троллей сейчас определить сложно. Миф о них в том или ином виде распространялся вместе с носителями скандинавского культурного кода и охватил не только Швецию, Норвегию и Данию, но и Исландию, Германию, а также Северную Британию, Финляндию и Карелию.

В классическом представлении родина троллей – суровая каменистая земля где-то на Севере. Сказочные тролли обычно обитают в дремучих темных лесах, в горных пещерах, по возможности подальше от людей.

Северное направление неслучайно, тролли унаследовали его от более древних мифических великанов – ётунов, которые жили в горном холодном Ётунхейме (Утгарде) – северной стране за пределами обитаемого людьми Мидгарда. Это представление скандинавов также вписывается в общее мировосприятие евразийских народов, склонных демонизировать в своих преданиях Север. Вспомним, что и царство мертвых Хель расположено где-то на Севере. Враждебный Утгард противопоставлялся в сознании людей Мидгарду, равно как леса и горы, где жили тролли, освоенному пространству деревень, поселков и городов.

По легенде, был у троллей и свой город-крепость – золотой дворец Сория-Мория на семимильной горе, где жил король всех троллей и гномов.

В шведских сказках каждый уважающий себя тролль старался хотя бы раз за свою долгую жизнь побывать на большом королевском пиру в Сории-Мории.

Что касается современной географии, конечно, больше всего упоминаний о троллях встречается в фольклоре Швеции и Норвегии, что совсем не удивительно, ведь в этих странах тролли могли найти для себя в достатке леса и горы – свои излюбленные места обитания. А вот соседняя Дания подобными природными богатствами обладает в меньшей степени, поэтому тролли, если и заглядывали в Данию, то не находили там для себя соответствующего пристанища.

Но вернемся к сложным взаимоотношениям троллей и людей.

Изредка, действительно хищным троллям, предпочитающим оленину и медвежатину, приписывается людоедство, но, если верить сказкам, в основном их вредительство человеку заключалось в склонности к воровству, проистекающей во многом от знаменитой тролльей лени. Сказочные тролли – прирожденные воры и не побрезгуют стащить то, что понравится или плохо лежит, будь то одежда, корова или даже маленький ребенок. Воровское искусство троллей свидетельствует о том, что они вовсе не так просты, как их часто хотят представить. Для успешного воровства тролли прибегали к различным заранее продуманным хитростям, а это верный признак наличия, может быть подлого, но достаточного для практических дел ума. Также тролли, вероятно, обладали своей древней магией, передающейся из поколения в поколение. В частности сохранились упоминания о специальных заклятиях, используемых троллями для отвода людских глаз и сокрытия кражи.

Согласно одному из сказочных сюжетов, некоторые из троллей влюбились в людей и всеми способами пытались добиться взаимности. В норвежском фольклоре сохранилось предание о хульдрах (норвежское *huldra* восходит к древненорвежскому глаголу *hulja* – скрывать), женщинах-троллях, с помощью магии скрывающихся под внешностью красивых светловолосых девушек. Отличить прекрасных хульдр от человека можно было только по наличию хвоста. Случайно встретив привлекательных троллих где-нибудь в лесу или горах, молодые мужчины нередко влюбились в них и оставались жить в уединенной глуши, потерянные для мира людей.

Позднее под влиянием христианства хюльдрам дали надежду на избавление от троллей природы: в случае церковного венчания с человеком у хюльдры должен был навсегда отпасть хвост, и она становилась неотличима от обычной девушки. Этот мотив нашел отражение в знаменитой средневековой скандинавской балладе «Герр Маннелиг» (швед. *Herf Mannelig*), которая рассказывает о женщине-тролле, влюбленной в рыцаря Маннелига. Троллиха, чтобы стать человеком, в обмен на многочисленные богатые дары, умоляла рыцаря взять ее в жены, но христианин-Маннелиг остался непреклонен, не пожелав связывать свою жизнь с нечистой.

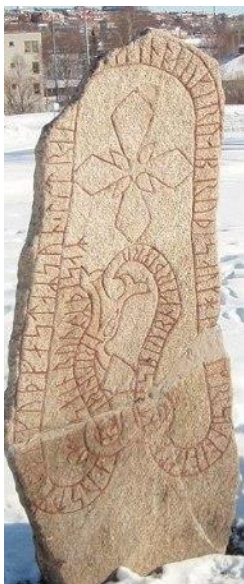
Несмотря на подобные случаи, люди и тролли не ладили друг с другом. Со временем люди занимали все больше земель и охотничьих угодий, ранее принадлежавших троллям: вырубались леса, разрабатывались рудоносные горы. Такое положение дел, а также распространение христианства обостряло взаимную неприязнь. Тролли, будучи сильнее и больше человека, все равно оставались смертными существами, которых можно было извести оружием или магией.

Кроме солнечного света, превращающего некоторых великанов в камень, считается, что тролли боялись шума городов и звона церковных колоколов, который напоминал им о громовержце Торе и его Молоте – враге и истребителе всех злобных турсов, ётунов и троллей. Зная это, люди иногда специально обходили с колоколом местность, чтобы изгнать оттуда троллей и прочую нечисть. Также в Швеции прибегали к верному средству от вредоносного присутствия троллей: прикрепляли к потолку жилого дома, конюшни или яслей ветки священной омелы, собранные в канун летнего солнцестояния.

В довершение всех бед, троллей всегда чуяли и облаивали собаки – постоянные спутники людского жилья.

Мир изменился, и потомкам древних хтонических чудовищ пришлось потесниться и уйти подальше от человеческих глаз.

Существовали ли тролли в действительности, или все рассказы о них – лишь плод богатой народной фантазии, остается загадкой.

По сей день повсюду в Швеции и Норвегии сохранилось немало косвенных следов присутствия троллей. Так, например, в шведском городе Эстерсунд есть озеро Стуршён (*Storsjön*), в котором живет огромное змееподобное чудовище, попавшее, по поверью, в озеро как раз по милости троллей. В 1635 году священник Мугенс Педерсен первым записал легенду о том, как два тролля однажды решили вскипятить себе воды в чайнике на берегу озера Стуршён. Тролли задумались и так долго не снимали кипящий чайник с огня, что из него внезапно выпрыгнуло странное создание со змеиным телом и исчезло в воде озера, где и поселилось.

Шведы более чем серьезно относятся к этой легенде: накопилось более 300 документальных свидетельств очевидцев, видевших чудовище озера Стуршён собственными глазами. А на берегу озера установлен камень с изображением змея, в контуры которого вписаны руны, считается, что именно благодаря этому берегу, чудовище не может выйти на сушу и повредить людям.

В Норвегии, в 35 километрах к северу от города Лаксельв, на берегу фьорда расположена группа каменных монолитов необычной формы – Тролльхолмсунд (Trollholmsund). Легенда гласит, что эти странные фигуры принадлежат застывшим троллям, некогда блуждавшим в этих местах с сундуком золота, который они хотели перенести через фьорд и спрятать, но замешкались и были застигнуты восходом солнца, лучи которого обратили троллей в каменные изваяния.

Упоминаний о троллях в топонимике, природном ландшафте и местных сказаниях в Северной Европе сохранилось достаточно много, а вдоль скандинавских трасс даже можно встретить современные дорожные знаки «Осторожно, тролли!», аналогичные тем, что предостерегают автолюбителей от вполне реальных диких лосей, изредка пересекающих дороги.

И кто знает, установлены ли такие знаки в угоду туристам, которых привлекает таинственный ореол старых сказок и легенд, или они всё-таки отражают неистребимую веру скандинавов в своих зачарованных каменных великанов, которых, возможно, и в наши дни можно повстречать где-нибудь в дремучем лесу или далеко в горах.

Источники:

Волшебные сказки Швеции (перевод Ою Мязотс) - М.: РИПОЛ классик, 2011. – 176 с.

Волшебные сказки Норвегии (составитель и общ. ред. Е.С Рачинская) - М.: РИПОЛ классик, 2011. – 200 с.

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. (Библиотека всемирной литературы, т. 9) ред. Шлапоберская – М.: Художественная литература, 1975. – 750 с.

Е. М. Мелетинский. Избранные статьи. Воспоминания. (Скандинавская мифология как система) Е.М. Мелетинский [ред. Е.С. Новик]. – М.: РГУ, 2008. – 248-272 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия. (под ред. С.А. Токарева) – М.: Российская энциклопедия, 2000. – 720 с.

Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. А. Леманн.- Киев: Україна, 1993. – 400 с.

Золотая ветвь: исследования магии и религии/ Д.Д. Фрэзер [пер. М.К. Рыклина] – М.: Эксмо, 2006. – 960 с.

История сношений человека с дьяволом/ М.А. Орлов. – М.: Республика, 1992. – 352 с. Интернет-портал «Путеводитель по Швеции» <http://www.allsverige.ru/>

Скандинавия по-русски <http://norse.ru>

Весёлые тролли и не только...

Иллюстрации Заварзиной Натальи

Сага № 8
Август 2014г.

Обратная связь.

Если у вас есть интересные материалы для следующих публикаций,
пожелания и предложения по нашей работе, пишите нам

vyshezor@mail.ru

Мы заинтересованы в вашем участии в нашем проекте. Если вы
заинтересованы нам помогать любыми посильными способами, вступайте в
клуб в ВКонтакте https://vk.com/saga_journal

Все авторские права принадлежат глубокоуважаемым авторам.

Санкт-Петербург 2014